

В 1(62)

ВРАТА СИБИРИ

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:
АНО

«Тюменская область сегодня»

Редактор, автор проекта
ИВАНОВ Л.К.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 1 (62)

БЕЛКИН С.В.
ЕГОРОВ С.И.
ЕФРЕМОВА Л.Г.
КОЗЛОВ С.С.
ФЕДОСЕЕНКОВ М.А.
ШЕСТАКОВ С.А.
ШИРМАНОВ И.А.
ЯРКОВ А.П.

Тюмень
2024

Содержание

60 ЛЕТ ОБЛАСТНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Виктор ЗАХАРЧЕНКО	Летописец эпохи.....	3
Татьяна СОЛОДОВА	«Я жребий свой не выбирал».....	7

НИКТО НЕ ЗАБЫТ. К 100-ЛЕТИЮ ТЮМЕНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Евгений АНАНЬЕВ	<i>Очерки</i>	15
Иван ЕРМАКОВ	<i>Сказы</i>	25

ПРОЗА

Сергей БЕЛКИН	Маэстро.....	30
Сергей ЛУЦКИЙ	<i>Миниатюры</i>	35
Андрей МАРКИЯНОВ	Предначертание.....	40
Виталий ОГОРОДНИКОВ	Надымские дискоболы.....	53
Анатолий ОМЕЛЬЧУК	Выбор Александра – путь Путина.....	60
Ольга МИЛОВАНОВА	<i>Рассказы</i>	63
Егор КОСИН	<i>Рассказы</i>	77

ПОЭЗИЯ

Сергей СМЕТАНИН (82)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ

Аркадий БЫКОВ	<i>Стихи</i>	86
Юлия АНДРЕЕВА	Портрет в памяти.....	90
Марина НИКОГОСЯН	<i>Стихи</i>	96

Стихи сибирскотатарских поэтов (100)

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья СЕЗЁВА	Сибирский след.....	110
----------------	---------------------	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Андрей ФЕФЕЛОВ	«30 лет созидания».....	116
----------------	-------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Галина МАНАЕВА	Тюмень Серебряного века.....	125
Николай КОНОВСКОЙ		
Светлана ВЬЮГИНА	Вселенная Валентина Распутина.....	133
Эдуард АНАШКИН	Пламя книжных страниц.....	147

НАШИ ГОСТИ. ПИСАТЕЛИ ЛУГАНСКА

Марк НЕКРАСОВСКИЙ	За други своя.....	151
Андрей МЕДВЕДЕНКО	<i>Стихи</i>	158
Лариса БЕКРЕШЕВА	<i>Стихи</i>	162
Олеся КАЗМЕРЧУК	<i>Стихи</i>	163
Людмила ГОНТАРЕВА	<i>Подборка</i>	168
Наталья МАВРОДИ	<i>Стихи</i>	175
Виктор ПЛЕСКУН	<i>Стихи</i>	177
Светлана ТИШКИНА	<i>Стихи</i>	182
Александр СИГИДА	<i>Стихи</i>	186

Литературная хроника	191
Коротко об авторах	194

60 ЛЕТ ОБЛАСТНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Виктор ЗАХАРЧЕНКО ЛЕТОПИСЕЦ ЭПОХИ

Мог ли знать паренек, бродящий по сибирской тайге, что ему будет предопределено стать летописцем освоения северных богатств, «певцом нефтяной Тюмени»? Тогда и о богатствах этих были самые смутные представления. Не мог он этого знать и в двадцать лет в степном Гольшманово, и в тридцать – в знойном Таджикистане. Но, видимо, что-то все-таки было у этого человека внутри, если судьба его сделала такой резкий, неожиданный поворот, и он в мгновение ока из партийного чиновника высокого ранга превратился в профессионального писателя.

Отец, Яков Васильевич, и мать, Мария Федоровна, работали учителями. Старшим сыновьям – Николаю и Константину – приходилось пилить и колоть дрова, чистить стайки, поить и кормить скот, поливать огород, полоть, окучивать, а потом копать картошку, шишковать, заготовливать ягоды и грибы, косить, копнить и стоговать сено. Кроме того, их привлекали на колхозные работы: вместе со сверстниками были погонщиками на молотилке, возили с поля снопы, таскали на волокушах сено и солому, вывозили на поля навоз с ферм.

После десятилетки будущий писатель мечтал поступить в Ленинградский университет. Но грянула война. Из своего детства Константин Яковлевич больше всего вспоминает об отце: «Всем добрым, что есть во мне – гражданской позицией и творческим устремлением, неугасающим удовольствием собой и ненасытной жаждой знаний, – всем я обязан отцу, Якову Васильевичу Лагунову, одному из множества русских самородков, бесславно загинувших в провинциальной российской глуши». Имея за плечами три класса церковно-приходской школы, Яков Васильевич был на редкость разносторонним человеком, преподавал в Малозоркальцево историю, позже был директором Ивановского и Гольшмановского детских домов.

В декабре сорок первого его призвали в армию, потом мобилизовали мать – медсестрой в госпиталь. Разорванная войной семья так и не восстановится: демобилизовавшись в сорок четвертом, отец возвращается, но вскоре уезжает к своей фронтовой подруге в Ленинград. Пути отца и сына еще раз пересекутся в Вильнюсе, чтобы разойтись уже навсегда.

Яков Васильевич заложил в Константине основы ораторского мастерства, заставляя выступать на торжественных мероприятиях; отсутствие страха публичности; стремление активно участвовать в общественной жизни, быть, что называется, на острие событий. Привил он сыну и любовь к литературе. Первые свои литературные опыты Константин показывал отцу, бывшему для него и наставником, и самым близким человеком.

Константин в неполные семнадцать лет устраивается на работу в Гольшмановский детский дом воспитателем старшей группы. Подопечные были его ровесниками, некоторые – старше. Наладить с ними контакт было непросто. Но через несколько месяцев перед молодым человеком судьба ставит еще более сложную задачу: его назначают директором дет-

ского дома. Почти триста воспитанников и около сотни сотрудников. Масса хозяйственных забот. И со всем этим молодой директор справлялся.

Некоторое время Константин Лагунов работает инспектором культпросветработы, потом его назначают заместителем секретаря райкома комсомола. Еще через некоторое время – первым секретарем райкома комсомола.

Самые тяжелые военные годы Константин Лагунов трудится в Гольшманово комсомольским вожаком. Помимо обязательных организаторских дел, он много времени отдает досугу молодежи, создает агитбригады, которые почти весь год колесят по району, выступая в деревнях и селах.

Осенью 1946 года после окончания ЦКШ будущего писателя направляют в Литву. Обстановка там была беспокойная. Это была другая страна, с многовековым устоявшимся укладом жизни, своей культурой и традициями. Литовцы сопротивлялись ломке и перекройке векового уклада жизни. Несколько раз Константин Яковлевич только чудом спасся: его поджигали в набитом сеном сарае, корчмарь пытался напоить отравленной водкой. Но были и приятные. В Литве Константин Яковлевич женился на выпускнице ЦКШ Нине Головань, работавшей в ЦК комсомола республики. В Вильнюсе родилась их старшая дочь Татьяна.

После Литвы Константин Лагунов оказался в Тюмени. Почти сразу же его избирают освобожденным комсоргом вуза. Жена начинает работать заведующей городским отделом культуры. Временные бытовые трудности, нехватка времени – все с лихвой возмещалось молодостью.

Со временем Константин Яковлевич оказывается в аппарате ЦК ВЛКСМ. Работа в аппарате ЦК ВЛКСМ была вершиной комсомольской карьеры Константина Лагунова. Позднее он будет назначен вторым секретарем ЦК комсомола Таджикистана, это уже будет окончанием карьеры, своеобразной почетной ссылкой. В 1956 году он уходит от комсомольской работы и становится заместителем редактора республиканской газеты «Сталинская молодежь» (позже – «Комсомолец Таджикистана»). Начинает активно публиковаться в газете и других печатных изданиях республики. Работает над книгой по истории таджикского комсомола, над кандидатской диссертацией. С этого момента, можно сказать, стремительно начинается и писательская деятельность Константина Лагунова.

Уже через три года, в 1959-м, его принимают в члены Союза писателей СССР. Жанровая палитра произведений, публикуемых в этот период, многообразна: очерки, документальные повести, роман, заметки, рассказы, стихи для детей. В 1958-м, в Душанбе была напечатана первая книга Константина Лагунова «Своей тропой». В 1961 году семья Лагуновых переехала из Сталинобада в Тюмень. Два года писатель руководил Тюменским областным книжным издательством, а с 1963-го, с момента создания областной писательской организации, двадцать лет возглавлял ее.

В начале шестидесятых Константин Лагунов работает над романом, первоначально называвшимся «Под одним небом» и вышедшим отдельными главами в тюменском журнале «Сибирские просторы» в 1962-м и в трех номерах «Урала» в 1963-м. В 1964-м он напечатан в Москве в издательстве «Молодая гвардия» под названием «Зажги свою звезду». В 1966 году в Средне-Уральском книжном издательстве выходит роман «Так было», в котором писатель воссоздал реалии сибирской деревни времен Великой Отечественной войны. Будучи сам свидетелем описываемых событий, Константин Яковлевич сумел правдиво и достоверно показать тяжелейшие условия существования тружеников тыла, показать, какой

ценой далась народу Победа. Неслучайно роман имел несколько переизданий: в 1968-м, 1974-м, 1986-м. В 1966-м в столичном журнале «Новый мир» был напечатан очерк писателя «Нефть и люди», где он поднял ряд проблем освоения северных территорий. Очерк вызвал негодование первого секретаря обкома партии Б.Е. Щербины. Он обвинил автора в очернительстве, в дегероизации, в работе на Запад и т.д.

Роман «Ордалия», который появился в 1970 году, по оценкам прессы, явился первым правдивым романом о жизни сибирских геологов-нефтеразведчиков. Книгу, напечатанную в Средне-Уральском книжном издательстве пятнадцатитысячным тиражом, решило переиздать только что созданное столичное издательство «Современник» в числе своих первых десяти книг. «Мосфильм» запросил разрешение на экранизацию. Но прототип главного персонажа «Ордалии» поднимает кампанию против романа. Дело заканчивается тем, что Российский комитет по печати, признавший «Ордалию» лучшим романом года, объявляет главному редактору Средне-Уральского книжного издательства взыскание и лишает его премии за то, что пропустил это произведение в печать. Самого Константина Яковлевича склоняли во всех инстанциях, требуя публичного покаяния.

В 1974 году в московском издательстве «Современник» выходит в свет роман «Одержимые» – переработанный вариант «Ордалии». Этот вариант был своеобразным компромиссом с властью. Позднее он дважды переиздавался в Свердловске – в 1976 и 1983 годах. По мотивам этого произведения был снят двухсерийный фильм.

В 1978 году в Средне-Уральском книжном издательстве появляется очередной роман Константина Лагунова «Красные петухи». Увлечшись архивными изысканиями, писатель заинтересовался крестьянским восстанием, произошедшим на территории нашей области в начале двадцатых годов. Произведение дважды переиздавалось: в 1987 году, к семидесятилетию Октябрьской революции, а также в 1999 году, в трехтомном собрании сочинений, выпущенном Тюменским университетом. «Красные петухи» оказался в числе трех, наравне с «Ордалией» и «Бронзовым догом», избранных для этого собрания романов. «Больно берег крут» появляется в 1979 году в Москве в издательстве «Современник». Он был признан лучшим романом года и удостоен премии Союза писателей СССР.

Книга «Бронзовый дог» вышла в свет в 1982 году в журнале «Урал». Отдельной книгой роман появился только в 1991 году в Москве в издательстве «Советский писатель» под названием «Начнем с начала». Трудную судьбу этого романа исследователи объясняют опять же противодействием некоторых «деятелей», узнавших себя в произведении.

Роман «Завтрак на траве» появился в Тюмени в типографии газеты «Знамя правды» в 1992 году. Тираж фантастический – 100 000 экземпляров. Но книга в мягкой обложке и склеена так неважно, что, скорее всего, большая часть тиража уже давно отошла в небытие. А ведь это один из лучших романов писателя. Это роман в его первоначальном понимании жанра – история о любви. История любви молодого журналиста и дочери милицейского генерала. В «Завтраке на траве» автором зафиксировано социальное расслоение нашего общества. Но центр тяжести в романе перенесен в сферу человеческую, нравственные коллизии пронизывают жизнь героев.

Повесть «Иринарх» вышла в Сургуте в Северо-Сибирском региональном книжном издательстве в 1993 году. Главный герой ее – просветитель

Иван Шемановский, настоятель Обдорской миссии. Неслучайно Константин Яковлевич обратился в поисках героя к прошлому: настоящее глаз не радовало. Писатель остро переживал крушение великой страны и искал ответы на поставленные временем вопросы. В 1994 году в Тюмени увидело свет его эссе «Пред Богом и людьми», где он попытался рассказать о своей жизни, о своем служении великой идее.

Роман «Отрицание отрицания» появился в 1998 году в издательстве «Вектор Бук» в Тюмени. К работе над ним Константин Лагунов приступает в 1987 году. События, описанные в «Отрицании отрицания», начинаются примерно в начале восьмидесятых и заканчиваются в 1991 году. Работа над произведением продолжалась восемь лет. Роман этот пронизывает целая система мотивов жертвы, являющаяся по сути сложнообразованным единым концептом. В нем зафиксировано изменение сущностного наполнения эпохи, и количественный рост носителей экзистенциального сознания, характерный для кризисных эпох.

1999 год – время появления романов «Добыча дьявола» и «Абсурд», напечатанных одной книгой в издательстве «Вектор Бук» в Тюмени тиражом 5000 экземпляров. «Добыча дьявола» не вписывается в общий строй произведений Лагунова. Дело в том, что в романе нет характера, противостоящего всеобщему распаду и деградации. Роман «Абсурд» – история о неожиданно вспыхнувшем чувстве пожилого человека к женщине не молодой, но намного моложе его. Любви высокой, страстной, закрывающей собой, как грозовая туча, весь небосклон жизни. Любви взаимной, но воспринимающейся всеми, в том числе и влюбленными, как ненормальность.

В Тюмени в издательстве «Вектор Бук» в 2003 году выходит роман «Самоедь». Константин Яковлевич Лагунов закончил его и сдал в печать в 2001 году, незадолго до смерти – умер писатель 19 июля.

Романы Лагунова были предельно злободневны: не искусство ради искусства, а искусство, вышедшее «строить и мечь в сплошной лихорадке буден». Поэтому в его романах коллизии любовные, нравственные находились на обочине читательского внимания, хотя и являлись очень важной составляющей. Выходец из власти, имеющий почти официально признанный статус «певца нефтяной Тюмени», Лагунов стремился быть совестью власти, ее нравственным камертоном. Но желание творить, лепить из осколков бытия собственные миры было для него не менее важным.

Татьяна СОЛОДОВА

«Я ЖРЕБИЙ СВОЙ НЕ ВЫБИРАЛ...»

Писатель Юрий Сергеевич Надточий (1944–2019) не был коренным жителем Сибири, но прожил в Тобольске сорок пять лет, по-настоящему полюбив этот город. В 1988 году в книге «Вершина, которая рядом» он писал: «Тобольск – мой город, любовь и забота, которая всегда со мной. Здесь мой дом. В Тюменской области, где после окончания Литературного института решил я некогда задержаться, казалось, на год-два, да вот уже второй свой сибирский десяток разменял»¹.

Юрий Сергеевич Надточий родился в 1944 году в г. Ногинске Московской области в семье военнослужащего. Ещё в школе он стал писать стихи, но после её окончания поступил в медицинский институт. Служил в рядах Советской армии. В 1973 году окончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького. Когда заочно учился, работал корреспондентом в областных и районных газетах. Много путешествовал по стране: Архангельск, Вологда, Орджоникидзе, Нарьян-Мар... Он ездил на оленях и вездеходах по тундре, трясся на плохоньких грузовиках по ухабам сельских дорог, восхищался силой духа простых рабочих и колхозников Архангельской области и Вологодчины, тундровиками Севера. Они были ему интересны и профессионально, и чисто по-человечески. И писал, писал – очерки, зарисовки, репортажи, интервью...

*Меня носило по земле,
И снова носит,
Я в путь отправлюсь по весне,
Забыв про осень.
В глаза мне скажут:
– В добрый час.
А вслед – осудят.
По разным поводам подчас
Кочуют люди.
Как видно, всем нам суждена
Своя тревога,
Кому деньга, кому жена,
А мне – дорога.
Архангельск, Вологда, Ямал,
Сбегаю с пирса.
Я жребий свой не выбирал,
Я с ним родился»².*

Так писал Юрий Сергеевич в одном из своих стихотворений 1973 года.

Одновременно с корреспондентскими делами он работал то бурильщиком на нефтяной установке, то плотником-бетонщиком, то слесарем-сборщиком на заводе «Ростсельмаш».

В 1973-м Надточий поселился в Тюменской области, сначала работал в газете «Правда тундры» в посёлке Яр-Сале на Ямале. В мае 1974 года с первым комсомольско-молодёжным отрядом строителей им. Н. Остров-

¹ Надточий Ю.С. Вершина, которая рядом. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988, с. 5.

² Там же, с. 84.

ского (они называли себя корчагинцами) приехал в Тобольск для возведения нефтехимического комбината (НХК) и стал работать в этом отряде.

После рабочего дня молодой писатель вёл дневниковые заметки.

Позже он работал инженером на строительстве НХК, сопровождал по Северному морскому пути, по Обской губе, Оби и Иртышу уникальное оборудование для цехов, ездил в разные города страны, на Украину, Кавказ, в Подмосковье с призывом к молодёжи – в Тобольск на комсомольско-ударную стройку века: построим «гигант на Иртыше» с нуля!

В 70-е годы Надточий опубликовал в местных газетах более ста очерков о строителях тобольского НХК. Печатался он и в других изданиях: московских и свердловских журналах, газетах, коллективных сборниках.

В 1977 году была издана его книга – сборник очерков о созидании нефтехимического комбината «Гигант на Иртыше».

В этом же году у Надточия вышла первая книга художественной прозы – сборник: рассказы и повесть «Горячая земля». Рассказы сборника «Горячая земля» посвящены изображению Сибири и уральского Севера. В них можно выделить два типа героев: первый – это коренные жители северных деревень, малообразованные, подчас неказистые по внешнему виду, но обладающие внутренней красотой, душевной стойкостью, живущие «по совести», в согласии со своим пониманием предназначения человека. Чаще всего это люди с непростой судьбой. Второй тип героев – интеллигент, в некоторых рассказах корреспондент. Неуёмная энергия, желание увидеть новые края, понять смысл жизни и понять себя манят их в малонаселённые северные места, где сильнее чувствуется связь времён и необъятность мироздания.

Часть рассказов книги «Горячая земля» – это, скорее, зарисовки без чётко выраженного или завершённого сюжета, выхватывающие лишь несколько моментов из жизни. Например, «Ветра тундры», «Итальянский фильм в Заполярье». Позже автор объединит их в повесть «Полёт по ориентирам», которая станет заглавной в его следующей книге.

Более развёрнута, населена большим количеством персонажей повесть «Узел» о начале строительства нефтехимического комбината в Тобольске.

И эта повесть, и рассказы сборника «Горячая земля» утверждают важность и нравственную ценность созидательного, общественно значимого труда. «Только она, работа, оправдывает жизнь на этой земле»¹, – утверждает мыслями одного из героев повести «Узел» инженера Камышлова, и.о. начальника управления строительства НХК.

Героем заглавного рассказа сборника является мастер Пугачёв, смонтировавший первую, самую северную в стране буровую установку на Харасавэе². Эта буровая вышка видится автору «памятником неистовому упорству, с которым внедряются на этой гиблой земле люди»³.

Сибирская земля, где находятся огромные залежи нефти и газа, где строят новые заводы и новые города – это «горячая земля». И горяча она не только своими энергетическими ресурсами, а, более всего, и прежде всего, энергией, энтузиазмом, желанием построить счастливую жизнь для себя и для других людей, тех, которые, не жалея себя, трудятся для этого. Такой вывод можно сделать, читая книгу молодого прозаика.

¹ Надточий Ю.С. Горячая земля. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1977, с. 99.

² Харасавэй – вахтовый посёлок, располагается на западном берегу полуострова Ямал, название получил от мыса Харасавэй.

³ Надточий Ю.С. Горячая земля. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1977, с. 74.

Эти качества писателя Ю.С. Надточия будут проявляться и в последующем его творчестве.

Именно чувства гражданственности и высокой нравственности не дают автору впадать в ура-восторженный пафос ни в этом сборнике, ни в других его книгах. Он понимает и искренне пишет о том, что романтически настроенная молодёжь часто не выдерживает жёсткий ритм труда или же считает своё пребывание временным и вскоре срывается со строительства для поиска романтики в других местах. Не скрывает он и того, что многие едут в Сибирь, только чтобы заработать и получить стабильное жильё.

В 1982 году московское издательство «Молодая гвардия» публикует вторую книгу Надточия «Полёт по ориентирам». Она продолжает рассказывать о людях труда. В предисловии к этой книге автор пишет: «...Когда-то в самолёте, который садился на временный аэродром Нового Уренгоя, я услышал такой разговор:

– А где же город? – спрашивала девушка парня.

– Город мы построим, – ответил парень.

Город они действительно построили. И значит, свою жизнь в этом городе тоже.

И не написать о том, как они строили эту жизнь, просто невозможно»¹.

Известный советский писатель Валерий Поволяев в послесловии к книге «Полёт по ориентирам», озаглавленном «Одна забота и одна любовь», отмечал: «Нельзя сказать, что он (Надточий – Т.С.) «изучает» жизнь Тюменской области. Он живёт там. Так же, как живут и работают герои его рассказов. Они выбрали для себя одну заботу и любовь – Сибирь»².

Автор сосредоточивает внимание на изображении труда нефтехимиков, строителей, шофёров, инженеров и комсомольских работников. В отличие от большинства книг на производственную тему, написанных в советское время, он не делает своих героев абстрактными фигурами, лишь символами социалистического труда: отважного, бескорыстного, фанатичного. Да, они энтузиасты, преданные своей работе люди, прилагающие все усилия, чтобы сделать её с полной отдачей и на отлично. Но, с другой стороны, это люди во плоти и крови, они хотят хорошо заработать и жить вместе со своими семьями не в продуваемых всеми ветрами вагончиках, балках или наскоро построенных общежитиях, а в тёплых благоустроенных квартирах. Не ханжи – они трудятся не только «во имя идеи», но и для своего благополучия.

Автор не сторонник агитационно-плакатных лозунгов и призывов. Он против идеализации жизни на стройке и самих строителей. Среди них много тех, кто, приехав по комсомольско-молодёжной путёвке, быстро «линяет» обратно, не выдержав трудностей; встречаются карьеристы, бюрократы и эгоисты среди руководителей. Например, инженер Перевалов, который «перевалил» на других ответственность за неисправные котлы, хотя заранее знал об их дефектах (рассказ «Сопутствующий фактор»).

На наш взгляд, рассказы о строительстве нефтехимического комбината перегружены описанием сугубо производственных дел и трудовых процессов. Читатель понимает, что не это главное. К произведениям сборника привлекает больше всего изображение взаимоотношений между людьми: чистота и непосредственность чувств, преданность и привязанность

¹ Надточий Ю. С. Полёт по ориентирам: Рассказы/Послел. В. Поволяева. – М.: Мол. гвардия. 1982, с. 4.

² Там же, с. 222.

друг к другу супругов. Часто герои Надточия не умеют красиво говорить и объясняться в своих чувствах, но они способны помнить добро, преданно любить, глубоко уважать в другом человека.

В рассказе «Рыжий Серёжа» сварщик Сергей, чтобы его беременная жена Ира не впала в депрессию от монотонной жизни в тундре, где он работал «на трубе», прокладывая газопровод, привёз из города аквариум с красивыми рыбками, похожими на разноцветных бабочек.

Одним из лучших произведений сборника является рассказ «Вологодские дарёнки». Он обращается к одной из важнейших проблем – проблеме корней, родословной памяти, без которой нет исторической и общественной памяти, нет полноценной жизни, поскольку теряется её смысл.

Тридцатитрёхлетний герой рассказа Владимир Сергеевич Прозоров убеждён: «...чтобы Сибирь полюбить, надо и те места, где родились и жили, любить крепко»¹. Чтобы пустить корни на новом месте, надо эти корни иметь, чувствовать их через любовь к родному краю, где появился на свет, рос и взрослел.

Сборник называется «Полёт по ориентирам». Этими ориентирами для автора и его героев являются честность, порядочность, любовь к людям и потребность значимого, общественно полезного труда.

Юрий Сергеевич Надточий в 1984 году был принят в Союз писателей СССР.

Он писал во многих жанрах: публицистику, прозу, драму, сценарии, стихи и поэмы. Именно в Тобольске «наиболее ярко раскрылся его талант прозаика и драматурга», справедливо считает искусствовед В. Свалов.²

В 80-е годы Юрий Сергеевич работал заведующим литературной частью Тобольского драматического театра. Отсюда, наверное, пошёл его интерес к созданию пьес: «Государственный преступник», «Узники дома Свободы», «Есть предложение», «Волшебное перо Жар-птицы», «Ваза-победитель» и др. были поставлены на сцене этого театра, некоторые из них шли и в театрах других городов России.

В 1974 году Надточий выпустил в Тюмени свой первый сборник стихов, который назвал непритязательно «Стихи». В 1979-м выходит новая книга его стихов «Разбег». Его поэзия по-своему интересна и не всегда традиционна.

*У дома утепляют стены,
И первым инеем звеня,
Приходят дни,
И постепенно
Уходит лето от меня.
В деревне осень,
И чудесен
Её тоскующий язык.
А в горле
Ожиданье песен.
И боязнь
Перейти на крик.*

¹ Там же, с. 84.

² Свалов В. Сохранить память о писателе // «Тобольская правда», № 148 (28796), 24 декабря 2019 г.

В поэтическом творчестве Надточия нередко стихи свободной формы, без рифмы, основанные только на ритме, или частично рифмованные, которыми поэты пользуются не часто – верлибры, в советское время особенно и не приветствуемые.

Всё ли замечает детство?

Да нет, это взрослый человек не старается замечать всё.

Или говорить обо всем.

Или писать.

Даже тогда, когда пишет о детстве.

В 1987 году в Средне-Уральском книжном издательстве выходит небольшая повесть Ю.С. Надточия «Что нам стоит дом построить (Повесть о маленьких друзьях и сибирской столице)», предназначенная для детского чтения.

Это добрая и тёплая книга, в которой глазами десятилетнего Игорюхи, приехавшего с родителями-строителями в Тобольск, показаны и грандиозное созидание нефтехимического комбината, новых жилых микрорайонов, и старый город с его многовековой историей.

В 1988-м в серии «Энергия ускорения» появляется публицистическая книга Ю. Надточия «Вершина, которая рядом». Если в сборнике очерков «Гигант на Иртыше» автор пишет о первых годах строительства ТНХК, начатого в 1974 году, о времени быстрых темпов возведения основы комбината, времени энтузиазма и больших надежд на быстрое и успешное завершение гигантской стройки, то в книге «Вершина, которая рядом» он поднимает вопрос, почему темпы строительства неоправданно затормозились: «Вершина»-то вот уже четырнадцать лет рядом, но никак на неё не взойти. Для этого требуется «энергия ускорения». Задачей публицистической книги Юрия Сергеевича и является помощь в придании этой энергии, поскольку в ней он открыто и непредвзято говорит, почему, по его мнению, отстают темпы строительства НХК в Тобольске.

В 1990 году Юрий Сергеевич становится заведующим сектором издательской деятельности Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Он очень увлекается музейной работой, восхищается богатейшими фондами, находящимися в музее, и не только артефактами, но и документами научного архива; много работает с литературой в научной библиотеке музея, где собрано очень много ценнейших книг прошлых веков.

Надточий пишет «Путеводитель по Тобольскому музею». Ещё раньше, в 1988 году, была издана его книга «Тобольский музей-заповедник». «Эта книга о музейных сокровищах, изданная в суперобложке, на глянцевой мелованной бумаге с уникальными текстами и отличными иллюстрациями, уже является настоящим раритетом», – характеризует её журналист В. Свалов.¹

Много времени и сил отдавал Юрий Сергеевич научно-исследовательской и краеведческой работе. Он изучал фонды Тобольского архива, литературно-книжные и документальные источники, повествовательный материал. Итогом стало несколько исторических книг:

¹ Свалов В. Сохранить память о писателе// «Тобольская правда», № 148 (28796), 24 декабря 2019 г.

«Пробуждение», «Убиты именем революции», «Сперанский: тема нереализованного времени».

В 1991 году была опубликована его повесть «Пробуждение» – беллетризованная биография единственного сибиряка среди декабристов, уроженца Тобольска Гаврилы Степановича Батенькова. Жанр книги можно определить как документально-художественный: она – не сухое повествование, в ней много ярко выписанных сюжетных сцен, домысленных и воссозданных воображением автора, диалогов, картин природы.

Смысл названия произведения заключается в словах, произнесённых в повести главой декабристов К. Рылевым: цель декабристского общества – «пробуждение спящих россиян»¹.

Автор подробно рассказывает об уникальности судьбы Батенькова – двадцать лет он провёл в одиночной камере Петропавловской крепости, хотя по решению Верховного уголовного суда его должны были сослать на каторжные работы.

Произведение Ю.С. Надточия, основанное на документах, письмах и дневниках, открывает читателю новые, ранее неизвестные факты из жизни героя. Оно пробуждает интерес и уважение к прошлому, к отечественной истории.

Книга Ю. Надточия «Убиты именем революции» была издана Тюменской ассоциацией литераторов в 1994 году. Её подзаголовок извещает: «Документальная повесть о последних днях жизни Николая II и его семьи». Однако содержание произведения гораздо шире, чем рассказ о судьбе бывшего царя России и его близких в революционные 1917–1918 годы.

Автор, обращаясь к документальным свидетельствам того времени, воссоздаёт картину жизни России с её глобальными перипетиями борьбы разных политических сил за власть. Эта борьба не могла не отразиться и отразилась в быте далёкого сибирского города Тобольска, ставшего местом временного и принуждённого прибежища ссыльного Николая Александровича Романова, который ещё совсем недавно был царём «всёя Руси», и его семьи.

Это чисто документальная книга. Её основа и главное содержание – дневники бывшего царя, которые он систематически, изо дня в день, вёл в тобольской ссылке. Пребывание в ней царской семьи и составляет большую часть произведения.

В конце 1990-х – первом десятилетии 2000-х годов Юрий Надточий много печатается в журналах, тобольских и тюменских альманахах, особенно в выпускаемых фондом «Возрождение Тобольска», пишет предисловия к книгам местных авторов.

В 2007 году он публикует в тюменском литературно-художественном и историко-краеведческом альманахе «Врата Сибири» крупное произведение – историческую хронику «Сперанский: тема нереализованного времени»².

«В этом повествовании предстоит рассказывать о нереализованной судьбе человека выдающегося. Занятие не самое отвлечённое – узнавать придётся, что случаются не только отдельные нереализованные судьбы, нереализованным может оказаться время. С прекрасными началами, надеждами, перспективами для человека, многих людей, всего Отечества. Уходящее от начал, противоречащее началам, отрицающее их», – пишет в начале произведения автор.³

¹ Надточий Ю. Пробуждение. – Свердловск. – Средне-Уральское кн. изд-во, 1991, с. 6.

² Избранные места в сокращении. Полностью книгу издать не удалось.

³ Надточий Ю. Сперанский: тема нереализованного времени//«Врата Сибири». – Тюмень. – 2007, № 2 (22), с. 3.

Надточий считает М.М. Сперанского, государственного и общественно-го деятеля, реформатора, одним из самых выдающихся людей прошлого, жизнь и судьба которого может быть не только интересна, но и поучительна в наше время. Вместе с тем он убеждён, что М.М. Сперанский далеко не до конца реализовал свой потенциал.

Книга Надточия относится к жанру биографических произведений: в ней ярко и зримо рассказывается о жизни Сперанского, начиная с его детства. Жизнь и деятельность Михаила Михайловича на ниве Российского Отечества показаны автором в контексте политической истории России. Надточий использует очень много исторических и литературных источников, которые часто и много цитируются, тем самым ещё более утверждает и подчёркивается документальный характер произведения.

Надточий пишет о нереализованном времени, приходящемся на время жизни М.М. Сперанского. Но смысл произведения гораздо шире: нереализованными в нашей стране были и другие времена: до Сперанского и после Сперанского. Разве время перестройки и постперестройки конца XX и начала XXI века не является таким нереализованным: «с прекрасными началами, надеждами, перспективами для человека многих людей, всего Отечества»¹? Заметим, что Ю.С. Надточий пишет это о первой половине XIX века.

Юрий Сергеевич стоял у истоков создания общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска». В изданиях, выпускаемых фондом: альманахах, сборниках – постоянно печатались его статьи и эссе, в основном связанные с историей Тобольска и Сибири. За вклад в деятельность фонда и литературную работу он был награждён премией им. А.А. Дунина-Горкавича, учреждённой «Возрождением Тобольска». «Прозаик Ю.С. Надточий стал, по сути, летописцем Тобольска, воспевая в своих произведениях славное прошлое и настоящее нашего старинного города», – подчёркивает журналист В. Свалов в заметке «Сохраним память о писателе», опубликованной в газете «Тобольская правда» как некролог вскоре после смерти Юрия Сергеевича.²

Особенным произведением Надточия является его книга-эссе «Расставания». Это самое сложное по композиции, идейному содержанию и восприятию литературное «детище» писателя. Книгу можно сравнить с калейдоскопом: короткие по объёму заметки, воспоминания, эссе, размышления, зарисовки, а также стихи создают яркий и многообразный «узор». Проза перемежается с поэзией, философские думы о жизни, смерти, любви, Боге и природе с бытовыми сюжетами. Строки, рождённые фантазией автора – с воспоминаниями участников Великой Отечественной войны, записанными им. Монологи, диалоги, романтика и повседневность, обращение к прошлому и мысли о настоящем, авторское видение будущего. Сложные ассоциации, поэтические метафоры, хемингуэвские «пунктирь» телеграфного стиля и по-бунински прозрачные строки о красоте природы в любом её проявлении; традиционные рифмованные стихи и верлибр с его чётко определяемым ритмом. В одни эссе этой книги надо вчитываться, вдумываться и снова обращаться к ним: не сразу и не всегда дойдёшь мыслью до мысли автора. Другие – светлы по смыслу, легко читаются, легко воспринимаются. Но все они утверждают необходимость жить по совести, ценить жизнь как величайшее благо, уважать в себе и в других человека.

¹ Там же, с. 3.

² «Тобольская правда», № 148 (28796), 24 декабря 2019 г.

Юрий Сергеевич Надточий – лауреат литературной премии ЦК ВЛКСМ им. Н. Островского, участник последнего VII съезда Союза писателей СССР. В 2015 году решением Тобольской городской Думы Ю.С. Надточий занесён в книгу Почёта г. Тобольска. Он – лауреат премии им. Ф. Кюнохова в том же году в номинации «Память».

Печатался в журналах «Октябрь», «Огонёк», «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Урал», «Уральский следопыт», «Югра», «Литературная учёба», в еженедельнике «Литературная Россия». В 2016-м его имя присвоили филиалу № 5 Тобольской центральной библиотеки.

Юрий Сергеевич был общительным человеком с большим чувством юмора и иронии. Он очень доброжелательно и внимательно относился к тобольским авторам, всегда приветствовал новое, ценил в людях глубину, трудолюбие, увлечённость своим делом, незаурядность.

В 2019 году, через месяц после семидесятипяtilетия, он скончался. Причиной стала серьёзная, продолжительная болезнь.

*Давайте наши дни и потери
Положим на эти весы,
Где лета осталось нам мерить,
Уже не на дни, на часы.
В природе опять равновесье
Меж летом стоит и зимой,
Но пусть запоздалая песня
Над нашей звенит головой.
Мы выпьем за стихотворенье,
Что всё ж накопила душа,
Пока не хватало мгновенья,
Чтоб стрелка на осень пошла.¹*

¹ Надточий. Ю. С. Расставания. Книга-эссе. – М., Галарт, 1995, с. 102.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ. К 100-ЛЕТИЮ ТЮМЕНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Евгений АНАНЬЕВ (Шерман)

ГАЛИ В ГОСТЯХ У НЕНЦЕВ

Ночь была трудной. Бездомный ветер все время менял направление: дул то с северо-востока, то с севера, то с запада. Каждый раз, когда ветер «перебегал», Кузнецов подходил к штурманскому столику, некоторое время молча смотрел на карту, будто знакомясь с ней впервые, а уж затем брал в руки линейку, циркуль и делал поправку в курсе. Миша Антополь, ставший на вахту после недолгого отдыха, присмирел. Он сидел за штурвалом и держал его строго по указанному компасом курсу. К коричневой вельветовой тужурке рулевого был приколот неизвестный тундровый цветок с крупными красными лепестками.

– Уж не на гуляние ли ты собрался? – иронически спросил помощник капитана, поглядывая на необычно сдержанное выражение лица и торжественный вид этого пароходского любимца и весельчака. – В Яптик-Сале клуба нет.

– Большая фактория Яптик-Сале, товарищ командир? – ответил Миша вопросом, со всей очевидностью высказывая желание замять «неудобную» тему.

Кузнецов сказал довольно равнодушно:

– Маленькая фактория, скучноватая. Пара домов, торгпункт, пекарня – вот и весь поселок. И людей единицы.

Такой я и ожидал увидеть скромную Яптик-Сале. К полудню фактория показалась. На катер, идущий к берегу, перешли все, кто желал поразмять ноги на «твердой земле».

После слов Кузнецова никто не ожидал, что фактория окажется многолюдной. Каково же было общее удивление, когда, подплывая к Яптик-Сале, мы увидели большую группу встречавших нас людей, одетых и в ненецкие малицы, и в рыбацьи комбинезоны, и в обычные осенние пальто.

Яптик-Сале стоит на длинном и относительно высоком холме, поднимающемся прямо с берега Обской губы. Почти рядом с причалом – длинное здание с покрытой брезентами крышей. Потом мы узнали, что это засолочный пункт рыбоучастка. Выше – жилой дом и магазин. Вот и все дома поселка. Стоит еще с десяток чумов. Некоторые из них вплотную прижимаются к домам, иные переметнулись на другую сторону небольшой тундровой речушки Саб-Яха, что протекает чуть ли не у самого крылечка магазина.

Навстречу катеру шла лодка. Весельщик – пожилой ненец в потертой малице – внимательно рассматривал пассажиров. Вдруг он широко улыбнулся, бросил весла, сложил ладони рупором, хотя прекрасно было слышно и без этого, и обрадованно крикнул:

– Хо-о! Остяков! Ань торова, Остяко-ов!

Степан Дмитриевич стоял на носу катера, засунув руки в карманы своей неизменной брезентовой куртки, подбитой изнутри мехом. Он всматривался в весельщика чуть подольше, чем это бывает, когда видишь хорошо знакомых людей. Потом все-таки вспомнил:

– А-а, Пэдало. Ань торова, Пэдало! Все скрипишь? Как семья?

Пожилый ненец, успевший уже причалить лодку к катеру, перелез на борт «Ястреба» и прямоком направился к Степану Дмитриевичу.

– Я скриплю хорошо, однако, – отвечал Пэдало, видимо, по-своему понимая значение этого слова. – И семья скрипит хорошо. Два сына рыбачат, дочка в Салехарде учится, внуки по чуму бегают.

Он вздохнул, потом добавил.

– Только вот жена не скрипит. Умерла прошлым годом. Скоро, однако, и мне за ней каслать. А ты как скрипишь, Остяков?

– Здорово скрипит, – ввернул Миша Антополь, явно намекая на скрипучий, «занозистый» голос Остякова. – Как скрипнет, так с другого берега эхо бежит.

Девушки, окружавшие Мишу, хихикнули. Были тут обе Гали, Маша Тайлакова, сибирячка Анна Гультяева, высокая, крутоплечая, со сросшимися черными бровями и волевым подбородком, смуглая студентка Нелля, едущая в Гыду проведать родных. На ее кофточке был такой же цветок с красными лепестками, как у Миши. Вот почему юноша так старательно избегал разговора о предстоящей прогулке в Яптик-Сале!

Вскоре мы вышли на берег. Остякова сразу окружили ненцы. Они громко выражали свою радость, поочередно пожимали ему руку, спрашивались о здоровье. Когда-то, много лет назад, Степан Дмитриевич работал здесь заведующим факторией. И его помнят до сих пор. В дальнейшем такие встречи случались на каждой фактории. Нет такого уголка Ямала, где бы не знали этого широколицего, деятельного человека. Остяков в совершенстве говорит по-ненецки, знает быт этого народа, его характер. Степана Дмитриевича любят на Ямале, считают совсем своим, ямальцем.

Пока я рассматривал окружающие места, подошла полная, очень подвижная женщина в сапогах и в накинутом на ватную куртку теплом шерстяном платке. Она отрекомендовалась Натальей Васильевной Комзиной, заведующей факторией.

– Нам говорили о вашей фактории как о маленькой, заброшенной...

– Так было еще в прошлом году, – улыбнулась Наталья Васильевна. – Прежде к нам приезжали только кочевники-ненцы за продуктами, да и то не часто. А нынче здесь уже создан специальный рыбоучасток Ново-Портовского рыбозавода, работают две бригады государственного лова, одна комсомольско-молодежная бригада колхоза «Заветы Ильича». Все рыбаки в ней – ненцы.

Вновь созданный рыбоучасток внес большое оживление в жизнь этой маленькой фактории. Раз в неделю к самодельному причалу подходят рыбозаводские катера со звучными названиями: «Зверобой», «Белуха» или что-нибудь еще в этом роде. Они привозят новые снасти, соль, материалы, забирают заготовленную рыбу. Еще недавно ненцы, жившие в тундре, не могли сдавать рыбу государству – негде было ее хранить. Сейчас при участии организован засолочный пункт, который позволяет сберець весь улов.

А особенно большую радость принесло людям поселка радио. В прошлые годы обитатели Яптик-Сале откровенно завидовали жителям соседних прибрежных факторий – у тех радио было. Смотришь, с «Большой землей» свяжутся. Несколько слов, может быть, ей и передадут, а, кажется, что и полярная ночь светлей стала, да и пурга вроде не так зло завывает. Потом, как-никак, всегда последние известия слушают.

Ну, а нынче завидовать нечему – у самих радиоприемник. Поднялась над домом высокая мачта антенны.

Радистка-комсомолка Галина Мальцева, стройная девушка в кокетливой заячьей шапочке и изящных бурочках из оленьих лап, богато украшенных многоцветным национальным орнаментом, быстро подружилась с молодыми ненцами. Каждый вечер, вернувшись с лова, они заходят к Галине.

– Ань торова, Галя. Расскажи, что нового по радио слышала.

Галя Мальцева рассказывает молодым рыбакам о том, чем живет сейчас Советская страна, говорит об успехах стахановцев полей, о новых больших стройках. Иногда радистка читает вслух книги, недавно прочла роман «От всего сердца». Вместе со своими новыми друзьями она обсуждала социалистические обязательства рыбаков-ненцев.

Яптик-Сале расположена в самом центре озерно-речного края. Молодые рыбаки плывут по речкам Саб-Яха, Юри-Ветя, заплывают в озера Яр-то, Ляпан-то, Ляку-то и там в течение целого дня делают заметы, ставят сети. В горячие дни лова рыбаки спят лишь по три–четыре часа. Еще не успеет отразиться на воде первый солнечный луч, а люди уже в лодках. С богатой добычей возвращаются они вечером домой, чтобы рано утром снова взять в руки сети.

Перед вечером, когда сумерки только начали спускаться на землю, вернулась с лова комсомольско-молодежная бригада Понготи Яптика. Большая лодка была полна рыбой, отливающей при сероватом свете серебром.

Рыбаки, ловко сортируя рыбу, укладывали ее в плетеные корзинки, относили на приемный пункт и сразу возвращались за новой партией.

У самой лодки стояли девушки с парохода. Им давно хотелось полакомиться свежей рыбкой, но заговорить об этом они стеснялись.

Первой решилась Галя Сазонова.

– Продайте, пожалуйста, немного рыбы, – обратилась она к бригадир-у Понготи Яптику, сухощавому пареньку со строго сжатыми губами. Тот немного подумал, видимо, колеблясь, потом решительно ответил:

– Нельзя, пирибтя. Понготи Яптик комсомольское слово давал, обязательство подписывал. Пока слово не сдержу, ни одной рыбины не продам.

– Верно говоришь, – поддержали бригадира его рыбаки.

Галя смутилась донельзя, щеки и уши ее залились краской. Смутилась и Понготи, сразу потерявший свой солидный «бригадирский» вид. Он умоляюще произнес:

– Ты не сердись, пирибтя. Сама комсомолка, понимаешь – продать не могу. Лучше угощу, – и обратился сразу ко всем девушкам. – Сдадим улов, в чум пойдем. Самой вкусной рыбой угощать буду.

Вскоре несколько пассажиров – юношей и девушек – гурьбой пошли в гости к молодым рыбакам.

Возвращались они поздно, довольные и веселые. Вместе с двумя Галями приехала и третья Галя – девушка с фактории. Все они пошли к Южакову.

– Мы весь вечер в чуме были, – захлебываясь от восторга, рассказывала Галочка-беленькая. – Какие ребята хорошие! Дружелюбные, скромные. Я их учила сибирскую уху варить, с перцем и лавровым листом. Понравилась.

– А я, – добавила Галочка-черненькая. – С женщинами порядок в чуме наводила. Посуду вымыли, занавески нашили. Чего не успели, Галя Мальцева доделает. Да, Галочка?

Галочка-третья, конечно, согласилась.
– Только я, наверное, отсюда ненадолго уеду.
– Куда?
– На другую фабрику – Се-Яха, куда вы поедете. Начальство посылает.
– Так поезжай с нами.
– Нельзя. Послезавтра декадную сводку передам, дождусь смены из Нового Порта, а потом отправлюсь.
– На чем же?
– На лодке. Понготи Яптик повезет.
– По Обской губе на лодке?
– Что же особенного, ненцы всегда на лодках ездят.
– А если шторм?
– Переждем и дальше поедем.
– Ох и храбрая ты, Галочка, – с уважением сказала Сазонова. – Мы бы не сумели.
– Это так кажется, – улыбнулась Мальцева. – И не к такому привыкнете.
– Жизнь научит, – вставил Южаков. – Помните, мы как раз об этом и говорили. Вы давно на Севере? – обратился он к девушке.
– Только второй год, после ремесленного училища связи.
– Да вы, кажется, незнакомы, – спохватилась Галя Фомина. – Это Галя Мальцева, а это – наш товарищ по путешествию, Григорий Васильевич Южаков, старый северянин.
– Северянин? И Южаков? – лукаво переспросила девушка.
– Вот именно, – рассмеялся Григорий Васильевич. – Меня фамилия греет!

Побеседовав еще немного, все разошлись.

Ночь. Короткий отдых. Мерно отдаются на палубе тяжелые шаги вахтенного. В радиорубке свет. Радист парохода Миша Сергеев и Галя Мальцева сидят за столом, уставленном радиодетальями, и беседуют. Голосов не слышно, но по оживленным лицам видно, что разговор волнует обоих. И говорят они, кажется, не о радиодеталях...

Миша Антополь на палубе. Рядом – девушка с красным цветком в петлице скромной шерстяной кофточке. Они молчат, любясь россыпями звезд. Вот Нелля показала рукой на яркую звезду, будто желая поймать ее. Миша посмотрел вслед за Неллей. Как очутилась маленькая рука девушки в жесткой, огрубевшей от тяжелой матросской работы руке рулевого? Нелля не отняла руки. Так и стоят они плечом к плечу, опершись на палубные перила, и мечтают.

Мечтают... О чем? О новом большом рейсе или о тех временах, когда Нелля приедет сюда не гостем, а хозяином, специалистом? Все равно – о чем бы они ни мечтали – они мечтают о хорошем. Не могут мечтать о плохом эти хорошие люди в такую короткую, но прекрасную ночь!

...Весь следующий день на фабрике было шумно илюдно. Грузчики, команда парохода, приехавшие из тундры ненцы торопливо выгружали на берег ящики с продовольствием, мешки с мукой, тюки мануфактуры.

А в магазине шла бойкая торговля.

Умение приветливо встретить покупателя ценится в тундре высоко. Зачастую ненцы совершают лишние стокилометровые переходы, чтобы сдать пушнину и купить товары у знакомого, уважаемого продавца.

Наталья Васильевна рассказала, как она обслуживает кочевников-ненцев.

– Часто приезжает охотник из тундры ночью. Тут уж не до сна, надо гостя встретить. Разогреешь чай, на стол поставишь сахар, масло. Беседу заведешь – я по-ненецки свободно разговариваю. О здоровье спрошу, о семье. Если гость в дом пришел, хозяин о делах разговора не затевает, ждет, пока гость скажет. Таков обычай. Чаю попьем, побеседуем, тогда можно и в лавку идти, «торговаться», как ненцы говорят.

Самый процесс торговли тоже не всегда обычен. Мы наблюдали, как старый ненец Хуби Вануйто, только что получивший расчет за сданную рыбу, пошел в магазин, зажав в руке пачку денег. Он долгое время при- мерялся к товарам, и уж затем приступил к покупкам.

– Дай табаку. Две пачки.

– Пожалуйста. Еще что?

– Погоди. Сколько денег надо?

Наталья Васильевна назвала сумму. Вануйто вручил ей деньги, терпеливо дождался сдачи.

– Теперь чай клади. Три плитки, – произнес Хуби Вануйто, подавая Комзиной только что полученную сдачу.

За чаем пошел сахар, конфеты, хлеб и другие товары. Каждый раз Вануйто платил деньги, получал сдачу и снова вручал ее продавцу для следующей покупки. Торговля с ним тянулась не менее получаса.

– Чего копаешься? – сердито сказал старику стоявший за ним в очереди молодой ненец. Но Наталья Васильевна жестом остановила его:

– Помолчи минутку.

Потом, когда Вануйто купил все, что ему нужно, Комзина ненадолго задержала его.

– Погоди, Вануйто. Давай снова посчитаем. Сколько ты всего истратил? – спросила она, показывая на горку купленных ненцем товаров. И тут же быстро застучала на счетах.

Не успел старик подсчитать оставшиеся деньги, как Наталья Васильевна уже сказала ему:

– Двести восемь рублей. Правильно?

Вануйто продолжал считать, потом задумался, молча двигая губами, и, наконец, согласился:

– Правильно.

– Ты целый час торговался, время терял, а я за три минуты подсчитала. Сразу бы все сказал – давно уже дома был бы. Пэдало раньше тоже так торговался, теперь по-новому покупает. Верно, Пэдало?

– Так, так, – поспешил ответить уже знакомый нам пожилой весельщик. – Следующий раз Вануйто тоже по-новому будет торговаться.

– Подумать надо, – ответил старик.

– Чего думать, – рассмеялся кто-то из молодых ненцев. – Давно все так торгуемся.

Конечно, таких покупателей, как Вануйто, остались единицы. Но все-таки продавцу приходится внимательно присматриваться к национальным обычаям, считаться с ними, а когда это необходимо, – тактично бороться с отживающими, оставшимися от темного прошлого привычками.

Новая жизнь расширяет кругозор жителя тундры. Возрастают его потребности. Сейчас ни один ненец не будет ограничиваться чаем, табаком и блестящими бусами, которые до Октябрьской революции были основными предметами обмена на высокоценную пушнину и рыбу. Недавно

на фабрику приезжал оленевод Хэнема Яптик. Он круглый год кочует с оленями по тундре, занимается охотой и редко бывает на фабриках. Хэнема сдал в торговый пункт шесть песцов и две шкурки молодого оленя – пешки.

Что же он купил? Сто килограммов хлеба (на долгое время кочевья), пять килограммов сахара, сорок пачек табаку, две бутылки вина, мануфактуру: ситец жене на платье, сукно себе на брюки, материал для полотенца. Еще купил Хэнема папирос, чашку, два стакана, эмалированный чугунок, железную печку в чум, несколько кусков мыла. На следующий раз он заказал продавцу флакон одеколона, гимнастерку, игрушки для детишек.

Подобные же покупки сделали и другие оленеводы.

– К сожалению, наши торговые руководители не всегда замечают, как растет народ. Иначе почему мало завозят они к нам готовых суконных костюмов, брюк, пиджаков? Почему не присылают для учащихся интернатов пальтишек и ботинок, а ограничиваются лишь ватными курточками и валенками? Запросы жителей тундры уже опередили таких руководителей, – взволнованно и с укором говорит заведующая фабрикой.

Пока мы осматривали фабрику, разгрузка закончилась. В последний раз мы поднялись на высокий холм. На десятках речек и мелких озер, что подступают к самым домам фабрики, лежали багровыми пятнами отсветы закатного солнца.

У ЗЕЛеноЙ РЕКИ

– Се-Яха, – показал рукой по направлению к высокому берегу Степан Дмитриевич. – Я здесь когда-то еще продавцом работал.

Пароход шел быстро, клубился черный дым. Позади, соединенный длинным и толстым буксиром с «Кутузовым», грузно шел «Ямал». На палубу «Ямала» высыпали все пассажиры – мы приближаемся к фабрике Се-Яха. На втором лихтере тоже шли оживленные сборы. В бинокль было видно, как кое-кто уже складывал и увязывал вещи, готовясь к высадке. Этот лихтер мы оставляем в Се-Яхе. Население поселка само разгрузит его, погрузит готовую продукцию, и «Кутузов» заберет лихтер на обратном пути.

Фабрики со стороны Обской губы не видно, поселок укрылся за склоном холма. Ехать туда надо еще несколько километров катером.

И вот наш «Ястреб» уже плывет по излучинам реки, то стиснутой в узенькую нитку, то широко раздвигающей уступчатые берега. Фабрики все еще не видно – она за крутым мысом, на берегу реки Се-Яха.

Се-Яха раньше называлась Зеленой рекой. Не зря она была так названа. Вода ее, действительно, зеленоватая и по цвету напоминает морскую. Там, где Се-Яха впадает в губу, можно заметить полосы буроватой воды Обской губы и зеленые – реки.

Се-Яха, Зеленая река... С этими названиями связана одна из интереснейших страниц истории Сибири. По тому пути, которым сейчас идет наш катер, несколько веков назад шли парусные кочи землепроходцев, совершавших большой путь в торговый город Мангазею.

Собственно, на полуострове Ямал две Се-Яхи. В старинных документах одна из них, что впадает в Карское море на западной стороне Ямала (около фабрики Марты-Яха), называлась Мутной, а вторая, по которой мы плывем, имела название Зеленой.

Обе они берут начало из Нейтинской системы озер. Узкий перешеек, шириной до ста восьмидесяти метров, посредине которого лежит небольшое озеро Луце-Хавы-то – «Озеро, где умерли русские», – разделяет эти две ямальские реки, пересекающие весь полуостров. Через перешеек, из Мутной в Зеленую реку, землепроходцы и торговые люди волоком перетаскивали свои плоскодонные кочи. Отсюда и пошло название старинного пути в Мангазею – Ямальский волок.

Пройдя Мутную и Зеленую реки, землепроходцы, не поднимаясь на грозный север, выходили из Карского моря в Обскую губу. Правда, и там их подстерегали страшные штормы и бури. Недаром в старинной летописи говорилось, что путь этот «труден и прискорбен и зело страшен от ветров». На утлых суденышках смельчаки пересекали Обскую губу и выходили в Тазовскую. Там, у мыса Поворотного, где Тазовская губа круто поворачивает, будто опрокидывается, на юг, стоял первый сторожевой пост торгового города. Еще несколько сот километров по губе, потом по реке Таз – и перед путешественниками открывалась цель их дальнего странствования – богатый город Мангазея.

Что привлекло отважных землепроходцев и торговых людей в Мангазею?

Этот крупнейший пункт торговли купцов с местным населением был основан в 1601 году посланцами московского царя. Уже через восемнадцать лет здесь было двести частных домов, двадцать лавок с красным товаром, несколько хлебных лавок, пороховой и винный погреба, роскошные воеводские и купеческие хоромы, две церкви. Просторные лабазы ломились от товаров, длинными связками висели на складах ценнейшие меха. До ста тысяч соболиных шкурок проходило за год через руки торговых людей. Юркие торгаша не только перекупали пушнину у казаков и отважных землепроходцев. Они сами совершали далекие путешествия в национальные стойбища и за стеклянные бусы, железный нож, бутылку дурмящей сивухи выменивали у ненцев, эвенков, селькупов, нганасан, кетов меха драгоценного зверя: соболя, песца, горноста, лисицы. Богатели купцы, пополнялась казна государева, нищали народы Севера.

Но вскоре нависла над Мангазеей тяжкая угроза. Прослышали про нее жадные до легкой добычи заморские купцы. Как мухи на мед, потянулись иностранцы, или, как их всех тогда называли, «немцы», к этому богатому городу. Они проходили через Ямальский волок, вели беспощинно торг, грабили туземцев и загребали горы ценнейших мехов – мягкого золота.

В 1616 году тобольский воевода князь Куракин обратился к царю с челобитной. Просил он запретить ездить в Мангазею через Ямал, «потому городов и приказных людей там нет. А повелеть бы купцам ехать только через Тобольск, и твоей, государевой, пошлине прибыль будет вдвое, потому ехать им доведетца по городам, и товары их по проезжим грамотам будут явны...»

В 1619 году царским указом запрещалось плавание в Мангазею по единственно удобному пути – через Ямальский волок. А послушникам грозило «за то их воровство и за измену быть казненными злыми смертми и дома их велим разорити до основания». На холме, где сходятся обе Се-Яхи, «меж мутные и зеленые реки для бережения проходу немецких и торговых людей» стала стрелецкая застава под командой боярского сына Якова Шульгина. Она накрепко закрыла Ямальский волок, первый водный путь из Европы в Азию, по которому прошло когда-то много отважных русских землепроходцев.

И сейчас жив Ямальский волок. Иногда ездят по нему ненецкие лодки. Но нынче этот старинный путь стал ненужным. Мощные советские корабли сквозь штормы и бури плывут из Европы в Азию Северным морским путем, впервые освоенным русскими мореплавателями.

А вот и фактория. Так и кажется, будто встретят нас широкоплечие молодцы с длинными русыми бородами, в стрелецких кафтанах или отважные путешественники с обветренными лицами на легких парусных кочах, груженных товаром.

Но навстречу катеру понеслось звонкое щебетание детских голосов и веселый смех. Больше половины встречающих катер были дети. Задолго до начала занятий в Се-Яхинскую национальную школу-интернат съехались из тундры ее воспитанники.

У ненцев до революции не было своей письменности. В Ямальской тундре, где раньше почти совершенно не было грамотных людей, стоят сейчас просторные школы. В них дети ненцев учатся на родном языке по букварю, в котором русское слово «мама» стоит рядом с ненецким «небя», где слово «радость» поставлено в одну строку с ненецким «майбцо». Но одинаково – и на русском, и на ненецком, и на всех других языках звучат светлые, как полярный день, слова: Ленин, партия, Советы, коммунизм.

Сорок лет назад, в 1913 году, на нужды просвещения жителей Обского Севера отпускалось по 45 копеек на человека в год. Сейчас на народное просвещение каждого жителя края приходится по 500 рублей ежегодно.

Нынче только на одном Ямале имеется одна средняя, три неполных средних и шесть начальных школ, в которых учится около семисот ребят, а всего в Ямало-Ненецком национальном округе сейчас шестьдесят семь общеобразовательных школ (в них учится свыше двух с половиной тысяч детей ненцев, ханты, коми и селькупов), окружные партийные курсы, зооветтехникум, национальное педагогическое училище, фельдшерско-акушерская и торговая школы, ФЗУ рыбников, культпросветшкола, школа колхозных кадров и другие учебные заведения. Выбери дорогу, молодежь, любая из них открыта перед тобой! И кто знает, сколько ребят из тех, что учатся сейчас в самой северной на Ямале Се-Яхинской школе, станут учителями, врачами, зоотехниками-оленеводами, культработниками, понесут культуру в обновленную советскую тундру...

Кем будет, например, Миша Сэротэтто, рослый, черноглазый мальчуган, который, кажется, ни минуты не может усидеть на месте? В свои двенадцать лет он отлично знает, как лучше поставить капкан на песка, где выметать сеть, чтобы обязательно попался грузный муксун или жирный сырок, как заарканить пугливую самку оленя – важенку. И в то же время Миша с удовольствием рисует паровозы, которых никогда не видел, высотные здания, сметливо решает задачи, мечтает о дальнейшей учебе. В третий класс Миша Сэротэтто перешел с похвальной грамотой.

Молодая учительница Надежда Александровна Грехова, лишь год назад окончившая Ханты-Мансийское педагогическое училище, с любовью рассказывает о своих воспитанниках. Дети ненцев способны, очень любознательны, отличаются особой склонностью к изобразительному искусству и арифметике. Хорошо привыкая к условиям жизни в интернате, они приносят в школу свои национальные игры и сказки.

Одна из любимых игр ненецких школьников – «ловля оленя». Кто-нибудь из ребятшек, высоко подняв над головой развесистые оленьи рога, бежит с ними по двору, а остальные с шумным смехом и выкри-

ками стараются набросить на рога тынзян – длинную кожаную веревку с петлей, вроде аркана, которой все мужчины-ненцы владеют мастерски.

Зимой юные ненцы ходят на лыжах, спускаются со снежных гор на нартах, а маленькие – на оленьих шкурах. Вечерами, когда мечется по тундре пурга, они рассаживаются в кружок у огня и нараспев рассказывают старинные сказки про быстрых оленей, про добрых и злых богатырей, про глупых шаманов. Кто-нибудь из самых бойких ребят рассказывает, а остальные слушатели по обычаю негромким хором повторяют последние слова фразы.

И новые забавы входят в обиход юных ненцев. Молодой заведующий школой Дмитрий Павлович Белов научил их русской игре в лунки. И надо посмотреть, с каким увлечением играли при нас ребяташки. Смешливый Ваня Окотэтто, у которого от увлечения даже шапка сползла на ухо, светлый, с почти льняными волосами Митя Вануйто, быстрый Валя Тусида, перегоняя друг друга, весело смеясь, отбивали традиционную деревяшку. А рядом с играющими детьми стоял, наблюдая, отец Вали Тусиды, Вэръя Тусида, который только что приехал из тундры. Ему нравилось веселое барахтанье ребят, нравился их здоровый, бодрый вид, нравилась сама школа и интернат, в котором живут его дети.

Интересно понаблюдать, как относятся к школе жители тундры. Большинство родителей знакомо с учителями, редко пропускают случай побывать в школе, погостить у ребят. Приезжая на фабрику, они частенько посещают уроки. Оленевод видит, как тянутся к учебе дети, как увлечены они ею, и добрая слава о школе идет по тундре.

Особенно любят школу сами ребята. Почти все они во время летних каникул посылали учительнице трогательные коротенькие письма. Как раз в день нашего приезда вернулась в Се-Яху из тундры второклассница Надя Вануйто. Она была не одна – вместе с ней приехала шестилетняя сестренка Лиза. Долго убеждали Лизу, говорили, что еще рано ей в школу, пусть приходит на будущий год. Но маленькая девчурка в смешной долгополой малице, глотая слезинки, упрямо твердила, что из школы она не уйдет.

Что делать? Родители Лизы далеко, в сотнях километров от фабрики. Надежда Александровна еще раз посмотрела на умоляющие глаза девочки.

– Хорошо, оставайся у нас, – сказала она к обоюдной радости Лизы и ее старшей сестры. – Будешь учиться в подготовительном классе. А сейчас мы тебя помоем, переоденем.

Вечером я снова увидел Лизу Вануйто. Позабыв недавние тревоги, она с увлечением наблюдала, как Ваня Окотэтто ловко стрелял из лука в мишень, нарисованную на бумаге.

Се-Яхинская школа невелика. В пяти классах ее, от подготовительного до четвертого, учится около тридцати пяти детей ненцев и несколько русских ребят. Но в школе есть свои традиции. Одна из них заключается в том, что ребята, уже несколько лет проучившиеся в школе, берут шефство над вновь прибывшими. Они помогают учителям знакомить новичков с правилами внутреннего распорядка в школе и интернате. Я наблюдал, как Надя Вануйто заботливо показывала хорошенькой смуглолицей Вале Сэротэтто, как нужно подрубить носовой платок, почистить зубы. Она учила, как разбирать и застилать кровать, в которую Валя, всю свою маленькую жизнь проведшая в тундре, ложилась впервые. А в другой ком-

нате Миша Сэротэтто, уверенно раскручивая пестрый глобус, по-своему объяснял его назначение новичку Ване Вануйто.

Когда мы были на фактории, занятия в школе еще не начинались – до первого сентября оставалось несколько дней. Но молодые учителя не теряли времени зря. Надежда Александровна занималась с кружком рукоделия. Девочки шили узорчатые ягушки, малицы, кисы, сумки. Старшие школьницы уже сами приступали к шитью блузок, юбочек, занавесок. Заведующий школой заканчивал последние приготовления к занятиям, чтобы учебный год в одной из самых северных в стране школ начался своевременно, чтобы это было таким же радостным событием для детей тундры, как и для московских, киевских, тюменских ребят.

Когда катер, ворча, уже отходил от берега, мне рассказали о новом событии на фактории. Несколько дней назад олениводы нашли в районе Ябтон-то – Гусиного озера – огромный бивень мамонта весом более ста килограммов. Сейчас один из ненцев, Няйко Худи, везет его на факторию и будет через несколько часов здесь. Чтобы перевезти бивень, пришлось запрячь в специальные нарты четырех оленей.

Находка останков мамонта на Ямале – частое явление. Почти в каждом чуме можно встретить ножны и другие изделия из мамонтовой кости, а также большие, твердые, как камень, похожие на кирпичи, зубы мамонта. Ненцы – большие мастера резьбы по кости. Имена косторезов Юнорта Евай, Леко Яптунай, Вэсако Вэнго и других славятся по всей тундре.

Советская действительность значительно расширила кругозор этих талантливых самоучек. Если раньше они вырезали только божков и оленей, то сейчас их произведения обогатились новым содержанием. Появились фигурные композиции, показывающие красный чум, фронтовиков-ненцев. В Салехардском музее я видел замечательную, филигранной работы композицию «Ненец-агитатор читает колхозникам газету».

Всем нам очень хотелось остаться, чтобы посмотреть интереснейшую находку Няйко Худи. Но нельзя – караван с нетерпением ожидают на других северных факториях.

Ямал, 1953 год.

Иван ЕРМАКОВ

ОТ ЧЕГО РУСЬ РУМЯНАЯ

*Орденосным дояркам Вознесенской
фермы Надежде Новиковой, Раисе
Добрачевой, Валентине Двойниковой
посвящается.*

Есть у русского детства, у ребячьей неспугнутой нежности, есть в начале начал человеческого лепета безыскусное слово – няня. Меж невнятным еще язычком и молочными зубками зачатое, неизбежное в ласке своей и доверчивости, словно тонкий хрусталик, стозвонное слово-зоренька – няня.

Незабудкой на сердце уронено, росой сквозь пожарища жизни пронесено – няня. Старших сестренек так на Руси называют. Под чьи «баюшки» взрос, чью родную, надежную, теплую шею ручонками оплетал, кто твой первенький шаг подстерег, ободрил, кто в голодный час твой свою корочку отдал тебе... Порука твоя и защита – сестрица Аленушка братцу Иванушке.

Иной братик до сивых волос доживает, до собесовских льгот, а старшая все ему – няня. Даже по смерти. Не скажет – сестру, скажет – няню похоронил.

А вот если по старому смыслу да в нынешний день повести это славное русское слово?

Езжу я на попутном транспорте...

Вырвут фары из снежной сумятицы знакомый ее силуэт, высветят в дождевой измороси стерегущийся профиль ее, и... споткнется вдруг бравая речь твоя, и дрогнет земной благодарностью бой памятливого твоего сердца: «Она! Няня! Домой пробирается». В просторечии её мы дояркой зовем. Неприласканным, полуреестровым словом.

Вот домашняя сценка.

Откровенно любясь разьединственным крепышом своим сыном, мой сосед (или твой) выдает гостевому застолью некоторый всемогущий рецепт:

– Растем помаленьку... Томатный сок пьем, полигитаминчики глотаем! Рыбий жирец... хе-хе... по ложечке... Буслай вымахивает, не сглазить бы...

О том же, что румяный крепыш его за безделицу употребляет ежедневную пару скляночек молока, полкирпичика творогу, не по блюду сметанки, папа-умница умолчит. Не умышленно – нет. Витамин – все же мода, знамение века, а оно, молочишко, со времен матри-патриархата – харч, продукт, обыденка, еда...

Где-то там, в неизвестной тебе деревеньке, на петушиной побудке и в тихий сомлевший закат, сквозь колючую снежную сумять и проливные дожди, по трескучим нескучным морозам и осенней нудной слякоти, под молодыми громами весны, под журавлиными кличами шагает Она, наша Няня – главный врач на ребячьей мильонной Руси. Шагает, до солнца еще спешит подарить державному нашему Детству вторую, после материнской, здоровую и сладкую капельку молока.

Сорока опробовала стрекоток, открыл воробей вороватый глаз, от приветствовал петька-петух уцелевшие звезды... Раскидались в своих

кроватках, разбрыкали розовыми пятками свои одеяльца картавенские заселенцы зеленой земли... Золотая почка на неисцветающем древе народа! Улыбчивые сны им грезятся. С потягушками... Со сладкой слюной на теплой щеке. Вдох... Выдох... Вдох... Выдох... Баиньки-баю, молочное.

Разыщите городскую квартиру, где не прописалась бы, не сияла бутылка с широким горлышком, найдите в деревнях погребок, где не стояли бы, не собирали верхки холодные отпотевшие кринки. Да что – квартира, погребок?! Рюкзак геолога, погранзастава, Арктика и Антарктика, кругосветные подводные лодки, космические корабли – в порошке, в тубах, сгущенкой ли – но никуда ты, даже если на Млечный путь, никуда ты, сын и дитя зеленой Земли, без нее, без здоровой и сладкой капельки.

Самый радостный и созидательный атом, Царь-витамин, чудо первого дня творения, солнечные зайчики ребячьего хохотка, тугой накат наших мускулов, упругое витие наших жил, недробимый мосол широкой русской косточки, хмель первого поцелуя, позывные творчества, открытие века, олимпийский огонь, сказку, песню, подвиг – какие же дивы-сокровища несешь ты в волшебном своем подойнике, первомольв моя – Няня!

Румянец на щеках у родного народа – вот твои дивы-сокровища!

На высокие мраморные постаменты внесены наши Герои и Полководцы, Мудрецы и Первопроходцы, Поэты и Космонавты.

Разыщем же и для нее пьедестал.

Пусть стоит Она добрым и светлым лицом на зарю, пусть в руках Ее древняя, древняя кринка, из которой испили живые и бронзовые.

Езжу я на попутном транспорте.

И когда из снежной завьюженной тьмы вырвут фары посторонившийся ее силуэт, осветят в дождевой измороси стерегущийся профиль ее, хочется мне всякий раз попросить придержать торопливых водителей.

«Притормози, друже! Остановись. Я должен поцеловать этой женщины руки. Поклониться ей должен, вскормившей, вспоившей народище».

...Есть у русского детства, у ребячьей не вспугнутой нежности, есть в начале начал человеческого лепета неизбежное в ласке своей и доверчивости, одно светлое древнее слово... Старших сестренок так называют.

ПАМЯТЬ

Память всячь живёт.

Былому – зеркальце...

Стоит избушка – а в ней старушка. Избушка старая – скворешня новая. Летит, летит скворец, Седой Дразнилушко, летит из южных стран и кажет стае путь. Сын черный с ним, невестка в крапинку... Встрепещут крылышки, вспружинят горлышки, и взреют песенки...

И когда подадут голоса чиличата-скворчата, идет старушка переключать обособленную в подворье поленницу. Постарели и темны на срезах дрова, завернулася в трубки от жаркого солнца и ветра сквозного тугая береста, но звонки, набатны, певучи, как древние колокола, белые по сердцевине поленья.

С убиенным Афоней пилила.

С убиенным Алешей.

От кражистых комлей и до самых прогонных вершин недозревшим арбузом березыньки пахли. До последнего волоконца, до смолистого остро-

го клювика взбухнувшей почки напились той весной они, напитались славью земной. Грянет-ахнет Алеша литым колуном в сердце стойкому комлю – нету железищу ярому в прыткой упругости дерева ни заклева, ни малого гнездышка. Прыгнет прочь колун, повзовет его, а из тысяч содрогнувшихся устьиц – соки светлые к небу повыбрызнут. И тогда зажигаются над Алешиной, над сыновнею головой моментальные беглые радуги. «Ах-ахх!» – и радуга. «Аа-ахх!» – и радуга...

Сгорели во порохе ладные те дровосеки.

Сгорели во вдовьей избушке дрова.

Лишь один кубометр сберегла. Не дала издымиться. Разве можно самой их – в дым...

Вот уже тридцать вторую весну, как подадут голоса чиличата-скворчата, мастерит Денисья Гордеевна сухой высокий подстил и по штуке, поленцу, по сколышку перекладывает ихние именные дрова... Во спасение их памяти, их следа, их земной всеподлинности: «А были же! Были они рождены! И дышали, и жили! И кололи дрова... Вот их дрова». Прикоснется к полену живая родная ладонь – и замрет... И заслушается. Мнится, верится, знается ей, что вот этот бодливый сучочек Алеша когда-то потрогал, а этот подкряжек – Афоня вздымал.

Два полена к груди вознесла:

– Здрав-ствуй-те, мужики. Со свиданьем опять. Я постелечку новую вам постелила... Скворчатки проклюнулись.

Тишина.

Тишина.

– Кабы были вы не дрова – шей бы вам наварила. Блинов напекла. Гусака зарубила бы... Ты, Алеша, любил гусачиный пупок!

Так ласкает, сзывает и гладит любое поленце, пока не дойдет до последнего звончата сколышка:

– Вот... Потревожила вас... Скворчата сегодня проклюнулись. Лежите спокойно теперь...

...Избушка старая – скворешня новая.

Как собьются во стаи-ватаги молодые скворцы, как взлетят черной щебетной кучей на выгон, на выпас к Седому Дразнилушке, добывает в ту пору Денисья Гордеевна из запечья висячий холстинный рукав с табаком. Табаку – ему славно в запечье. Два века висит. Не заплесневает и не иструхнет. И злобится-то как молодой, с его летошний!..

Сугубый сей знак, проиндейский сей цитрус Афоня выращивал сам. Не бабья то ягодка, не та конопель... Сам рассаду обнюхивал, сам сажал, сам и пасынковал. Вялил. В связках провешивал. В тень. Чтоб и зелень, и сок не спеша притомить. В деревянном корытце рубил, сквозь железное сито просеивал. Сам. У кого же, с нормальным дыханьем и нюхом, глаза от таких процедур не помутятся, враскосую не ринутся? Кот в подобный сезон на зады в коноплю и репы усмыкал, гусаки на подворье тревогу играли, подыхали, вверх лапки, сверчки... Зло и сладостно же ел табак, зеленой мужик!

Сорок колец – кольцо в кольцо помещала грудь, сорок кренделей губа стряпала. Только ухом дым не пускал, прибаутошник. Расчленил кисет на завалинке и смущает своей новинкой околоток:

– Та-ба-чок – вырви глаз –

Подходи, рабочий класс!

Курево не пьянство –

Подбегай, крестьянство!

– До тупиков и проулков прорывается, – пускал нескончаемую голубую струю, умилялся табачной крепости.

А последний посев не убрал.

В перевозимье войны изрубила Денисья Гордеевна свирепый, едучий его урожай. Забинтует дыханье сырым полотенцем и доводит в корытце коренья – до мелконькой крупки, листочки – в рассыпчатый прах. Той порой вся женушка-Русь посылки на фронт отправляла. Чья повенчанная – чьему суженому, чья невестушка – чьему венчанному?.. Нету ревности! Любовь, тоску, ласку, золотую надежду свою зашивала в холстинки, делила меж морем и морем Несмеяна солдатская – женушка-Русь. «Пусть покурят, родимые. Пусть покурят на праведной брани высокие, громом крытые русичи! Мужики табак глаз яснит. Мужики с табаком черт не брат. И душа при себе...»

Двести тридцать стаканов снесла в сельсовет той зимой Денисья Гордеевна. А десяток припрятала. В холстинный рукав и запечь. Возвернется Афоня ее и покурит, хоть на первых порах поуслаждается. Алеша – тот не курил и не баловался. Может, начал военным обычаем?..

Вот уж тридцать вторую осень, как собьются во стаи-ватаги молодые скворцы, добывает Денисья Гордеевна на поверку, на надых и дух сорок первого года рождения зеленый табак, высыпает его из холста в то корытце заветное и бережно, ощупью пальцев, бередит, ласкает осиротевшее, скорбное зелье.

На простенке Афонина карточка весится.

А с Алеши и карточки нет.

Нешто помирать собирался...

– Ну сойди, покури... – затевает негромкий она разговор. – Снился нынче ты мне. Крикнул эдак по-звонкому: «Донька!! Наклонися поблизости»... Понимаю – во сне, а проснуться боюсь. Ведь когда, в кои веки опять мне такое привидится? Не закажешь ведь сон...

Кот скребнет лапкой в дверь. Чуткий нюх у котиков. «Побеги, когда так...»

– Ну, сойди же, сойди! – отпустила кота, продолжает негромкий она разговор. – Покурили бы рядышком... Про венгерского петуха пояснил бы мне...

Не сходит.

Ни на Афоню, ни на «Гармошечку» не отзывается. Младочертом глядит с фотографии. Левый ус, как всегда, в развихренье, в распыл мелки бесы раздернули, правый, бдительный, тоже проказу и шустрость таит для предбудущей шкгоды...

Приключенческой жил мужичок.

«Гармошечка мой!..»

Дождались Алешу.

...Грянет-ахнет литым колуном в сердце стойкому коклю, и зажигается над сыновней головой моментальная белая радуга. «Аа-ахх!» – и радуга... «Аа-ахх!» – и радуга.

Алешу в третий день призвали.

Афоню – в день сорок седьмой...

– Ну, сойди... Покури... – из поблекнувшей рамки, из невнятных миров опять вызывает Гордеевна дорогого Афонюшку.

Нет, Денисьюшка, нет...

Ни любимым табаком, ни наполненной чарой силой не воззвать, не поднять их из братской могилы. Обнялись там высокие, светлые русичи, онемели, слеглись, как ложатся в горнила штыки, им звание – России Старшины Бессмертные. Лишь одни подзнаменные духи исходят из этих могил, вокруг знамен наших реют, незримые, по казармам, в полночь присяжным внучатам своим молодые ресницы овеивают, проверяют оружие и заслуги-значки начищают на их гимнастерках к тревожной заутрене.

– Видно, так... не сойдешь, – складывает Денисья Гордеевна военной поры треугольнички.

А на выгон, к Седому Дразнилушке, все летят и летят молодые скворцы.

– Ну, табак... Марш в рукав. Полежи. Будет час роковой – внукам-правнукам дам закурить. «Заверните, парнишки, дедушкова. Причаститесь-ка, повдохните от духа его отбронелого, всепобедного, безунывного... Приключенческой жил-был дедушка!.. Пули с гривнами ел, а окурки выплевывал. В трех державах окурки выплевывал, зеленой мужик!»

И глядит, и глядит на Афоню, и ласкают, и греют бывшего Гармошечку негасимо-родные глаза:

– Так, Афонюшка? Ладно сказала?

А с Алеши и карточки нет...

...Память, память моя!.. Женственные заснеженные деревеньки...

ПРОЗА

Сергей БЕЛКИН

МАЭСТРО

Первое воскресное июньское утро 1982 года выдалось ясным и не жарким. На конечной автобусной остановке вместе с другими жителями здешнего частного сектора терпеливо дожидался пригородного автобуса Веня Мохов. Перед этим примерно с километр ему пришлось протоптать пешком, но это было вовсе не в тягость. И не потому, что в отличие от большинства его попутчиков он был свободен от какой-либо поклажи, а совсем по другой причине.

С трудом втиснувшись одним из последних в пропитанный запахом выхлопных газов скрипучий автобусный салон, через час с небольшим дорожной тряски по просёлочной трассе и еще полчаса плавной езды по городскому асфальту он уже с облегчением выбирался из переполненного автобуса возле центрального рынка и направлялся по немногочисленной в этот час улице в сторону железнодорожного вокзала. По пути Веня искоса наблюдал за своим отражением сначала в широких окнах универмага, потом в застеклённых дверях краеведческого музея и городской поликлиники. И удовлетворённо отводил взгляд, расправляя плечи и чувствуя приятное внутреннее волнение.

В кургузом пиджаке и выцветшей кепке кому-то со стороны он мог напоминать одного из типичных представителей вдруг появившихся в то «застойное» доперестроечное время бывших интеллигентных людей, называемых в просторечии «бичами», а официально именуемых лицами без определённых занятий. Сам Мохов тунеядцем не был. Соседи по привычке звали его Веней, хотя недавно ему стукнуло пятьдесят два, из которых двадцать четыре он честно отработал на мебельной фабрике. Считался неплохим столяром.

Мохов миновал привокзальную площадь, прошёл через здание вокзала на перрон. Его тонкие мозолистые пальцы чуть дрожали, перебирая завалавшиеся в кармане медяки, приготовленные на обратный автобусный билет. Цепким взглядом он прочесал разношерстную людскую толчею, стараясь выхватить из толпившихся на перроне ожидающих хотя бы одну стройотрядовскую штормовку. Надежды он не терял, однако увидеть студентов именно сегодня было всё же маловероятным. Рано ещё. Самое начало июня. Но всё равно – теперь уж скоро. Полетят, потянутся косяками. И тогда! Венино сердце замирало – скорей бы...

Возвратившись тем же обратным маршрутом домой, Веня принимался помогать Таисье в её огородных делах.

– Не приехали? – спрашивала она и смотрела на мужа участливо.

Он таскал нагретую солнцем дождевую воду из большой бочки, стоявшей под шиферным сточным жёлобом, подавал полные вёдра жене в теплицу. Толстая Таисья осторожно ходила в борозде с лейкой в руке, плавно разворачивалась, старалась не задеть тянувшиеся вверх мохнатые побеги помидоров. Веня хмурился:

– Нету пока...

Вечером они вдвоём пили чай. Так было заведено издавна, как поженились. Когда в пятьдесят восьмом Веню списали с флотской службы на сушу, они поселились в старом «щитовом» доме на окраине этого сухопутного города – в заречной полудеревенской его части находился целый квартал таких двухквартирников, принадлежащих мебельной фабрике.

После воскресного вечернего чая Тася привычно садилась у чистого стола, подпирала щёки ладонями и молча смотрела на мужа. Теперь она не просила его, как раньше – на первых годах их совместной жизни. Веня угадывал сам. Снимал висевшую у дверного косяка старую облупившуюся гитару, не спеша подстраивал и начинал играть.

Играл долго. На жену не смотрел, но знал, на какой мелодии по щеке её покатится крупная капля, которая, дойдя до складки у рта, вдруг скользнет в сторону и сорвется за ворот её кофты в мягкую тёплую пазуху. А вот сейчас глаза жены прояснятся, будто засветятся, как бывало в молодости, когда он, возвращаясь с работы, приносил в дом ветку майской черёмухи...

Веня, конечно, помнил слова тех песенных мелодий, которые играл. Но никогда не пел. Не то чтобы стеснялся, а просто считал, что в словах заключён слишком определённый смысл. И главное, часто не свой, не пережитый. Другое дело – мелодия. В неё можно было вложить не чьи-то чужие, заёмные, а именно свои чувства. Он эти чувства находил, жил ими, стоило взять в руки гитару.

Веня был уверен, что Тася чувствует то же, что и он. Когда она сидела напротив с мокрыми от слёз глазами, всё внутри у него закипало, наполнялось жалостью к этой родной, когда-то красивой женщине, которая так хотела родить ему ребёнка. Они успокоились давно, смирились, но в них не угасло то светлое чувство взаимной благодарности, может быть, даже вины. Несуществующей вины друг перед другом...

Названия этому чувству Веня не искал. Догадывался, что оно, наверное, должно быть в некоторых, как он сам их определял, «ля-минорных» песнях. Но песенных слов, как нам известно, он не произносил.

Воскресенье кончалось, наступала ночь – тревожная и равнодушная...

Проходила неделя, и новым воскресным утром Веня снова вставал раньше обычного, облачался в тот же старый застиранный пиджак, на коротко стриженную макушку накидывал ношенный не один десяток лет картуз. Смотрелся в овальное зеркало, когда-то собственноручно вставленное в дверцу шифоньера, удовлетворённо крякал и вновь отправлялся в знакомый путь – сперва шел до ближайшей конечной остановки, потом стоя тряся в разбитом автобусе, а затем уже почти гордо шествовал мимо универсама, музея и городской поликлиники к вокзалу. Настроение было праздничным, душу грела надежда и уверенность в том, что сегодня-то уж непременно встретит стройотрядовцев.

На этот раз он не ошибся – не только на перроне, но и в зале ожидания было полно парней и девчат в стройотрядовских куртках. Пестрели надписи, по которым впору было изучать экономическую географию СССР. Станция была узловой – «ворота Сибири». Стройотрядовцы в ожидании пересадки на свои поезда сидели на рюкзаках, ящиках, прямо на полу. Звенели гитарные струны, слышались нестройные, бодрые голоса. Вокруг каждой группы, точнее – вокруг гитаристов, толпилась многочисленная публика из числа пассажиров, не знающих, как скоротать время, оказавшееся вдруг лишним.

Вениамин пристраивался в ряды слушателей, незаметно приглядывался к их лицам. Ему было интересно наблюдать за поведением этих

разных людей. Повторений тут почти не было – каждый реагировал по-своему. Хотя определённые типы, как всегда, тоже были.

Пожилая женщина в повязанном по-деревенски платке вытягивала шею, стараясь через кожаное блестящее плечо стоявшего впереди верзилы рассмотреть живого певуна. Её одновременно разбирало любопытство и одолевало смущение. Она то и дело бросала быстрые косые взгляды по сторонам, опасаясь, как бы о ней не подумали чего плохого, а сама всё тянулась, привставала на носках, улыбалась, прикрываясь ладошкой.

Пацан лет двенадцати стоял впереди всех и с открытым ртом смотрел на гитариста – видать, страшно тому завидовал. Когда сзади нечаянно подталкивали, он делал полшага вперед, но тут же поспешно отступал на прежнее место, вертел головой, как суслик, и высовываться побаивался, и не хотел допустить, чтобы кто-то стоял ближе.

Детина в пиджаке из кожзаменителя, возвышаясь над всеми, переминался с ноги на ногу, поминутно оглядывался, будто хотел уйти или ждал кого-то, а может быть, приглядывал за оставленным поблизости багажом.

Мужичок в запылённом мятом плаще не выпускал из рук потрёпанного портфеля, выражая суровую озабоченность, хмуро глядел исподлобья. Не поймёшь, то ли осуждал молодежь, то ли просто так из себя делового корчил.

Смотреть на самих студентов Вене было не так интересно. Те, должно быть, прекрасно чувствовали себя, находясь в центре всеобщего внимания, знали, что окружающие пялят на них глаза, но делали вид, что не замечают этого, и вели себя так, будто вокруг никого не было. Кто-то из них без видимого повода смеялся, другой наоборот угрюмо и безучастно смотрел перед собой, третий дурашливо лез целоваться к веснушчатой курносой девчонке, несильно отталкивавшей его рукой, в которой белел стаканчик с мороженым.

Ко всему этому Веня давно привык. Всё повторялось, менялись лишь лица. Из студентов он старался внимательней рассмотреть только того, который держал в руках гитару. Постепенно продвинувшись вперед, Веня стоял теперь возле гитариста, чуть сзади. Парень был нестриженный, бородатый, широк в плечах, а голос у него был неожиданно высокий.

Мохов скромно стоял, не торопил событий, хотя его так и подмывало гитару у лохматого отобрать. Инструмент был хороший, не то что Венина обшарпанная гитара, которая служила ему ещё с флотских времен. Эта гитара была новенькая, но играли на ней скверно, примитивно. Струны под пятернёй доморощенного барда жалобно дребезжали, однако певец самозабвенно наяривал, выкрикивая куплеты, смысл которых уразумению нормальных людей поддавался тяжко. Тем не менее все стояли, не спеша расходиться. Всё-таки какое-никакое, а развлечение.

Мохов терпеливо ждал, когда яростный стройотрядовец досыта наде рёт глотку. Но и медлить тоже было рискованно – вдруг у них скоро поезд. Внутри вновь сладко заныло, и даже как будто слегка закружилась голова. Веня решил, что пора. Выждал момент, когда бородач закончит очередную руладу, тронул его за плечо. Парень обернулся, вопросительно глянул – чего, мол, тебе, папаша? В глазах парня была доброжелательность.

– Настроить бы надо... – Веня виновато улыбнулся. – Дай-ка инструмент-от.

Бородач удивлённо оттопырил губы, коротко переглянулся со своими. В недоумении пожал плечами и подвинулся на край плоского ящика. Мохов присел.

Как только он ощутил в ладони гриф гитары, волнение прошло. Обращённые к нему скептические взгляды стройотрядовцев, оживлённый шёпот толпившихся вокруг людей, размытый гул большого вокзала – всё это исчезло, отодвинулось.

Едва он начал играть, встрепенувшаяся было публика замерла. Заиграл Веня одну из самых что ни на есть «ля-минорных» – мелодию польского композитора Огинского, которая называлась «Прощание с Родиной». Это была музыка печальная, живая, настоящая. Веня всегда начинал с этой мелодии. Он уже знал, что потом его попросят сыграть её снова и снова. И он не откажет. Но это в свой черёд. А пока он играл не для публики. Просто он хотел показать сидящему рядом парню, как можно играть на обычной семнадцатирублёвой гитаре. Веня это умел. И пусть все слушают, если нравится, ему не жалко.

Вениамин почти без пауз переходил к следующим мелодиям. Возникавшие под его пальцами чистые звуки, казалось, проникают в самые дальние углы зала. Вокруг было уже не протолкнуться. Люди ещё ходили. Он знал, что теперь ему отсюда скоро не выбраться.

Одна за другой сменялись песенные мелодии – у Мохова был богатый репертуар. Сам он отрешённо смотрел поверх голов сидящих напротив студентов, которые давно превратились в обычных восхищённых слушателей. Смотрел на молоденького милиционера, тоже, видать, малость забывшегося. Года два назад, помнится, в такой же заворожённой толпе у оплошавшего сержанта милиции расстегнули кобуру. На всякий случай Веня решил приглядывать за кобурой этого мальчишки – вдруг там пистолет.

Примерно через полчаса публика опомнилась. В коротких паузах то тут, то там стали раздаваться жидкие поначалу шлепки аплодисментов, слышались негромкие возгласы одобрения. В задних рядах шушукались, обсуждали, строили предположения.

– Да я его в прошлом годе тут же видала. Так же ж точно тешился.

– Надо быть, в филармонии раньше робил. Спился, выгнали – теперь по вокзалам...

Мохов этого не слышал. Он играл сейчас по просьбам. Его просили – он, перебирая струны, вспоминал. Сходные названия оказывались у нескольких песен. К примеру, про журавлей.

Когда он в тесном корабельном кубрике в свободное от вахты время упорно осваивал игру на семиструнке, песни про «клин усталый» ещё не было, зато было много дворовых и не только. На его противоминном тральщике был здоровенный трофейный «бобинный» магнитофон с целым штабелем перезаписанных катушек. На одной из них, которую перед ноябрьским праздником пятьдесят седьмого года на всякий случай изъял корабельный замполит, была записана одна из таких, как будто бы «эмигрантских» песен, которая начиналась словами «Здесь под небом чужим». Особенно душещипательно она звучала в нейтральных водах Японского моря аккуратно на тридцать восьмой параллели напротив Корейского полуострова, где им приходилось тогда чистить от глубоководных мин международные судоходные пути.

Веня наигрывал тихонько, спрашивал:

– Эта?.. – в толпе почти всегда находились те, кто помнил.

И он начинал по-настоящему. Чувствовал, как передаётся окружающим настрой песни, как светлеют, наполняются теплой грустью десятки устремлённых на него глаз. И сам забывался, переносился в памятные годы, мысленно видел свою Тасю такой, какая была она лет двадцать назад. Будто волна накатывала, и качался, плыл перед глазами многолюдный вокзал...

– Маэстро! Слышь, маэстро!

Веня сбился. Непонимающе уставился на склонившегося к нему мало-го в пижонской синей куртке. Тот, шумно отдуваясь, дышал ему в самое ухо. Видно, только что пролез сквозь толпу, притомился сердешный.

– Слышь, маэстро! Сбациай чё-нибудь путевое! – малый приблизил свою холёную морду вплотную к Вениному лицу, но Мохову показалось, что смотрит тот чуть ниже его переносицы. – Чё ты тоску наводишь? Сбациай «Малиновку»! Ну! Слышь! Мы платим!

Холёный раздернул молнию на кармане своей пижонской куртки. Все молчали.

– Послушай, дружище, – тронул мало-го за рукав сидевший рядом с Веней бородатый студент. – Здесь тебе не ресторан.

– Да ладно ты, с-студент, х-ха... прохладной жизни. Маэстро тоже жить хочет. Задря что ли старается? Давай, маэстро! «Малиновку!» – малый ле-гонько, но настойчиво похлопал Веню по плечу и сунул в кармашек его пиджака хрустнувшую бумажку.

Мохов сидел, не шевелясь. Стало трудно дышать. Должно втянул го-рячими ноздрями побольше воздуха. Ждал, когда этот пижон соизволит посмотреть ему прямо в глаза. Не дождался, порциями выдохнул:

– Сча-ас... Я тебе... Счас сбациаю...

Гитара со звоном полетела на пол. Стоящие рядом разом отшатну-лись, пожилая женщина заполошно ойкнула. Веня вцепился в рас-стёгнутые полы синей куртки, остервенело дёрнул сначала на себя, потом резко толкнул. И попёр. Толпа расступилась. Малый не ожидал, сопротивлялся слабо, едва успевал переставлять ноги в импортных бо-лотных сапогах.

Веня не знал, что будет дальше, но чувствовал, что остановиться нель-зя. Тогда ему не устоять, этот жлоб его сомнёт. И продолжал напирать. Вокруг загалдели, кто-то попытался остановить сцепившихся, но не успел. Веня дотолкал соперника до каких-то узлов, чемоданов, ещё поднажал, и они оба рухнули через всю эту баррикаду.

Их растащили. Тут же появился молоденький милиционер, тот самый, с кобурой. Он всё видел. Теперь пытался сообразить, которого из них дер-жать, чтобы не сцепились снова. Но держать было некого. Веня разом утихомирился, стоял удовлетворённый в окружении стройотрядовцев. Растрёпанный малый, отвернувшись, сосредоточенно хлопал по ляжкам, отряхивался. Бубнил зло:

– Филармонист... т-твою... Сбесился... Ему как человеку...

Мохов услышал, негромко процедил:

– Я в морфлоте служил. Восемь лет. Понял?

И, повернувшись, зашагал прочь. Никто его не останавливал, но перед са-мым выходом обогнал мужичок в помятом пыльном плаще, загородил дорогу:

– Это... батя... пошли выпьем. За морфлот.

– Иди ты, с-сынок!

На улице Веня вспомнил про деньги. Хотел вернуться, но увидел у сте-ны помятую железную урну, остановился. Вытянул из кармашка сложен-ную вдвое бумажку, повертел брезгливо.

– Червонцами кидается, к-козёл. Всю обедню испортил.

Мелкие розовые клочки разодранной им купюры дружной стайкой сле-тели с ладони и плавно опустились в мусорницу. Мохов вдогон плюнул и неторопливо двинулся в сторону центрального рынка. Через полчаса оттуда должен был отправиться в обратный рейс автобус до его Зареки...

Сергей ЛУЦКИЙ

МЕРА

Долго не могу понять, чем так хорошо пахнет.

Запах тонкий, нежный, едва осязаемый. В огороде ничто так пахнуть не может, да и рано – зелень на грядках только-только пробилась. У черемухи в палисаднике запах другой, к тому же она уже отцвела. Дело сделано, идет молчаливое таинство, завязываются плоды, так что завлекательные ароматы черемухе уже ни к чему.

Как гончая, берущая верхним чутьем, иду на запах. Это непросто – он то есть, то пропадает. Впору рыскать из стороны в сторону, как настоящая гончая, ловить в воздухе нежной ток.

Сухой древесный запах избушки, горьковатый – черемухового ствола, пресно пахнет затененная редкая трава в палисаднике... О рябине-то я и забыл! Она притулилась в конце палисадника, именно сейчас и цветет. Но напоминать, как рябина пахнет, мне не надо. Мылом. И не туалетным, ароматизированным, а зловонным хозяйственным. Однако пахнуть вокруг больше нечему, и я на всякий случай тянусь носом к одному из пышных соцветий...

Лучше бы я этого не делал. И что может привлечь в этой вони букашек, самозабвенно копошащихся в бело-зеленоватых розетках?!

Но чем дальше отхожу от рябины, тем сноснее запах. Разбавленный воздухом, он в конце концов становится приятным, приобретает изысканную пикантность, тонкость...

Все-таки великое это дело – чувство меры. Только с ним и возможна гармония.

ДОБРОЕ СЛОВО

Оно, как известно, и кошке приятно. С недавних пор я стал нахваливать растения на грядках:

– Вот молодцы! Дожди, холодно, а они держатся. Будет, хорошие мои, вам еще и солнышко, и тепло. Потерпите, милые, немного!..

Не то чтобы я не знал об опытах ученых-ботаников – просто решил сам проверить. Разговаривал с июньскими несмелыми ростками, как с малышками детьми:

– Ну что ты, дружок, накуксился? А вот мы сейчас удобрим тебя, сорняки с грядки выгоним. Уходите, нехорошие, не мешайте нам расти и сил набираться!..

Послушал бы кто со стороны, подумал бы: крыша у дяденьки поехала. Но вот что любопытно. Лето по-прежнему теплом не балует, а свекла, капуста, морковь заметно пошли в рост.

Можно сказать и так: просто настала пора, генная память у растений сработала. Но как тогда быть с молодым кустом смородины? Он, казалось мне, не перенес морозной зимы, не проснулся. Но я не выдернул безжизненный прутик, а каждый день разговаривал с ним.

И что бы вы думали – проснулся мой кустик, выбросил побег! Потянулся к солнцу первыми нежными листиками!..

Прав поэт. Всё в мире движется любовью.

ЧЕРЕМУХА...

У Толстого в «Казаках» есть удивительное место. Его герой едет на Кавказ, и еще среди ровной степи ему вдруг открываются далекие заснеженные вершины. На что бы с той поры ни смотрел герой, о чем бы ни думал, он постоянно помнит: «А горы...»

Похожее ощущение было у меня, когда цвела черемуха. Пройдет ли человек по деревянному звучному тротуару у нашей избушки, проедет ли редкая машина – смотрю в окно и сразу же натываюсь взглядом на цветущее дерево.

«Черемуха!..» – радостно отзывается душа.

Выхожу на крыльцо и первое, что чувствую, это густой, тяжелый аромат. «Черемуха!»

Вожусь у расправляющей нежные листья малины или готовлю грядки под огурцы – вдруг наплывает, подавляя все остальные запахи, мощная душистая волна.

«Черемуха!..»

Привыкнуть к ее запаху невозможно. Он плотным облаком обволакивает двор, огород, часть улицы. Кто только не слетается на этот запах – ровное гудение окружает крону в неброских белых соцветиях.

И всю неделю, пока цветет черемуха, меня не покидает ощущение праздника, почти что счастья.

МЕНЬШЕ МЕНЬШЕГО

Только вечером и можно рассмотреть этих мошек. Светятся полупрозрачными крылышками, они толкутся в пологих лучах солнца. Кажется, каждая окутана светящимся нимбом. Вдруг какая-нибудь из мошек резво подскочит вверх в переменчивом роящемся столбике. Потом опять провалится вниз. За ней другая, третья... И так – час или полтора, пока не станет прохладным солнце.

Что означает этот танец едва заметных существ? Для чего? Какая у него цель?..

Я где-то читал, роение мошек (на первый взгляд, бессмысленное) – это брачные игры. Оплодотворенные микроскопические личинки падают в траву, чтобы через какое-то время стать новыми мошками. Всего на день или два – такой у них век.

Среди мыслей, которые возникают, когда видишь этот колеблющийся столбик, есть пронзительные. Как чувствуют мир эти крохотные существа, столь отличные от нас и пришедшие в него на такой короткий срок? Как воспринимают свет солнца, запахи травы, упругость воздуха? Время, наконец?..

Между ними и нами – бездна. Но есть и общее: дышим, двигаемся. Они по-своему, мы – по-своему, но любим...

Как все-таки странна Жизнь. И непостижима.

НОЧНАЯ КУКУШКА

Сказать, что весной можно услышать множество птиц, – значит, повторить общеизвестное. Кто не знает, что в эту пору птичий гомон за-

полняет все окрест? Радуюсь молодому солнцу и пахучей юной листве, самозабвенно поют, играют горлышками пичуги. Овсянки, синехвостки, синицы... Даже вездесущие воробьи как-то по-новому, бодрее и веселее выдают свое неизменное «чиф-чиф». Довольны, что перезимовали, что выдержали самые свирепые морозы.

Односельчане говорят, что к нам залетают даже соловьи, и по ночам на опушках можно услышать их пение. Не знаю, не приходилось. А вот другую птицу, о которой и не подумаешь, что она может подавать голос ночью, мне довелось услышать еще в первый год жизни на Севере.

Конец мая, час ночи. В реке отражается чистый свет то ли вечерней, то ли уже утренней зари. Все вокруг полуявь, таинство, будто отразившееся в глубоком, потемневшем от времени зеркале. И вдруг начинает куковать кукушка. Ее голос в пространстве белой ночи кажется печальным, зыбким, кукушка словно благословляет и заранее прощает грехи всему живущему. «Ку-ку, ку-ку, ку-ку...»

Сочетание алой чистой зари, молочно брезжащих березовых колков и этого голоса такое, что совсем не хочется думать ни о яйцах, которые кукушка подкладывает в чужие гнезда, ни о кукушатах, выбрасывающих других птенцов, ни об остальных жестокостях жизни.

«Ку-ку, ку-ку, ку-ку», – печально доносится из-за реки. Будто капли горящего меда падают в рассветный воздух.

ТЕРПЕНИЕ БУКСИРОВ

С нашего огорода Вах как на ладони. Конец июня, но вода в реке еще прибывает, все ниже становится кромка противоположного берега. Заливные луга на той стороне вполне соответствуют своему названию – покрыты мелкой водой.

Но не на это обращаешь внимание прежде всего. Суда на реке – вот предмет интереса. Ловишь себя на мысли, что за зимние месяцы соскучился по их виду.

Большие, с двухэтажной рубкой теплоходы, толкающие перед собой тяжело груженные баржи со щебнем – кажется, вода вот-вот захлестнет низко сидящие борта. Теплоходы поменьше, гонящие вверх по течению одну, а то и две аппарельки, прилепившиеся к их бокам. Какой-нибудь чумазый буксир, натужно тянущий на длинном тросе посудину с жилым вагончиком и выдавшим виды бульдозером... Заказчикам не до шика, фрахтуют любые суда, лишь бы успеть по большой воде доставить на место грузы.

Смотришь, как появляется из-за поворота реки такой буксир, как томительно медленно, по-черепаший двигается в твою сторону. Ты уже половину грядки успел прополоть, а буксир все еще на подходе, никак не одолеет эти несколько сотен метров.

Невольно думаешь: а ведь впереди у него сотни не метров, а километров! Какое надо иметь терпение, чтобы одолеть этот путь, его выматывающие душу медлительность и однообразие!..

Не так ли и наша жизнь? Достигает цели тот, кто последователен и упорен. Кто способен преодолеть тоску и медлительность бытия.

Терпеливые буксиры на реке – метафора жизни.

СОРОЧОНОК

То, что это сорочонок, понимаешь не сразу. По виду – вполне взрослая птица. Разве что угловатая какая-то, будто после линьки.

А вот ведет себя для осторожной сороки странно. Села на теплицу и принялась у всех на виду отдирать клювом целлофан. И особо не боится, когда ее гонят. Нехотя отлетит на метр-два, будто одолжение сделает, сядет на забор или край сарая и удивленно крутит носатой башкой – чего, мол, прогоняете?

Не успеешь оглянуться, эта странная сорока опять на теплице. А то норовит похозяйничать на противне с малиной, которую мы рассыпали сушить. Наглая какая!..

Не сразу сообразишь, что это не наглость, а неопытность и доверчивость. Не знает еще сорочонок – всего в жизни ему надо опасаться. И человека, и коршуна, и нашего пса Мэрку, из миски которого так заманчиво поживиться.

Недели полторы сорочонок летал вокруг избушки. Потом куда-то исчез.

Дай-то бог, чтобы знакомство с миром закончилось для него благополучно. Чтобы никто не воспользовался простодушием входящего в жизнь существа.

Ведь жестока она, взрослая жизнь. Наивности не прощает.

СТРАДА

Лето в этом году неважное. Однако всё тем не менее спешит, торопится отцвести, созреть, дать потомство – выполнить от века предназначенное. Вон уже прыгают по забору, заполошно стрекочут какие-то худые, словно мокрые, сорочата. Пустили по деревне свои семена одуванчики. Нежно, упоительно пахнет цветущий шиповник, в обычное время такой неказистый, колючий.

Страда в теплице тоже. В тишине и покое наливаются помидоры. Там и тут в огуречных плетях видны желтые звезды. Цветки терпеливо ждут шмеля, пчелу, на худой конец, муху. Лишь бы перенесла пыльцу, оплодотворила, дала завязаться плоду, а с ним и семенам, этому обещанию новой жизни, ее непрерывности.

Утром открываю в теплицу дверь – и невольно отшатываюсь. Незаметная сразу паутина неприятно ложится на лицо. Быстро стираю ее рукой. Постарался паук за ночь!..

Его расчет, в общем-то, верен. Именно через проем двери попадают в теплицу насекомые. Вот паук и натянул свои тенета – надеется поживиться. Причем небезуспешно, на сохранившейся в уголке паутине несколько высохших трупиков мошек. Каждое утро я рву эти сети, а паук их всякий раз упорно восстанавливает.

У каждого своя страда.

ЩЕНОК

Он – глупейшее милое существо, жизненный опыт которого практически равен нулю. Но кусок хлеба, который ему, сытому, брошен, стара-

тельно зарывает в укромном месте. Справившись с делом, открыто, доверчиво смотрит. Нос в земле, хвост ходит из стороны в сторону, голова, как у собак бывает, клонится то вправо, то влево. На физиономии – любовь и преданность...

Откуда ему, дурачку, знать, что не всегда может быть сытно? Что возможны времена, когда будет рад корке запорошенного, пропахшего землей хлеба? Что в этом мире, жестокости которого щенок еще и в малейшей степени не испытал, ему, малому и слабому, нужно найти покровителя, хозяина, который защитил бы от напастей? И что хозяину необходимо показывать свою любовь и преданность, чтобы тронуть его сердце и обеспечить покровительство не только сейчас, но и на будущее?..

А такие простые слова – инстинкт, желание жить.

ПРЕДОСЕННЕЕ

Июль на исходе. Казалось бы, впереди целый месяц лета, будет еще тепло и солнечно. И особые простор и благодать, которые бывают только летом, тоже никуда не денутся. А тем не менее прозрачные раньше ночи с каждым разом становятся всё темнее, всё больше наливаются тяжелой синевой. Того и гляди появятся первые звезды.

И еще. Вдруг замечаешь, что в небе над речным обрывом стало как-то тихо и пусто. Чего-то в нем не хватает. Не сразу понимаешь – это улетели стрижи. Выкормили, поставили на крыло птенцов и не мелькают больше над рекой, не слышно их голосов.

И тут с особой остротой осознаешь: лето на исходе. Не много осталось этих благодатных – светлых и просторных – дней. И таким понятным становится отчаянный крик в тоске бросившегося на землю бунинского героя: «Ах, улетели журавли, барин!..»

Андрей МАРКИЯНОВ

ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ

В тот поздний дождливый вечер, едва я вышел на улицу, раскрыл зонт и остановился под фонарем прикурить, как услышал знакомый голос – я обернулся. Это был мой старый знакомый, актер театра Царегородцев, человек высокого роста с породистым бледным лицом и тронутыми сединой волосами, которые он неизменно носил в виде конского хвоста, перетягивая на затылке шнурком. На голове его глубоко сидела черная шляпа с широкими полями, а воротник и полы черного пальто тонко искрились бисером водяной пыли. Мы пожали друг другу руки, он наклонился ко мне под зонт и пробормотал с досадой и горечью:

– Черт! Вот черт, когда же он кончится? Ненавижу!

Мы не виделись месяца три, поэтому тут же направились на Монастырскую площадь и спустя полчаса сидели в полумраке пустого частного бара, пили молдавский «Херес» и вели тот пустой разговор, что сопутствует людям, не обремененным отсутствием времени. За узкими окнами, стуча по карнизу, ровно сыпал октябрьский дождь, блестели черным стеклом тротуары, а здесь, в этом маленьком баре, бесшумно гнали тепло калориферы, вращал под потолком блестящие лопасти вентилятор, а беременная хозяйка с размытым желтым лицом, облокотившись на стойку, потягивала из банки безалкогольное пиво. До закрытия оставалось немногим более часа.

– Не взять ли нам чего-нибудь покрепче? – сказал со вздохом Царегородцев, – Грустно, что-то. Слышишь, как стучит этот мерзкий дождь? Так и хочется надраться, как следует. Да я и надерусь, если ты составишь компанию... Нет, нет, не возражай, – добавил он, поднимая руки. – Выпьем немного и поедем ко мне. Познакомлю с моей юной подружкой, посидим, как положено. Тем более ты мне обязан за тот сюжет с однорукой сутенершей, помнишь?

– Такое не забывается, – ответил я. – Значит, подружкой. А кто она такая, откуда? Давай-ка, выкладывай.

– Кажется, из Тулы, точно не помню. Познакомились на концерте «Диксиленда» в антракте, примерно месяц назад. Оказалось – учится в театральном. В общем, теперь она у меня, – продолжал он, сдвигая брови. – И все вроде бы чудесно, если не считать, что иногда утомляет своим необузданным темпераментом. И какой-то бесстыжей наивностью, что ли, которую путает с непосредственностью.

– Ну, таких полно в ее возрасте, – возразил я, закуривая. – Это нормально. Можно еще добавить, что она противоречива в суждениях и непоследовательна в поступках. А если в компании начинает восхищаться снобами, ты от неловкости не знаешь, куда глаза девать.

– Хм, – произнес Царегородцев. – Пожалуй. Но это не важно, главное, что мы встретились и едем ко мне.

Я улыбнулся, что оставалось делать? Впрочем, все к тому и шло. В кармане моего плаща лежала часть денег, полученных от московских издателей, и я решил, что настала пора вкусить столичных щедрот в обществе старого друга.

– Итак, пойду – возьму все, что нужно, – сказал Царегородцев, потирая руки: – А ты посиди, покури. Поверишь, я два месяца не наливался ничем,

кроме пива. Теперь вот печенъ что-то не пойму, да и вообще последнее время я не в своей тарелке. Пить с кем попало не могу, а в одиночестве не умею. Ну да что тут объяснять, ты ведь знаешь мои замашки, – и он поднялся, достал из кармана плотный, из коричневой кожи бумажник. Пришлось сообщить ему, что подаренная мне «сутенерша» благополучно поселилась на страницах журнала, и я обязан исполнить свой долг, который, как известно, платежом красен. Тогда он сдался и великодушно позволил мне оплатить заказ.

Мы выпили по две рюмки замороженной водки, закусывая осетриной с зеленью, и наливали по третьей, когда входная дверь отворилась, и на порог ступили новые посетители: молодая женщина с непокрытой головой и девочка лет шести, одетая в белые комбинезон, берет и ботиночки. А женщина... Она рассеяно оглядела зал, убрала на затылок влажные волосы и, на секунду закрыв глаза, глубоко вздохнула и решительно направилась к стойке. Ее светлый плащ с поднятым воротником и узким поясом, стянутым в талии, местами потемнел от дождя и при каждом шаге складками собирался на бедрах, низкие светлые боты оставляли на паркете следы.

Они расположились напротив нас у окна под светильником, и я хорошо видел их лица и стол, на котором вскоре появился заказ: плоская бутылка водки, бутерброды с красной икрой, две банки колы и плитка шоколада в золотистой обертке. Этот шоколад и банку колы женщина пододвинула девочке, и та принялась разворачивать и распечатывать, а затем сдержанно пить и есть, глядя в окно и не произнося не единого слова. Молчала и мать. Она свинтила с бутылки пробку, точным движением налила половину бокала, но когда подносила его к губам, я заметил, что рука ее дрожит, а правое веко подергивается. Я оглядел ее внимательнее. Это была женщина лет тридцати, русоволосая, с высоким лбом и тонкими чертами бледного лица, холодную красоту которого ничуть не портили усталый взгляд и отсутствие макияжа.

Мы снова выпили, закусили, и тут хозяйка проговорила со странной задумчивостью во взгляде:

– Какой воспитанный и милый ребенок...

Потом достала из холодильника стаканчик мороженого и, протягивая его через стойку, добавила, повышая голос:

– Иди сюда, милая... возьми-ка вот, скушай.

Девочка обернулась на голос и слезла со стула. Глаза ее, большие, синие и серьезные, вопросительно обратились на мать.

– Вернись на место, – сказала спокойно женщина, и дочь послушно повиновалась. – И никогда ничего не смей брать у чужих. Если нужно, скажи – я куплю.

Девочка вздохнула и снова отвернулась к окну, подперла кулачком щеку. Но тут, задетая за живое, не выдержала, вмешалась хозяйка:

– Послушайте, ну зачем вы так... Я ведь от чистого сердца!

– От чистого сердца подайте нищим на паперти, – сказала женщина. – А мы как-нибудь обойдемся, правда, Настенька? – и она опять налила, выпила, а после закурила длинную сигарету и отерла ладонью лоб. Царегородцев налил в рюмки и наклонился ко мне.

– Совсем нехорошо, сейчас она станет пьяненькая, – заметил он тихо. – Я за малышку беспокоюсь. Все-таки ночь – всякое может случиться. Может, вызвать такси, проводить?

– Пожалуй. Только вот не знаю, согласится ли, ты же слышал, как она оттянула барменшу, – и я скосил глаза на хозяйку, с мрачным видом перетиравшую на разносе стаканы. Царегородцев поерзал на стуле.

– Ладно, попробую, – сказал он и тяжело поднялся, придерживая полы расстегнутого пальто, его породистое удлиненное лицо стало отечески строгим и озабоченным. Он решительно направился к женщине, выдвинул свободный стул и по-хозяйски уселся.

– Разрешите присесть, я всего на два слова, – сказал он с невозмутимым спокойствием.

Она выдохнула в потолок тонкую струю дыма.

– Вы и так уже сидите. Но бога ради. Что за проблемы?

– У нас все нормально, – сказал мой приятель. – А вот у вас, кажется, проблемы могут возникнуть. Поэтому мы предлагаем пустяковую услугу, если вы, конечно, не против.

– Да? Очень интересно. Продолжайте, я слушаю.

– Видите ли, уже довольно поздно. А путешествовать ночью в дождь с ребенком по пустынному городу было бы крайне опрометчиво. Будет правильнее, если мы проводим вас до места, можете на нас положиться. Мой друг, к слову сказать, человек порядочный, насколько это нынче возможно, более того, он писатель.

– Вот оно что. То-то я думаю, лицо знакомое. Должно быть видела на фотографии... Ну а вы кто, поэт?

– С чего вы взяли?

– Да бог его знает, говорите слишком складно.

– Польщен, но я не поэт.

– Тогда, кто вы, красавец? Может, художник? Или музыкант?

– Нет, я актер, – нахмурился Царегородцев. – Ну так что? Проводить вас домой?

– Ах да, домой. Что ж, большое спасибо, но вы напрасно беспокоились, мы живем в трех шагах. А впрочем, как хотите. Хотите выпить со мной?

– С удовольствием.

– Тогда налейте мне на палец... Благодарю. Закусывайте бутербродом.

Они разговаривали минут десять. А потом мы все вместе покинули бар, вывалились из его жаркого чрева на сквозящую сырость дождя и ветра, на блестящий лужами тротуар, у бетонных бордюров которого плавали мертвые черные листья. Иногда, ослепляя фарами, мимо проносились автомобили, и рев их моторов в дождливом мраке уснувшего города казался особенно злым и надрывным. Я взял Настю за руку, и она покорно засеменила рядом, временами оглядываясь на мать, занятую беседой с Царегородцевым. Один раз мы остановились перед большой лужей, я подхватил девочку на руки и, подняв над головой, стремительно перенес на твердое место. Мне показалось, она перестала дышать, а очутившись на ногах, еще постояла, зажмурился глаза и прижав кулачки к подбородку. Потом протянула мне руку, и мы весело продолжили путь.

– Похоже, ваш друг обожает детей. Он женат? – услышал я за спиной. Я оглянулся, они шли совсем близко.

– Кто, он? – ответил насмешливо Царегородцев. – Нет, не женат, он вообразил, что не создан для брака. Хотя, кто его знает, может, по-своему он и прав.

– Вот как? Интересно. И что значит – «по-своему прав»?

– То и значит... Понимаете, когда он пишет, а пишет он всегда и всюду, даже в постели с женщиной, живые люди интересуют его по большей

части в качестве сырья. Его реальный мир – это выдуманные им истории. Хорошо если в одной из них его гипотетическая жена займет строчку-другую перед тем, как он потеряет к ней интерес.

– С ума сойти. А на вид такой душка.

– Он и есть душка. Просто не хочет унижать женщину столь мрачной перспективой. Такой уж он человек.

– Ну а вы? Вы тоже разделяете взгляды вашего друга?

– Да теперь уж и сам не знаю. Я был женат трижды, но как выяснилось, всякий раз ошибался. Тут поневоле задумаешься.

– И ошибались, конечно, в женщинах?

– Ничего я не знаю. Я ведь актер, полжизни провел на сцене: чужие мысли, чужие чувства, поступки – и те не свои. Пойди теперь, разберись, какие из них настоящие.

– В таком случае, поздравляю – вы настоящий актер.

Тем временем, следуя указаниям Насти, я свернул в тоннель низкой арки между домами, и скоро мы оказались у одного из подъездов восьмиэтажного, величаво-мрачного здания времен сталинской гигантомании, освещенного по фасаду круглыми матовыми фонарями на бурых чугунных стойках.

– Ничего домик! – буркнул Царегородцев, входя последним в освещенный портик подъезда и опуская, встряхивая в сторону зонт.

– Да, квартира удобная, – сказала женщина. – Она мне от отца осталась, он уехал с мачехой в Гамбург, живут там уже три года.

– Я и не предполагал, что вы немка, – заметил Царегородцев, пытливо взглядываясь в ее лицо. Потом, спохватившись, обернулся ко мне. – Да, познакомься – это Мария.

Я представился и, пожимая ее холодную руку, сказал:

– Очень приятно. У вас очаровательная дочь. Только вот зачем так поздно водить ее в подобные заведения? Или не с кем оставить?

Пряча руки в карманы плаща, она посмотрела на девочку.

– Можно сказать и так. Впрочем, она привыкла поздно ложиться.

И добавила, остановив на мне озадаченный взгляд:

– А вам-то, собственно, какое до этого дело?

– Я же говорю, дочь у вас очаровательная. К тому же, вы меня заинтересовали. Удивительно, например, почему до сих пор вы не присоединились к родителям?

– Это долгий и скучный разговор, а нам пора, уже поздно.

– И все-таки? В двух словах...

– У дедушки мы были в прошлом году, но маме там не понравилось, – объяснила девочка. – Ведь правда же, мама? Скажи, а то он не верит.

– Забавно, – сказала она, не слушая дочь. – Неужели все писатели так бесцеремонны или мне одной повезло?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, вот то самое. Вашу невозмутимость, самоуверенный тон, невинные вопросы: не с кем оставить, почему не уехали, и прочее в том же роде. Но мне, слава Богу, кое-что уже рассказали о ваших профессиональных пристрастиях, поэтому я не в обиде.

Царегородцев закашлялся.

– Позвольте узнать, что именно?

– Что? Ну, например, что вы всегда и всюду пишете. Удивительно. Всегда и всюду. Даже в постели с женщиной. Прямо Хемингуэй какой-то...

– Вы мне льстите, Машенька.

– А вы не обольщайтесь. И не стоит интересоваться мной в качестве сырья для ваших произведений.

– Почему?

– Потому что материал неподходящий.

– Да вам-то откуда знать?

Она удивленно взглянула на меня.

– И простите меня за мой тон. У меня и в мыслях не было вас обидеть.

– Правда?

– Именно так. Будь у нас больше времени, вы бы поняли, что я не совсем то, что вы могли обо мне подумать.

Она наклонила голову к плечу и с минуту молчала, с насмешливым любопытством разглядывая меня. Потом пожала плечами и сказала, вынимая из кармана бумажник, доставая из него визитную карточку:

– Бог вас знает, кто вы такой... Но все равно. Вот, возьмите, это старая визитка отца. Позвоните как-нибудь, если не пропадет интерес.

И еще сказала, обращаясь к Царегородцеву:

– Ну, нам пора, спасибо, что проводили. Приятно иметь дело с порядочными людьми. Настя, а ты ничего не хочешь сказать?

Настя, смущенно стоявшая в сторонке, тотчас подошла ко мне и, подняв голову, с детской прямоотой заявила:

– Пока. Позвонить не забудешь?

– Постараюсь.

– Не передумаешь?

– Нет.

Она улыбнулась, и они ушли, а мы какое-то время еще стояли под дождем у подъезда и, задрвав голову, смотрели на мрачную громаду безмолвного дома. Но вот наверху одно за другим осветились три высоких окна, и Царегородцев сонно промолвил:

– Пятый этаж. Налево, – и затем ободрающе. – Все. Берем такси и едем ко мне, у меня зуб на зуб не попадает от этих пеших прогулок.

Возле арки я обернулся, еще раз посмотрел на темный силуэт здания, на три освещенных окна и тут же с фотографической точностью вообразил себе ее мягко освещенную спальню, да и саму ее, уже готовую лечь в постель в одной только черной сорочке, особенно ловкой в перехвате тонкой талии – вставшую одним коленом на край кровати и потянувшуюся вперед, чтобы откинуть с подушек белоснежное одеяло. И как только вообразил себе это – испытал легкий приступ волнения, того смутного волнения, что случается иногда в пору бабьего лета.

2

Через час мы были на месте, в Северо-Западном округе, в одном из тех относительно новых районов, архитектура которых вызывает у меня раздражение и невеселые мысли о перспективах клонирования. Когда Царегородцев открыл ключом дверь и мы оказались в прихожей, со стороны кухни к нам выбежала темноволосая, до пояса обнаженная девушка в шортах, с узким смуглым лицом, гибким телом и острыми грудями, похоже, всегда готовыми к бою.

– О, пардон! – прошептала она с улыбкой смущения, но с места, однако, не тронулась, дав мне возможность по достоинству оценить ее упругий живот и все остальное.

– Не нужно, Юля, – снимая пальто, сказал Царегородцев. – Не нужно позировать, он не художник. То есть он, конечно, художник, но только другого плана. Он художник пера.

– О, я догадываюсь, – сказала, кивая, Юля и прикрыла ладонями груди. – Но ведь это тоже очаровательно. Вы в какой манере работаете?

Пока я искал что ответить и смотрел в ее маслянисто-карие глаза, Царегородцев нетерпеливым движением ослабил галстук и, подмигнув мне, внушительно заявил:

– Он работает в манере Кортасара, но это не может быть тебе интересно. Иди оденься и для начала принеси коньяку, сырость на дворе прямо окаянная.

– Почему он так груб со мной? – обратилась она ко мне, и глаза ее, полуприкрытые смуглыми веками, затуманились. – Он всегда причиняет мне боль, всегда! Правда, я не злопамятна. А этот, как его... он испанец?

– Да, некоторым образом, – ответил я без улыбки, вполне ей сочувствуя при одной только мысли о театральных массовках, где, вероятно, пройдет ее молодость.

Должен признаться, у Царегородцева я задержался, уступил его настойчивой просьбе «надраться» и, к стыду своему, уступал еще пару дней, пока не почувствовал, что тело мое деревенеет, а желудок рискует расплавиться. От этих дней в памяти осталось: широкий низкий диван, желтый сумрак гостиной с открытым окном, куда входит влажный осенний ветер, полированный стол, похожий на витрину винного магазина, а у стола трагически рыдающая Юля с наброшенным на плечи белым платком. И рядом вдребезги пьяный, страшно бледный Царегородцев, тупо требующий от нее «не заламывать в этом акте руки».

Домой я вернулся в такую же сырую полночь, в полуобморочном состоянии забрался в ванну и открыл горячую воду, мечтая умереть или выжить. Через час, закутавшись в халат, выпив чашку бульона и полстакана водки, я сидел в кресле, перелистывал книгу романов Фриша и воскрешал в памяти сонную тишину частного бара, влажные глаза хмелеющей женщины, ее красивый рот и спокойный голос, чем-то меня взволновавший в тот вечер. Мария... И я вдруг испытал столь острое желание позвонить ей немедленно, что тут же поднялся, вышел в прихожую и достал из кармана визитку, внимательно изучил ее. Вернувшись в кресло, бросил взгляд на часы (без четверти три), и сразу остыл, с тупой покорностью вложил карточку в книгу и закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Как странно, ее отцом был доктор Потоцкий, известный нейрохирург, несколько лет назад уехавший в Германию, чем в свое время не замедлила воспользоваться местная пресса, утверждая, что причиной послужил некий скандал, связанный с его профессиональной деятельностью. Все это я хорошо помнил. Как сообщал один уважаемый еженедельник, волну подняли менее удачливые конкуренты – они с методичностью опытных анонимов докладывали, куда нужно, вплоть до бульварных газет о том, что за большие деньги хирург делает сложнейшие операции, используя в своих целях препараты и технику государственной клиники, где он и работал. Те больные, по причине безнадежности отправленные домой умирать, а впоследствии воскресшие благодаря Потоцкому, ничего не подтвердили, но прецедент все-таки место имел. После недолгих переговоров с богатыми и деловыми немцами, он принял предложение одной из клиник Гамбурга, где и стал, по словам того же еженедельника, ведущим в своей области специалистом. Да, все так. Но Мария... Что удерживало ее в России?

Задремал я только под утро и дремал бы, вероятно, порядочно, но в девять часов так неожиданно и резко прозвонил телефон, что от ужаса я едва не вывалился из кресла. Звонил Царегородцев, сетовал на мое исчезновение, из-за чего, по его выражению, он чуть голову не сломал, ища объяснение столь необдуманному поступку. Под конец озабоченно поинтересовался:

– А чего это у тебя голос такой убитый? Все грустишь о своей зеленоглазой немке?

– Она не немка. И откуда ты взял, что я грущу о ней?

– Да ладно тебе. Позавчера всю ночь втолковывал мне, какая она необычная, да какая несчастная... Ты что, не помнишь? Я уж было совсем собрался съездить за ней – да, слава Богу, Юля остановила. А если бы не остановила?

– Хорошо бы ты был.

– Вот-вот. Пора бы уж знать тебя, так нет, опять развесил уши.

– Это точно.

– Послушай, я в творческом запое ушел на больничный. Ты сейчас давай отсыпайся, а вечером приезжай ко мне, будет уха, ну и по рюмочке «Посольской», если желаешь.

– Хорошо, приеду, – сказал я не очень уверенно. – Но пить не буду, от одной мысли с души воротит. Кстати, как там здоровье у Юли?

– Плохо, брат. Пластом лежит «безгласна и виду неимуща». Я и уборкой один занимаюсь. Зря мы ее напоили, она ведь в крепких напитках мало что понимает.

Попрощавшись с Царегородцевым, я поднялся из кресла, закурил и подошел к окну, раздернул шторы. Дождь давно кончился, тротуары подсохли, и на голубом небе, уже по-зимнему блеклом, фосфорически тускло пылало невысокое холодное солнце. А ветер сменился, он дул теперь с севера – то гнул верхушки голых деревьев, обрывая с них последние листья, то кидался вниз и кружил меж домов, растаскивая по асфальту обрывки мокрых газет, обносил порывистой зыбью блестящие оловом лужи. И одиноко, бесприютно на холодном ветру, на самой вершине тополя против окна моталась из стороны в сторону серая ворона, поминутно распуская взъерошенные крылья, и сиротливо и даже как будто растеряно каркала... Я постоял, покурил. Затем сварил себе кофе, попутно размышляя над словами Царегородцева, и решил, что пил я в тот вечер, смешивая все подряд, потому и отшибло память. После чашки горячего кофе с сигаретой я улегся в постель и долго лежал с открытыми глазами, пристально смотрел в потолок. И, наконец, уснул и проспал без сновидений до самого вечера. И пока приводил себя в порядок, брился, мылся и одевался, город совсем погрузился в сумерки – только на западе, там, где пропало за крышами солнце, все еще стоял янтарный полусвет, а небо над ним было прозрачно-го, зеленоватого тона. Закурив, я прошелся по комнате, пробуя на ощупь выбритый подбородок, подошел к настенному зеркалу, оглядел себя в нем. Все вроде бы скромно, ладно – темная рубашка, темный пиджак, волосы причесаны и влажно блестят. Вот только лицо, несмотря на бритву и контрастный душ, уже не так свежо и молодо, как хотелось бы. Впрочем, это-то вместе с синими глазами и некоторой сухостью черт, смотрелось еще подходяще, даже на мой придирчивый взгляд. Удовлетворенный, я одернул пиджак и направился к столу, сняв телефонную трубку, набрал по памяти номер. После пятого гудка ровный женский голос ответил:

– Я слушаю – говорите.

Я бодро отрекомендовался:

– Добрый вечер, это Хемингуэй.

– Что?

– Добрый вечер, Мария.

– О господи, это вы. Вы откуда звоните?

– Из лачуги своей, разумеется. Имею смелость пригласить вас поужинать.

– Что, прямо сейчас?

– Так точно. Царегородцев обещал уху, быть просил непременно.

Она помолчала.

– Уху. Уху я люблю, но, к сожалению... к сожалению, это невозможно.

Вы же знаете, у меня ребенок.

– Мы могли бы взять Настю с собой.

– Нет, дорогой мой, по гостям я ее не вожу. То, что вы видели – ну, то, что она была тогда ночью со мной... В общем, на то были свои причины.

– Понятно. Ну, что ж, очень жаль. Может, как-нибудь в другой раз.

– Подождите-ка. Послушайте, а ваш Царегородцев сильно расстроится, если вы не придете?

– Да нет, не думаю – он там с дамой. А почему вы спрашиваете?

– Если у вас кроме Царегородцева ничего не предвидится, приезжайте ко мне. Правда, рыбы нет, но закусить я что-нибудь приготовлю.

– Отлично.

– И прихватите, если у вас есть деньги, что-нибудь выпить покрепче. Девятая квартира – не забудете?

– Не беспокойтесь, выезжаю через пять минут.

А спустя полчаса я выходил из лифта в освещенном холле пятого этажа, где было всего две квартиры с красной ковровой дорожкой между ними, посередине изрядно вытертой. Она ждала меня, стоя на пороге, левой рукой взявшись за ручку открытой двери, а правую опустив вдоль тела, выставив правое колено вперед. На ней были домашние брюки без стрелок и широкий кремовый свитер с круглым воротом и поднятыми до локтя рукавами. Я остановился, и мы молча уставились друг на друга. Она – выжидательно. Я – приятно опешив – так хороша она мне показалась в своем скромном наряде, с гладко причесанными волосами, с той особой женственной стройностью тела, которую не спрячешь ни под какими одеждами.

– Ну, что же вы встали, входите, – сказала она, смутившись, и забрала у меня кейс, где находился мой «джентльменский» набор – коньяк, водка и пунцовая роза в фольге, купленная в цветочном ларьке у пожилого восточного человека с чугунным носом и белым каракулем на висках. Я кивнул и послушно вошел вслед за ней в прихожую, где всю правую стену занимали черные раздвижные шкафы, а у входа в зал стояло старинное зеркало в массивной черной раме, крепившейся на черном подзеркальнике в виде низкой тумбы с короткими гнутыми ножками. Поставив кейс на подзеркальник, она ловко помогла мне снять плащ, повесила его в один из шкафов и, поймав меня за руку, увлекла через сумрачный зал в угловую комнату с двустворчатыми дверями, в прошлом, очевидно, служившую кабинетом: массивный рабочий стол у окна, кожаный черный диван, вдоль стен высокие книжные стеллажи. Еще там была пара глубоких кресел, дорогой, но старый ковер на полу и настольная лампа под зеленым абажуром, стоявшая на журнальном столе.

– Поставьте стол к дивану и располагайтесь, полистайте что-нибудь, пока я хожу на кухню, – сказала она, уходя.

– Не забудьте про кейс, там заказ, – сказал я ей в спину.

Она ушла, но скоро вернулась с тонкой фарфоровой вазой, в которой покачивалась на стебле бархатисто пунцовая роза.

– Спасибо, – сказала она и поставила вазу на столик. – Разве я тоже ее заказывала?

– Нет, но я слышал, что женщины любят цветы.

– Это правда, – сказала она, вздохнув, и коснулась ладонью цветка. Потом сходила на кухню, принесла сервированный поднос, и через пару минут мы, не чокаясь, выпили, налили и выпили снова.

– Хорошая водка, – сказала она удовлетворенно. – Вы молодец, взяли именно то, что нужно.

– Нехитрое дело. Просто видел, какую вы заказали в баре, вот и взял ту же самую. Кстати, а где же ваш милый ребенок?

– Спит, я уложила ее пораньше. Как-то все неожиданно. И вообще неловко – вы понимаете?

Поскольку столик был мал, мы сидели, почти касаясь друг друга, и чтобы лучше видеть меня, она отодвинулась и села боком, положив ногу на ногу, а левую руку на отвал дивана.

– Тут у вас среди книг много медицинской литературы. Почему ваш отец не забрал ее в Гамбург?

Она закурила и тоже посмотрела на книги.

– Здесь есть и мои книги, я ведь тоже по образованию врач. Правда, теперь уже бывший, три года как не работаю.

– Хм. А на что вы живете?

– Что?

– Извините, любопытство меня доконает.

– Извиняю. Деньги не проблема, их посылает отец. Для него это не очень накладно, а для нас даже больше, чем нужно. Хотя больше никогда не бывает... Но давайте выпьем, – ввернула она и решительно взяла со стола наполненную рюмку, легонько стукнула о рюмку мою. Мы выпили, она затянулась и замолчала, сосредоточенно рассматривая сигарету. Через минуту подняла на меня глаза и спокойно спросила:

– Я вам нравлюсь?

– Конечно.

– Кажется, вы мне тоже.

Она смотрела мне прямо в глаза. И от этого взгляда в горле у меня пересохло.

– Садитесь ближе.

Я пересел. Она улыбнулась, коснулась прохладными пальцами моих щек и подарила мне тот легкий теплый поцелуй в губы, от которого, как писали когда-то, я тотчас сомлел. Затем отстранилась, взъерошив мне челку.

– Поедем к тебе ненадолго? Хочу посмотреть, как ты живешь.

– Что ж, если ты хочешь... Но, может быть, позже?

– Я здесь не могу. Потом расскажу почему.

И тут, где-то в глубине комнат что-то упало, зазвенело, послышался приглушенный неразборчивый голос. От неожиданности я вздрогнул, а она неспешно поднялась и произнесла ровным голосом:

– А вот и начало моего рассказа...

Она взяла тонкий стакан, наполнила его водкой и ушла, плотно прикрыв за собой двери. Я тоже налил в стакан изрядную дозу и выпил одним глотком.

– Кто это? – спросил я, когда она вернулась.

Она села рядом, сложила на коленях руки и ответила с мрачным спокойствием:

– Кто? Это мой муж. Инвалид, негодяй и пьяница.

– Ты права – одевайся, едем ко мне.

– Нет, милый, вечер любви отменяется. У меня все желание пропало. Тем более Настя проснулась.

Я погладил ее по голове, вид у нее был неважный.

– Причем тут вечер любви? Давай-ка рассказывай, что происходит. Что у вас мужем?

Она невесело усмехнулась.

– Как у всех когда-то – любовь. А три года назад перевернулся на машине с любовницей. Вскоре после отъезда отца. Паралич. С тех пор выполняю свои врачебные обязанности – ворочаю его с места на место, меняю пеленки и водкой пою.

– И сама за компанию причащаешься.

– Знаю. Но так как-то легче.

– А что, родных у него нет?

– Была мать, да только умерла лет пять назад. Есть еще сестра, но у нее семья. Кому он нужен?

– Он ведь тебя благодарить должен за то, что ты для него делаешь.

– Он и благодарит. Уличной девкой, например, называет. Сейчас у меня много разных имен. Называет и заглядывает в глаза, улыбается, черт бы его побрал! Как будто это я виновата в том, что он перестал быть мужчиной. Впрочем, на него грех обижаться, это типичная реакция калеки.

– В таком случае, сдай его в богадельню, – предложил я грубо.

– Что ты, не могу – я же врач. Знаю, что такое эти дома инвалидов.

– И как же ты жила эти годы?

– Так и жила.

– Но ведь не могла ты быть все это время одна?

– Значит, могла. То есть, нет, конечно – пыталась несколько раз изменить положение. Не получилось. Я почему-то невольно все время сравнивала этих мужчин с мужем, и что совсем ненормально, стала находить между ними немало общего.

– Тогда зачем ты дала мне визитку?

– Черт, да откуда я знаю? Когда ты сегодня позвонил, я вообще потерялась, как девочка. Давай-ка выпьем еще, налей мне, пожалуйста.

– А с кем он оставался, когда вы уезжали к отцу?

– Господи, ты ходячий вопросник. Наняла сиделку, одну знакомую медсестру. Потом она призналась: если бы не наше знакомство, ушла бы на следующий день, так достал он ее своими мерзкими выходками.

– Какими выходками?

– Нет, ты невыносим. Пойду, приготовлю кофе, – и она поднялась, но я остановил ее, силой усадив к себе на колени. Она вздохнула, погладила меня по щеке и сказала:

– Ну и черт с ним – помоги мне раздеться.

3

Она стала приезжать ко мне. Приезжала обычно по вечерам, часа на три-четыре, и не было никакой возможности оставить ее до утра.

– Что ты, не могу, – сказала она как-то на мою просьбу остаться, – он хоть и калека, но в пьяном виде может перепутать ее до смерти, – и, подумав, спокойно добавила. – Если он что-нибудь сделает с ней, я отравлю его, не задумываясь.

Выпивать она стала реже.

– Ты не беспокойся, – говорила она после двух рюмок коньяку, садясь ко мне на колени. – Я вполне себя контролирую. Просто раньше я выпивала с горя, а теперь... Чувствуешь разницу? – и, смеясь, прижималась ко мне и гладила меня по щеке. Иногда, лежа в кровати и глядя в окно, она о чем-то задумывалась, и если я тревожил ее, переводила взгляд на меня и говорила что-нибудь примерно такое:

– А если бы в тот вечер ты не встретил Царегородцева? Неужели мы тоже не встретились бы? Раньше я даже думать об этом боялась. А теперь нет. Я верю, что для нашей встречи было предназначение. А ты?

Я садился рядом, целовал ее глаза, целовал теплые, удивительные своим вкусом губы и отвечал:

– Ты права, мы бы все равно когда-нибудь встретились. На улице, в трамвае, на прогулочном катере – для меня это ясно, как Божий день.

Однажды она неожиданно позвонила мне до обеда, чего обычно не делала. Мы расстались с ней поздно вечером. Я отвез ее домой и, вернувшись, заснул только под утро – просматривал свою переписку с В. Астафьевым, кое-что отобрал для газеты, готовившей материал на смерть этого достойного человека. Сонный, я прижал трубку к уху и услышал в ней характерный шум города: приглушенные звуки автомобильных сигналов, чьи-то отдаленные голоса.

– Если ты спишь, – сказала она вместо приветствия. – А я думаю, что это так, то встань и подойди к окну, посмотри какая чудесная погода. Просто чудо какое-то. Ночью выпал снег, а сейчас мороз и солнышко. Мы с Настей ходили за билетами в цирк, теперь гуляем в Монастырском саду, у самой площади. Не хочешь нас повидать?

Прогоняя сон, я потряс головой.

– Я-то хочу. А вот Настя. Она еще не забыла меня?

Она рассмеялась.

– Успокойся, тебя забыть нелегко. Заодно можно перекусить где-нибудь, например, в том баре, помнишь? У меня к нему особое чувство. А у тебя?

– Отлично. Ждите в баре, иду одеваться.

Когда я вошел в зал, они сидели за столиком в самом углу, друг против друга, пили кофе и закусывали бутербродами. Хозяйка тоже была на месте – обслуживала у стойки клиента, с тихой улыбкой поглядывая на них, еще более располневшая и медлительная.

– Привет, – сказала она, едва я уселся, – ты знаешь, она сразу узнала нас, а ведь прошло столько времени, так что пришлось извиниться за ту мою выходку. Поболтали немного. Скоро родит, это будет третий ребенок. Сильная женщина, просто удивляюсь таким. Я бы, например, ни за что не решилась... – и она задумчиво прищурила на меня глаза. – А ты как думаешь, не поздно мне подарить Насте братика?

Ее серебристая лисья шубка была распахнута, темный шарф лежал на плечах. И у меня сердце сжалось от любви к этой женщине с алыми прозрачными пятнами на щеках, с русыми волосами, упавшими на высокий лоб, и зелеными прищуренными глазами, задумчиво глядевшими на меня и, как мне казалось, совсем не требующими ответа.

– Конечно, не поздно, – неожиданно заявила Настя и в наступившей тишине совсем не по-детски вздохнула. Потом сняла с головы лебяжью шапочку, из-под которой волной скатились золотистые кудри, взрослым движением откинула их на плечо и добавила, исподлобья оглядев нас обоих. – Раз вы теперь любовники...

– Ну, как тебе этот милый ребенок? – сказала она с непонятной усмешкой и прикурила от зажигалки. – Может, сделаем ей подарок?

Голова у меня пошла кругом – я терялся в догадках.

– Ты... Ты не шутишь?

Она смотрела на меня, не мигая.

– А что?

– Нет, ты это серьезно?

– Ладно, я пошутила. Но мне всегда хотелось иметь сына. Представляешь, как это было бы здорово. Иногда я даже воображаю его себе – таким славным, внимательным...

– И с такими же синими глазами, как у него? – безучастно вставила Настя, продолжая исподлобья глядеть на меня.

– Что это с тобой сегодня? – сказала Маша и наклонилась к ней, облокотившись на стол.

– Почему ты не позвонил? – едва слышно спросила Настя, и ее пушистые ресницы затрепетали. – Ты же мне обещал. Я ждала, ждала.

– Господи, девочка! – воскликнула Маша, взяв ее за руки. – Он звонил, это я виновата. Что же ты, милая, ни разу не спросила меня о нем?

Тут Настя отвела от меня глаза и застенчиво прошептала:

– Я подумала, может он сам вспомнит. Правду ты говорила, что все мужчины одинаковы и заняты только собой...

Как-то в конце зимы мы побывали у Царегородцева, закатились к нему уже ночью, осыпанные искрящимся снегом, и он только глаза расширил от радостного изумления, когда она встала на цыпочки и, смеясь, стала целовать его в щеки, а потом ласково прильнула к нему.

– Царегородцев, милый, если бы ты знал, как я люблю тебя за то, что ты шлялся в ту ночь под дождем. Царегородцев, где твоя женщина? Ах, вот вы где. Дайте я поцелую вас, милая.

И Юля, на которой из одежды была только рубашка Царегородцева, с умирающими глазами подставила щеку и, глядя морозный мех ее шубки, восторженно прошептала:

– А вы Маша? Вы и есть та самая Маша? О боже, как это все романтично...

В ту ночь она впервые осталась у меня до утра.

4

Сейчас, когда я приблизился к финальной части рассказа и восстанавливаю в памяти события того февральского дня, у меня снова начинают дрожать руки, и чтобы унять эту дрожь, я выпиваю рюмку водки, подхожу к окну и закуриваю сигарету. Сейчас тоже февраль и тоже падает снег – он падает отвесно и медленно, так медленно, будто собирается совсем остановиться, и постепенно я успокаиваюсь, возвращаюсь к столу...

Почему она осталась в ту ночь у меня? Трудно сказать. Утром я повез ее на такси домой, и попали мы как раз на пепелище. Пожарные орудовали внутри дома, а из трех выбитых окон пятого этажа, что выходили на фасад, все еще валил дым. У подъезда плакала пожилая женщина, рядом стояли двое пожарных и милиционер без шапки, а на углу машина скорой помощи. Мы выскочили из машины одновременно с двух сторон. Сбив с ног одного пожарного, она бросилась в подъезд, но милиционер успел обхватить ее сзади и приподнял, пытаясь прижать к стене. Она закричала, лицо ее стало страшным. Подоспевшие врачи быстро вкололи ей что-то, под руки усадили в машину и увезли. Все это произошло так стремительно, что я даже опомниться не успел.

Позже я узнал: причиной оказался пьяный отец – то ли уронил зажженную спичку, то ли бросил тлеющий окурок на ковер у кровати. Он и погиб первый. А Настя, вероятно, была жива до последних минут, но пожарные не успели – она надыхалась угарного газа и умерла, находясь в своей комнате под кроватью. Там и нашли ее вместе с плюшевым медвежонком, которого она обнимала за шею.

Доктор Потоцкий прилетел на следующий день и сразу после похорон увез Машу в Гамбург, мне она даже не позвонила. Да и зачем? Как тут ни суди, а во всем виноват был я. Ведь если бы не тот злополучный вечер, когда мы встретились с Царегородцевым, ничего бы этого не случилось.

– Случайных встреч не бывает, – сказала однажды она. – Для нашей встречи было предначертание. Я верю в это. А ты?

– Чье предначертание, Маша? Чье?

Прошло чуть более полугода. Я жил, как во сне, с тошнотворным чувством вины, медленно спиваясь и падая все ниже и ниже. И напрасно Царегородцев вместе с доброй Юлей всячески пытались образумить меня. Жизнь потеряла смысл и не вызывала во мне ничего, кроме тяжелой усталости.

Однажды осенним вечером раздался телефонный звонок. Пьяный от бессонницы, я снял трубку, спросил «какого черта?» – и мне тихо ответили:

– Добрый вечер, Хемингуэй. Не хочешь взглянуть на сына?

Виталий ОГОРОДНИКОВ

НАДЫМСКИЕ ДИСКОВОЛЫ

У всех имена как имена: Эдик, Рашид, Димка, Андрей Сергеевич, и только у меня...

– Хитрый глаз, подай термос, – обратился ко мне Дима и, улыбнувшись, добавил:

– Пожалуйста, – я в который раз задумался:

«Неужели так удобно выговаривать этот их «Хитрый глаз», ведь имя моё гораздо короче и в произношении легче. Зачем так усложнять? Мы даже Андрея Сергеевича зовём просто Сергеич, а тут...»

– Хитрый глаз, ну, пожалуйста, – рука моя привычно потянулась в тёмный угол, откуда с китайского термоса на неё дохнул огнедышащий дракон, обрамлённый изрядно потёртыми иероглифами. Я подал Диме термос:

– Остыл, наверно?

– Спасибо, – ответил Дима и хотел добавить – Хитрый глаз, а сказал: – Нет, тёпленький ещё!

Так начинался этот обычный рабочий день. День, похожий на все остальные. На Севере у вахтовика всё сплошные будни, праздников нет. Работа, работа... и работа эта сродни подвигу. Геологи и геодезисты попадают частенько в Богом забытые уголки, а там надейся только на себя. Стояли мы тогда между Салехардом и Надымом. Места необжитые – тундра голима на многие десятки и сотни вёрст. Пустыня, снежней не бывает, из растительности – берёза карликовая и та в основном в поймах рек, речушек да ручейков. Доводилось нам встречаться с чудо-ручейками. Представьте себе, мороз под сорок, а ручеек течет и замерзнуть не думает, словно нет для него зимы лютой. Ручейки такие здесь живунами зовут.

Геодезисты и геологи всегда вместе – от одного корня пошли. Гео – «земля» по-гречески. Земля – наша матушка – и кормит, и поит. Мы же, детушки её, с ней не всегда ласковы бываем, в недра заглядываем, где-то и копьём – всё бурим, всё ищем. Не церемонимся с нею, жалеем потом. Себе говорим, мол, изучаем мы её так, на этом и успокаиваемся. В этот зимник мы песок искали. Разведка нерудных полезных ископаемых – вот наша задача. Вроде бы всего-то песок, а ведь без него ни нефти, ни газа не добыть. Промысла без него и быть не может. На Севере всё на песке держится. За нами придёт сюда техника и гидронамывом начнёт качать песок под буровые вышки, кусты... Вот тут-то и пойдёт добыча. Тундра сильно страдает от этих искусственных пустынь, но что поделаешь – стране нужны и нефть, и газ. В них сила и мощь, которую скопили они за многие тысячелетия, под землёй отдыхая.

Живём мы на колёсах в кунге. Это уютная будка на трёхосном камазе. Она похожа на кусочек плацкартного вагона, где каждый сам себе проводник. Проводников здесь пятеро. Пятый, правда, на раскладушке спит – это кровать, похожая на гоночный велосипед, с собой постоянно её возим. Пятый укладывается последним, когда четверо уже начинают всматриваться в цветные, как северное сияние, сны. У нас всё отработано – не первый зимник так мотаемся.

Зимник – это даже не слово, а целое понятие, причём понятие универсальное и в зависимости от интонации, с которой его произносит вахтовик,

может значить многое! Зимник – это и дорога зимняя из уплотнённого снега и льда, зимник – это и календарь от октября до марта, зимник – это и командировка наша, Зимник – это и собака у егеря под Надымом. Огромная чёрная лайка.

– Назовут же, – сказал про неё Дима, когда мы гостили у её гостеприимного хозяина Никанорыча. В общем, зимник это всё! А день-то этот давно уж начался.

– Так, мужики, сегодня разделимся, – командовал у нас Эдик.

– Всю ночь думал, – хихикнул Коля, Эдик спокойно продолжал.

– Вчера всей кучей ездили, и что? Мы с Хитрым глазом двинем вверх на Бронто, – Рашид понимающе кивнул – он и был водителем колёсного вездехода.

– Забурился, пробы возьмём, вчерашние скважины подсмотрим, а вы, – продолжил он, обращаясь к Сергеичу, – ежайте вниз по течению, далёко от поймы не лезьте, у берегов осторожнее, не мне вам объяснять, сколько успеете, пробурите – темнеет рано. По пути можете... а хотя ладно, это и не по пути вам. Погодка сегодня, как по заказу, – показал он на подёрнутое инеем окно нашего плацкарта. – На нас работает.

– Эдик, минус сорок три – это погода по заказу?

– Где я тебе плюс тут возьму? – он встал со своего места и уже решительнее добавил. – Планёрка закончена. Расселись! Вперёд.

Эдик у нас эрудит во всех вопросах. А что касается геологии, так насквозь землю видит. Похоже, родился уже геологом. Он по одной травинке, сиротливо торчащей из снега, может вам сказать, стоит здесь искать песок или дальше поехали.

Работа наша начинается сразу за дверью кунга. Вышел – и ты уже на работе. А за дверью тундра во всей её красе. По-моему, ненцы первые додумались, что Земля круглая, ведь только здесь это очевидно без всяких приборов. Надо просто встать спокойно и не спеша поворачиваться на все 360 градусов и тогда видишь только горизонт – ни деревца, ни построек и горизонт-то дуга – он выше в центре и ниже по краям. Я Диму пробовал в этом убеждать:

– Нет, правда, Дим, смотри, – говорил я ему, а что в ответ?

– Хитрый глаз – он и в тундре хитрый глаз, – хотя сам он часто это проверял. Встанет на месте и крутится.

Мы двинулись в тот день на Бронто. Это вездеход на огромных колёсах. Колёса где-то по грудь человеку среднего роста – по фанере, как Коля однажды сказал. Дима пренебрежительно относился к Бронто, как к чему-то среднего рода. Когда он впервые знакомился с вездеходом, попинал его колёса как то недоверчиво, дескать, выдержат ли?

– Назовут же! Бронто для понта, – и улыбнулся, открыв в себе поэта. Не любит он всякой иностранщины.

– То ли дело КамАЗ! Нива! Жигуль! Москвич! Всё понимаю, а тут Бронто какое-то. Бронто для понта, как понять?

На газушку у него было больше надежды, тем более там и автономка стояла – печка такая. Это означает, что не всегда надо к кунгу подтягиваться, в газушке спится не хуже. Хотя тесновато, конечно. Все движения там отработаны – ничего лишнего. Руками не размахивайте, головой ни обо что не стучайтесь. Отработали мы в тот день ударно, все, что Эдик планировал, сделали. Только на обратном пути провалились в небольшой речушке, льдины встали на дыбы и ни туда, ни сюда. Здесь-то и испытываются сила, выносливость и всё остальное – и техники, и водителя.

Рашид спокоен, это уже отлично, машину не рвёт, на малых оборотах раскачать пытается. Колёса крутятся, льдины, как стёклышки в калейдоскопе, перекальваются, а выбраться не можем. Берег-то не такой уж крутой. Дело к вечеру, холодает, от минус сорока вниз поползло. Не порвать бы резину или полуоси.

– Рашид, погоди пока газовать, – Эдик надел лыжи и к берегу направился. У нас лыжи охотничьи само собой – широкие. Обернувшись, мне крикнул:

– Если махну, бери трос и ко мне двигай.

Ходил он, ходил, остановился, снял одну лыжину и, как снеговой лопатой, давай ею окапываться, стоя на другой лыжине. Снег в разные стороны летит, самого Эдика и не видно. Закончил и мне лыжиной, где «Волжск» написано, машет:

– Сюда!

Не впервой мне себя репинским бурлаком представлять. Знаю я эту картину. В Русском музее подолгу стою у неё. А вот и сам, подпоясавшись тросом лебёдки, тащусь к Эдику, а представляю себя с кистью за мольбертом. Изыскатель и в тундре найдёт точку опоры! Без лыж даже по Эдикову следу идти было тяжело. Пока преодолел какие-то двадцать метров, употел слегка. Смотрю – ну, точно – кочка.

– Да, кочка, – сказал Эдик. – Тут болотина.

Руками, ногами, лыжами мы докопались до основания этой кочки – спасения нашего, обернули вокруг неё трос. Рашид ещё и заскучать не успел. Эдик крикнул ему:

– Давай потихоньку.

Над Бронто пыхнуло тёмное облачко, и трос начал натягиваться. Все суставы и сцепки Бронто заскрипели, трос запищал жалобно, а кочка начала сдаваться и скручиваться. Когда трос сменил тональность и начал подвывать в фа-диез третьей октавы, я затаил дыхание, будто это могло чем-то помочь. Хоть бы не выскочила эта чёрненькая клавиша из клавиатуры, белой, как тундра.

– Выдержит, – спокойно сказал Эдик. Кочка изо всех сил вцепилась в мёрзлый грунт, вся уже выдохлась почти, но на том конце троса машина качнулась, подбрасывая в небо облачка дыма. Трос ослаб и утонул в снегу,

– А славно пел, – подумал я.

В Бронто все болты, гайки, трубки, кнопки, резинки, шестерёнки работали дружно. Рашид улыбался, как пряник, дескать, как я!

– Подгазовал, где надо, сложный ручеёк попался.

Чем-то он напомнил мне Челубея, а чем не могу понять, я ведь никогда не видел Челубея.

– Ты что, Хитрый глаз? – спросил Рашид, видимо, услышав мой немой вопрос.

– Отличная работа, Рашид, – сказал я, усаживаясь. – Поехали чай пить.

В Бронто вовсе не шумно, и мы болтали обо всём подряд.

– Рашид, а где этот Волжск, по-твоему, находится?

– Волжск не иначе как на Волге должен быть, Хитрый глаз.

– Я так же думаю. Просто на наших лыжах «Волжск» написано.

– Я лыжи не читаю.

– Он только термоса читает, – включился в разговор Эдик.

И точно, частенько мы заставляли его за изучением иероглифов на нашем термосе. Всякий раз хохочем над ним:

- Рашид, вслух читай.
- Тс! Человек китайский изучает – не мешай.
- Опять иероглифов начитался?

И всё в таком духе.

А он не обижается, читает себе, может, и впрямь понимает. В газушке так не поговоришь – лязг гусениц только и слышно. Я свою мысль продолжаю:

- Волжск на Волге и бурлаки там же, а мы вот здесь.

Ох, уж этот Север. Набегаешься за день на лыжах, а где-то и без них по морозу. Борода колом, не борода – айсберг. Но зато есть вечера в кунге, где тепло, светло и мухи не кусают. Мухи-то здесь только белые – не кусачие.

Мы все знаем, что наступит день, когда этот кунг – дом родной – понесёт нас к родному дому. Всех нас, всю нашу утварь – пробы, изношенные шинки, ключи, запчасти, железяки и масла. И всё это подпрыгивает на каждой кочке, но тут же снова находит своё место. Я уж, кажется, вижу, как обшивка в заклёпках пробивает буран и выскальзывает из объятий тундры, оставляя на зимнике за собой снежный вихрь.

А вот и вечер того дня. Мы все в сборе на зимнике, попиваем цейлонский чаёк, печка, как всегда, рокочет о своём, а мы обмениваемся новостями. У газушки тоже не обошлось без приключений. Дима всего-то на секундочку выскочил из газушки чайник снегом набить. С водой здесь сушая беда, снег надёжнее всего, когда живунов нет. Стоит он в трико да шапке набекрень, трамбует снег в потрескавшемся эмалированном чайнике своей могучей пятернёй. И тут каким-то особым чутьём улавливает – что-то не то в поведении газушки. Дымок из выхлопной трубы напряжился струйкой и стоит на месте, а газушка, качнувшись, оторвалась от него, оставляя за собой два зубастых следа. Дима благим матом орёт:

- Стой! Стой!

Когда он третий раз крикнул, Коля в газушке только поправил наушники и снова опустил свои огромные руки на рычаги.

– Стой! – фальцетом кричит Дима, но газушка взревела, и он не услышал своего голоса. Вперёд двинулся и в снег тут же провалился. Что делать? Вопрос вопросов. Что?! И тут Дима, собрав все силы, размахивается и швыряет чайник вслед рокочущему набору железяк, которым управляет человек в кожаной куртке, лоснящейся на могучих плечах. Летит чайник, летят снежинки в нём, тесно прижавшись друг к дружке, а Дима падает в снег, но всё же успеваает увидеть – попал!

Тут Коля продолжает свой рассказ:

– Еду, еду, движок как часики работает, и вдруг в этих часиках – бах. Что за дела, думаю. Остановился, выглядываю, а Димыч в снегу барахтается, шапку ищет. Нашёл, нахлобучил, бежать пытается. Какое там бежать – снегу по пояс. Я ему – Дима, Дима, – а он с кулаками – голос-то сорвал. Я ведь и не видел, что он выпрыгнул, – оправдывается Коля. Да, водичка тут дорогая. А бразильский кофе на сосульках разве забудешь?

- Ты что замолк, Колюня?

– Я-то не видел, что он выпрыгнул. А кулачища-то! Кулачища! Ты бы только видел эти кулачища, – продолжал Коля взволнованно. Дима подмигнул мне. У Димы руки, ну и кулачища, наверное, были золотые и железные одновременно. Бывают же такие сплавы. Технику он знает от и до, ремонтирует всегда сам. А техника ему, да и нам – дом родной.

Эти руки золотые всё исправят, всё починят. Словом, такими руками гайки без ключей затягивать можно. Дима – трудяга, тоже свой на Севере, работает всегда с задором.

Пока я размышлял о руках человеческих, Коля, у которого руки столь же мощные, продолжал, сбиваясь и начиная всё заново.

– У него удар, знаешь какой? – я не знал, честно говоря, и благо, а Коля, похоже, имел это «удовольствие».

– Если вдарит по фанере – мало не покажется.

– По фанере?

– Да, ты правильно понял, по фанере, – он легонько постукал себя кулаком по груди, и кунг наполнился звуком отнюдь не наковальным.

Дима улыбнулся, а сам носок о носок потирает. Носки-то на нём из собачьей шерсти.

– Это он так электричество вырабатывает, аккумуляторы в камазе заряжать надо. Видишь, лампочки едва светят. А в кунге действительно темновато.

– Мне носки Никанорыч подарил, – с гордостью говорит Дима, глядя на меня.

– Помнишь, заезжали?

– Ещё бы, – гостили мы тогда у знакомого егеря под Надымом. Особенностью всех речей немногословного Никанорыча было то, что он первую часть фразы всегда говорил языком, а вторую глазами. Например, скажет:

– Доброго вам здоровья, – а глазами добавит:

«Ну и какого хрена вы сюда припёрлись? Дичь пугать, дороги месить». А может глазами и другое что-нибудь сказать:

«Рад вас видеть».

Это уж у него какой настрой будет. На пару дней у него остановились, пока комплектовались. Угощал он всегда щедро. Лучше здесь Диме дать выговориться, вот как он сам эту историю рассказывает:

– Собаки у него две. Одну-то Зимником звать, а вторую не помню имени, не выговоришь. Тоже, назовут же. Встали мы раз из-за стола, я вышел во двор. Собаки лежат смирно.

– Зимник, – позвал я чёрненькую. Она мне сразу понравилась. Ухом не повела.

– Зимник! – молчит.

Я кость ему бросил, а Зимник не шелохнулся, лежит, как камень. Тут Никанорыч вылетает, он в доме приборкой занимался и в окно, может, смотрел. С лёту как вдарит этому Зимнику одной ногой, второй ногой, – хорошо хоть ноги кончились, подумал я, но Дима продолжает с возмущением:

– Ну пинать его со всей моченьки ногами, озверел, собака. Прямо валенками изо всех сил пинает. У него валенки-то больше. Я понять ничего не могу – его пинает, а на меня смотрит. Ты же знаешь этого Никанорыча – он всякий бывает. Я ему – Никанорыч, – а он просто – Цыц, – и ещё глазами что-то добавляет, понять невозможно – шаман он, что ли? Зимник! Тот даже не уворачивается и не пикнет, Никанорыч всё едино не уймётся никак. А беленькая-то собачка только нос из конуры высовывает – на нюх обстановку проверяет.

– Никанорыч! Что с тобой?

Отдышавшись, Никанорыч и говорит спокойно:

– Ну, тебя же я не могу ударить, – а глазами тихо так добавляет:

– А надо бы.

Я тогда ещё не понимал этой притчи.

– Ты, брат, не расстраивайся, он всё поймёт, что к чему и как. Умная собака, – а глазами договаривает, мол, не то, что ты.

– Собака охотничья. На медведя идёт.

Погостили, угостились, прощаться пора. Никанорыч подаёт мне вот эти носки.

– Вот, брат, возьми, из собачьей шерсти хорошо они греют, – а глазами добавляет:

– Всегда рады, – постояв немного, вслух то же самое говорит:

– Всегда рады, – и машет рукой вслед. Из-за меня тогда Зимнику попало.

И Дима гладит одной ногой другую, заканчивая свой рассказ.

Пока я про эти носки думал, смотрю, а Коленьки-то уж след простыл. Он, похоже, сразу после фанерной темы незаметно исчез в свою газушку. Он там и спит. Тоже досталось парню.

Дима от чая вовсе осоловел, пристаёт со всякой ерундой: – Эдик, может, по сгущенке вдарим? – тот оторвался от полевого журнала, но ничего не сказал, просто улыбнулся.

– Вы там живунов не встретили? – спросил Рашид.

– Да я сам, как живун, – смеётся Дима.

– А мы так в одном чуть не искупались.

– Да и мы тоже. Особенно некоторые.

Тут и мне от всего этого расхорошего настроения вздумалось пошутить:

– Дима, а Мирону не ты ли позировал?

– Ого! Хитрые глаза и Змановских знают? – смотрю, он не прочь повеселиться – какие-то уже глаза, Змановские какие-то.

– Змановских? – спросил я.

– Мирон-то Змановский.

– Нет, другому Мирону, греческому. Скульптору.

Дима заёрзал на месте, устраиваясь полулёжа, и снова носок о носок гладит.

– Скульптор, говоришь? Ещё что придумаешь?

– Да похож ты на его Дискобола, – Дима на всякий случай убрал улыбку блаженства и стал ещё больше походить на упомянутого атлета.

– А дальше что? – и даже прищурился, чтобы взгляд, которым он прощупывал мои намёки, стал более скользким.

– Трави, травы, дальше.

– А дальше, Дима, то, что ты бы гораздо дальше на его месте этот диск запулил.

Дима продолжал щуриться как папуас.

– Ахинею городит, – заключил он после короткой паузы, обращаясь уже не ко мне, а ко всем сразу. Эдик листал полевой журнал, но оторвался, чтобы согласиться кивком головы с карандашом за ухом. Рашид мечтательно смотрел в трещины потолка, чем-то похожие на иероглифы, а печка, монотонно урча, просто обогревала нас.

– Какая ахинея? Я вот что подумал – диск в руках Дискобола весит всего-то пару килограмм, а твой чайник не меньше четырёх с учётом, как ты его набил.

– Дальше, травы, – одобрительно кивнул Дима, отхлёбывая чай, и улыбка блаженства вернулась на своё место.

– Дискобол стоит на ровной, прочной земле, а ты по пояс в снегу.

– Ещё что скажешь, Хитрый глаз? – проговаривая первое слово почти по буквам, на каждой из которых зачем-то было ударение, тогда как

второе выпалил залпом, отчего оно прозвучало, как «глас». Получился какой-то Хитрый глас.

– Диск метали только на дальность, а о точности попадания никто и не заикался, – сказал я, а сам чувствую – ведь ещё что-то спросит, а мне уж и говорить нечего, тем паче, что паузы больше Дима не практиковал в нашем диалоге. Надо точку ставить, думаю, ведь и спать давно уж пора.

– Представляю, как бы ты базуку заметнул.

– Ба... ба...ба, – почему-то заикался Дима. – Ба... что ты говоришь?

– Бабука? Снаряд такой для метания.

– Назовут же.

– Весит-то тьфу, всего полкило, – брякнул я наобум. Дима покачал кружкой с чаем, в уме взвешивая её, и повторил своё:

– Назовут же.

– Чайник, конечно, лучше звучит, – и не успел я вымолвить последних слов, Дима прыснул смехом на весь кунг и кружку с чаем цейлонским выронил, и Эдиков журнал забрызгал, и нас всех освежил. А у Эдика карандаш из-за уха выскочил, он вроде пытается смахнуть с полевого журнала следы чаепития, а сам хохочет вместе со всеми. Смеёмся, и всем хорошо, потому что все живы, здоровы. Но ведь если бы тогда Димка промахнулся, неизвестно чем бы всё закончилось. Север многих забрал к себе навечно.

Здесь, на Севере всё особенное, а тишина особенная особенно. Для того, кто месяцами живёт этой цыганской жизнью, тишиной уже кажутся все звуки, к которым привыкаешь. Урчание печки, выстрелы деревьев в морозном воздухе (там, где эти деревья есть), вой ветра за стенками кунга, храп соседа. Допоздна мы сидели в тот вечер, балагурили. Анекдоты по пять раз слышанные и рассказанные повторяли, а те с каждым разом смешнее становились. Чайник не один осушили. Он и сам-то радёхонек, хоть и полетать пришлось.

И вот заканчивается этот один из дней зимника, похожий на все остальные дни, и в кунге воцаряется та самая тишина, которую можно слышать. Я закрываю глаза, но кроме храпа соседей и стука собственного сердца слышу что-то ещё, ранее не слышанное мною в этом тесном пространстве. А слышал я, как Дима думает и думает. Кажется, что он понимает, что я его слышу. Когда этот молчаливый диалог затянулся, из темноты доносилось:

– Хитрый глаз. А, Хитрый глаз. А где этот твой Мирон живёт?

– В Греции. Но Мирон давно жил – до нашей эры.

Дима присвистнул, и тут даже храп прекратился.

– Но Дискбол то жив, – успокоил я его.

– А он где?

Я хотел было сказать, что вот он лежит в собачьих носках, но сказал:

– Где-то в Риме, не помню точно, но в тех краях.

Дима замолк с какой-то надеждой, но слышать я его продолжал. Не спит – что-то в уме считает. Умножает, делит. Да спи ты уже, думал я. Нет, прямо слышу, как рубли шелестят. Вот и монетка звякнула, хотя это, может, печка разговаривает с тундрой. Думаю, надо Диму успокоить, спать пора, завтра на работу.

– Да, есть, Дима, и у нас есть. В Москве на Волхонке, – сказал я, храп возобновился. Дима словно ждал этого и, заворачивая под себя край огромного овчинного тулупа, сквозь сон пробубнил:

– Вот и я говорю. С зимника вернёмся, обязательно съезжу. Погляжу.

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ВЫБОР АЛЕКСАНДРА – ПУТЬ ПУТИНА

Я писал сценарий документального телефильма «Хождение в Каракорум». Сибирский путь Александра Невского». И туда, и обратно наш главный национальный герой – великий благоверный князь Александр Ярославич – в 1250 году шёл-возвращался Калмыцкой сакмой. Калмыцкий отход – это самое северное направление трансзиатского Великого Шелкового Пути. Великий Шелковый Путь... Что-то меня отвлекло, какая-то заминка произошла, и я продолжил – Путин. Великий Шелковый Путин. Потом, перечитывая, споткнулся: а при чем тут Путин? Но задумался и понял, нет, в этом что-то есть. Нет, не случайно я оговорился. Какие-то скрытые намёки, может быть, даже смыслы. Пересечение путей.

Наш документальный фильм «Сибирский путь Александра Невского» показал телеканал «Союз». Союзный телесигнал ловят даже на Полярном Урале. В Байдарацкой тундре на фактории Лаборовой живет моя добрая подруга, ненецкая писательница, великая Анна Неркаги. Кстати, трижды нобелевский номинант по литературе. Она посмотрела «Хождение» по «Союзу» все три раза. У меня в пригородной Тюмени раздается звонок с полярноуральского озера Тейнто.

– Толя! – Анна Павловна явно возбуждена, торопится взахлёб. – Тебе нет равных! Покажи свой «Каракорум» президенту. Владимир Владимирович обязательно твой фильм должен посмотреть. Но обязательно один. В одиночестве. Без царедворцев.

Я, понятно, польщен, не ожидал, ошалел от Аниной напористости и непредсказуемости, но от неожиданности я, наверное, привычно хихикнул.

– Омельчук! – пресекала Неркаги. – Президенту это важно. Именно сейчас. Но только в одиночестве. Один.

– Я подумаю, Аня.

Большая Мама Байдарацкой тундры на комплименты обычно не особо щедра, да и какие у неё резоны придавать чрезмерное значение моему фильму?

Мне самому что себе лукавить: фильм серьезный, важный, о ключевом событии первоначальной русской истории. Но зачем он президенту?

Позже Анна Павловна пришлет мне короткое письмо.

«Фильм А.К. Омельчука «Хождение в Каракорум. Сибирский путь Александра Невского» из телесериала «Сибирь – сон Бога» считаю событием мирового значения. Никогда и ни перед кем не откажусь от своих слов. Все повелители мира дружественных и недружественных стран должны посмотреть этот фильм в молчаливом одиночестве. И, конечно, с радостью и гордостью за нашего президента, наш президент должен быть первым, кто это сделает. Встреча Путина и Александра Невского предрешена самим Спасителем. Пора им понять друг друга во имя спасения человечества! Анна».

К тому времени и до меня дошла главная мысль моей вдохновлённой зрительницы. Президенту нужна уверенность, что он всё сегодня делает правильно, по историческому русскому канону. Великий русский князь Александр Невский в середине XIII века, ища помощи и сораотничества, повел европейскую Русь в Сибирскую Азию, чтобы противостоять крестовой безжалостной агрессии Европы. Труден выбор Александра, но он

спасал русский народ на долгие времена и попутно закладывал фундамент будущей Российской Империи на двух континентах и берегах трёх океанов. У Путина выбор не легче. Но давний Сибирский путь Александра Ярославича – залог успеха на долгие времена.

Я позвонил спонсорам фильма. Они люди серьезные, умудренные. Рассказал об экстравертной идее Анны Павловны. Их реакция оказалась неожиданной – никакой восторженной чрезмерности они не заметили, согласились посодействовать в президентском одиночестве.

– Только вы сократите фильм. Где президент найдет 45 минут для вашего шедевра? – посоветовал первый губернатор Тюменской области Юрий Шафраник. – Сделайте ролик минут на 10–15. Основное, важное.

Гениальный телережиссер Эдик Улыбин, конечно, постарался, но у него даже 15 не получилось. Очень сложно сокращать свежееотснятый материал. Он виновато сознался:

– 25 минут. Меньше не получается.

Мы рискнули. Две флешки с «президентской версией» «Хождения» через верных людей должны были попасть в президентскую администрацию. О дальнейшей судьбе их мне пока ничего не известно. Первый губернатор Тюменской области Шафраник – член Попечительского Совета Русского Императорского Географического Общества. Я ему признался:

– Мечтаю презентовать «Хождение» в московской штаб-квартире РГО. Ведь я член РГО с 1976 года. Могут оказать такую услугу старейшему сибирскому члену?

Юрий Константинович охотно включился. Когда согласовалась окончательная дата, географическая сотрудница Яна предупредила:

– Дмитрий Сергеевич Песков у нас будет вручать гранты РГО, так что мы вас передвинем на денёк пораньше.

Пресс-секретарь Путина – активнейший попечитель отечественного РГО.

В старинно-фешенебельном штабе РГО на Новой площади презентация фильма прошла респектабельно и значительно.

А Песков раздал щедрые гранты на следующий день.

Я полагал, что моя миссия «Александр в Каракоруме» завершена на этой высокой точке.

Но через несколько дней (3 ноября) мне звонит запыхавшийся знакомый интуитивный онтолог Игорь:

– Скорее включай телевизор. Россия-24.

Президент Путин выступает на открытии Общественной палаты РФ нового созыва. И я слышу:

– Давайте вспомним то, что происходило во времена, скажем, Александра Невского, – рассказывает Владимир Владимирович. Ведь он ездил в Орду, кланялся ордынским ханам, получал ярлык на княжение, в том числе и прежде всего для того, чтобы эффективно противостоять нашествию Запада. Почему? Потому что ордынцы вели себя жестоко, но они не затрагивали главного – нашего языка, традиций, культуры, на что претендовали западные завоеватели. И это – самое главное, потому что если разрушаются культура, традиции и история, то народ постепенно начинает исчезать как этнос, растворяться, как снег поздней весной.

Почему мы так почитаем Александра Невского как святого? Именно за этот выбор. Он думал о том, чтобы сохранить русский народ, а затем и все народы, проживающие на территории нашей огромной страны.

Конечно, меня уже не переубедить: Путину либо показали ролик-версию, либо Песков ему что-то пересказал. Слова знакомые. Либо идеи витают в воздухе, когда приходит их время.

Президент России – председатель Попечительского Совета РГО.

Когда я сочинял книжку «Россия начинается с восхода. Размышление азиата в первом поколении» с синопсисом «Хождения», ничтоже сумняшеся предпослал эпиграф:

«Я, пожалуй, сам себе не отвечу, почему занялся «Сибирским путем» в Каракорум Александра Ярославича. Но у меня нет ни капли сомнения, что Александр Невский сам мне это поручил.

Мы люди не гордые – что было, то было.

Александр Ярославич, я ведь ваше поручение выполнил? Честно?»

А миссия продолжается.

Авторитетные и проникновенные, очень точные слова президента наверняка мобилизуют гражданское общество, сообщество отечественных историков и подлинных патриотов Отечества активно изучать главное событие первоначальной русской истории, главный подвиг национально-го героя России №1, князя Александра, исторический путь Руси-Европы в Россию-Азию. И не забудут национальную дорогу от Александро-Невской Лавры, через Новгород Великий – Сарай-Бату – Волгу – Великую степь – северный Алтай, истоки Иртыша и Оби – Саяны – Каракорум. Дорогу познания России.

Хотите посмотреть ролик – президентскую версию «Хождения в Каракорум»? У Эдуарда Улыбина еще есть экземпляры.

Ольга МИЛОВАНОВА

ЗАЧЕМ МНЕ ЭТО ЗНАТЬ...

Любила ли она меня?

Ответ на этот вопрос я искала всю жизнь.

Я застала её толстой старухой, и мне долго казалось, что она была старой всегда. Седые волосы она зачёсывала назад, заплетала в жиденькую косичку, скручивала в кукишку на затылке и закрепляла черепаховой гребёнкой. Её открытый высокий лоб перерезали три глубокие параллельные морщины. Щёки, покрытые седыми волосками, будто сползли с лица, подчиняясь земному притяжению, и обвисали брылями. Кожа на руках была тонкая, мягкая, как пергаментная бумага, с коричневыми пятнами. Она сама шила себе платья из самой дешёвой, даже по тем необильным советским временам, ткани, носила грубые туфли из уценённого магазина. Её пальто лоснилось на локтях и спине, а аккуратные заплатки совсем не украшали его. Такой я её запомнила, и такой же возвращают мне её облик чёрно-белые фотографии из семейного альбома. На них она с моим отцом, с дядей, с братом, даже с ненавистной невесткой – моей мамой. И нет ни одной фотографии со мной.

В её доме царила опрятная скромность, граничащая с бедностью. Из вещей было только самое необходимое: железная кровать, стол, покрытый потёртой клеёнкой, жёлтый фанерный шкаф, этажерка, старинный неудобный диван с выпуклой спинкой и откидывающимися валиками. И... треть комнаты занимал огромный чёрный ящик – фортепиано «Урал» с желтоватыми, словно старческие зубы, клавишами. Из книг – ноты, обёрнутые в клеёнку и надписанные её круглым аккуратным почерком.

Она не читала, не включала древний телевизор с крошечным экраном, не встречалась с подругами. Их у неё не было. Она вообще не выносила людей. Продавцы в магазинах, работники почты, КЖУ или Собеса, соседи, да и просто прохожие, попавшиеся ей на пути, были исключительно «гадами», «тварями», «шкурами» и «сволочами». Покой и мир в её душе дарили лишь часы, проведённые наедине с Шубертом, Шопеном, Бетховеном или Чайковским.

Звали нас одинаково, потому что я родилась в день её ангела. Она сама много раз рассказывала мне об этом, а я долго, не задумываясь, верила. Но она была зимняя, а я – летняя. Позже я поняла, что родители просто хотели ей угодить, назвав меня в её честь. Но это не помогло.

Я всегда знала про её нелюбовь ко мне. Откуда? Не скажу определённо. Никто прямо не говорил мне об этом. Может быть, просто чувствовала, но, скорее, я, как все дети, подслушивала разговоры взрослых. И так мне открылось, что она не обрадовалась моему рождению, называла «этой девкой» и считала навязанной обузой моему старшему брату.

Тем не менее, раз в неделю по воскресеньям в строго оговоренное время меня отправляли к ней.

Ещё в подъезде я слышала звуки фортепиано. Обречённо поднимаясь по лестнице на третий этаж, я останавливалась у двери. У меня было законное право медлить, ведь я знала, что невежливо прерывать музыку (собственно, лишь в этом случае я вела себя, как воспитанная девочка). Но затухал последний аккорд, и я стучала, так как звонка у неё не было.

Дверь открывалась, и меня сразу обволакивал запах её дома – для меня он навсегда остался связан со старостью. Пока я раздевалась, она ворчала, что я снова опоздала, что не надела тёплые штаны, что завесила глаза чёлкой... А я привычно спорила, оттягивая момент, когда придётся садиться за фортепиано.

Ей не повезло с моим отцом. В ожидании своего первенца она ходила на выставки, читала добрые умные книги, играла прекрасную музыку. И мой отец получился необычайно талантливый... «технарём». Хорошие, с его точки зрения, картины изображали машины, паровозы, самолёты, на худой конец, корабли. Книги он читал только в школе по программе, а любую музыку называл «бренчанием».

Усилия, не пригодившиеся сыну, неожиданно сработали на внуках. Обнаружив наши музыкальные способности, она с энтузиазмом принялась заниматься сначала с братом, а потом и со мной.

Совсем не помню, как я учила ноты, когда она объясняла мне ключи, ритм, метр и многое другое, что составляет эту сложную, но ласкающую слух науку. Не помню, как я начинала играть. Как же мы прошли этот этап без раздоров – криков с её стороны и потоков слёз с моей? Кажется, я села и сразу полились из-под моих пальчиков: «Два весёлых гуся», «У дороги чибис», «Гей ты, Висла голубая»... А ведь она никогда не была ни добра ко мне, ни сдержанна.

Теперь-то я знаю, что только чужим мы легко прощаем ошибки, непонимание, даже отсутствие таланта. Только чужим мы можем по сто раз повторить одно и то же. Свои, по определению, не могут не знать, не понимать и уж тем более не быть талантливыми. Они же свои! Возможно, я действительно легко всё схватывала, доставляя ей удовольствие своей сообразительностью и одарённостью. Или я не была для неё своей.

Вот чего я не любила, так это разучивать новые пьесы – лень мне было самой разбирать все эти кружочки, палочки, закорючки. И, выпучив глаза честнейшей врушки, я клялась, что обожаю слушать её игру. Цепкая зрительная память позволяла мне играть «с рук», тут же в точности повторять за ней. Конечно, она быстро раскусила эту наивную хитрость, но раз за разом попадалась на мои лисьи речи.

Постепенно мои колупания преображались в стройные созвучия, и я уже наслаждалась музыкой, позабыв обо всём на свете. Мы играли в четыре руки, иногда я пела, а она аккомпанировала мне. Урок, который вначале казался безнадежно бесконечным, неожиданно обрывался приходом брата. Мне вручали карамельки из старинной помятой жестяной коробки с изящной дамой на крышке, и я топала домой. Брата ждала та же самая программа, с той лишь разницей, что конфеты для него были приготовлены шоколадные. Я бы никогда об этом не узнала, но мой любимый брат всегда приносил их мне.

Когда до мамы доходила очередная нелепая злая гадость, пущенная ею, они страшно ругались, и мне запрещали к ней ходить. Не скажу, что я очень переживала по этому поводу. Я уже училась в музыкальной школе, и занятий этих мне вполне хватало. А мама так мало смыслила в музыке. При ней я делала вид, что усердно занимаюсь – часами стучала по клавишам всё, что было угодно моей душе. А на очередном «академе» получала очередную «четыре с минусом». Учителя у меня почему-то постоянно менялись, но стенали одно и то же: «талантливая девочка», «такие способности» и «совсем не занимается». Мама смирялась, и меня снова отправляли к ней.

Мой брат уже учился в другом городе, приезжал нечасто и ещё реже находил время для музыки. Наши с ней занятия стали затягиваться. После урока она кормила меня сырниками или морковными оладьями, а из «хрущёвского холодильника» под окном доставала финики, заменявшие в те годы конфеты, исчезнувшие из магазинов.

Иногда, будучи в добром расположении, она показывала мне старый альбом. В эгоизме юности мне трудно было поверить, что тонкая волоокая красавица на снимках – она. Чаще других она показывала серьёзную десятилетнюю девочку в белом платье из американской парусины и плотных тёмных чулках. На обороте было напечатано CARTE POSTALE, март 1925 г. Она уверяла, я очень похожа на эту девочку, особенно, если избавлюсь от чёлки, которая закрывает мне лоб и лезет в глаза.

Я привыкла оправдывать её характер трудно сложившейся жизнью. Она родилась в Крыму, там же прошли её детство и юность. Она мечтала заниматься музыкой, но её практичная мама (немка по национальности) настояла на более приспособленной для жизни специальности гидрометеоролога. Её отец отливал в своей мастерской чугунные канализационные люки для смотровых колодцев и жестоко поплатился за это. В 1937-м его объявили заводчиком, капиталистом и арестовали, несмотря на то, что «капиталист» сам тяжело трудился на своём «заводе» с двумя подмастерьями. Судьба его осталась неизвестной.

Великая Отечественная война прошла по её семье железным катком, впрочем, как и по миллионам советских людей. Муж воевал. А она, отчаявшись прокормить детей (в самом начале войны родился второй сын – мой дядя), поддалась уговорам матери и решила ехать на работу в Германию. Мать так и осталась там, похороненная в Земле Гессен.

После окончания войны ей с сыновьями – «фашистским пособникам» и «врагам народа» – не позволили вернуться домой в Крым. Продержав несколько месяцев в советском проверочно-фильтрационном лагере, их отправили на далёкий Урал.

С детства я запомнила присказку: «на Урале три дыры – Шалья, Ляля, Таборь». Этих неведомых мне Ляль было даже две – Старая и Новая. Но её с детьми поселили в леспромхозе, который находился ещё в 40 километрах от Старой Ляли. Из редких и скупых рассказов отца я знала, что они ужасно мёрзли, голодали, терпели унижения и жестокие насмешки от местных, как детей, так и взрослых. Дед, вернувшись с фронта, разделить их участи не пожелал и женился вторично на походно-полевой жене.

Работая обрубщиком сучьев, разнорабочей на Ремонтно-механическом заводе, кладовщиком, она научилась довольствоваться малым. Единственной непреходящей ценностью стала еда – и в её шкафу, в самошитых матерчатых мешочках всегда лежала крупа, мука и сухари.

В начале шестидесятых друзья помогли ей перебраться поближе к областному центру. И спустя тридцать лет она смогла осуществить свою задавленную мечту – заняться музыкой. Бог ведает, каким чудом в её маленькой квартирке поселился чёрный «Урал» с желтоватыми клавишами. Восстановить, казалось бы, навсегда забытые навыки было гораздо проще, чем получить разрешение работать. Она сдала экзамен, получила свидетельство об окончании музыкальной школы и устроилась в мою музыкалку преподавать фортепиано. Наверное, работу эту она любила, судя по восторженным отзывам её учеников, которых я знала. Но, выйдя на пенсию, сразу же уволилась отовсюду, а круг общения сократила до музыки, сыновей и внуков.

Нам – младшему поколению всё чаще становилось не до неё. Жизнь закручивала и требовала своё. Мы учились, строили карьеры, искали любовь. Я общалась с ней всё реже, да и, честно говоря, не очень-то стремилась, не нуждалась в ней. С годами характер у неё становился всё невыносимее, и я старалась заходить к ней только по необходимости.

Однажды отец попросил помочь вымыть её. Мы давно не виделись, и я поразилась, как она похудела. Поддерживая хрупкое, словно девичье, тело, я вдруг осознала всю череду прожитых ею лет. Ускоренными кадрами пронеслись перед моим мысленным взором лица со старых фотографий и впервые сложились в законченную картину жизни. Я примеряла на себя её путь, понимала, жалела, прощала и, кажется, даже... любила.

Но она мгновенно рассеяла наваждение, пожелав мне провалиться за то, что я проветрила её затхлую комнату.

Она перестала выходить из дома, разучилась звонить по телефону, готовить. Она больше не открывала тяжёлую крышку «Урала», не брала в руки ноты. А потом вовсе легла на свою железную койку и отказалась подниматься.

Любила ли она меня?

Давно уже некого спросить. Да и зачем мне теперь это знать?

Перебирая старые фотографии и документы, я нашла небольшой листок бумаги. Знакомым круглым почерком на нём были записаны дни рождения всех близких ей людей. Всех! Даже моей мамы!

Там не было меня!

Я не существовала для неё!

Я не входила в круг её любви, внимания и памяти!

Обида – детская, глубокая, невысказанная накрыла меня. Мне больше не за что было цепляться, нечем оправдать её...

Я ещё раз просмотрела ветхий листок...

Там действительно были все, кроме меня и... её самой.

Я подумала – она записала то, что могла забыть! Ей незачем было записывать, что и так накрепко хранилось в её сердце и памяти – она сама и я!

Пусть это будет так.

Бабушка – я ношу твоё имя. Музыка стала моей профессией. И каждый раз, глядя в зеркало, я убираю чёлку со лба.

ОТРАЖЕНИЕ

Я с детства не любил смотреться в зеркала. Мир за стеклянной стеной казался мне обманным, и потому опасным. Слишком часто я не мог узнать себя в отражении, особенно после долгого похода, лежания в больнице или смены в детском лагере. Там, где вовсе не было зеркал, либо они были в таком состоянии, что с трудом справлялись со своим назначением. Только тогда я ощущал себя цельным, мой внешний образ сливался с внутренним.

Всё менялось по возвращении домой, к зеркалам в прихожей, гостиной, родительской спальне и ванне. Отмытые, хорошо освещённые, они отражали едва знакомого мне человека. Я разбивался на себя настоящего и себя внешнего, которого следовало считать мной.

Я старался избегать отражений, чтобы как можно дольше сохранить себя. В моей комнате зеркал не было никогда. В гостиную или спальню родителей можно было не заходить, а мимо зеркала в прихожей безопасно

проскользнуть, не включая света. Сложнее всего было с ванной – трудно умыться и не посмотреть себе в глаза. Я плескал на стекло водой, растирал его руками, оставляя следы пальцев, замазывал пастой и даже маминой помадой. Меня ругали, заставляли отмывать, и это становилось новым испытанием. Идеальным решением оказалось пускать кипяток, чтобы зеркало запотевало от пара.

Со временем я привыкал к «себе»: к носу, ушам, рту, лбу, глазам, волосам. Мог спокойно осмотреться в зеркале перед выходом из дома. Но подозрение в обмане не покидало. В витринах магазинов или стёклах машин я узнавал себя только по одежде, которую перед выходом достал из шкафа.

Зеркала редко бывали добры ко мне. Единственное отражение, которое меня успокаивало, жило в маминых глазах. В них я мог смотреться бесконечно, там я всегда был настоящим.

Иногда я, наоборот, долго-долго сидел перед зеркалом, вглядываясь в его глубину. Нет, я не был уродом, не выискивал невидимые изъяны. Разве что прыщ, который необходимо превратить из едва заметной белой точки в алое воспалённое пятно. На самом деле я изучал того – заключённого в раму зеркала. Запоминал каждую его чёрточку, каждую гримасу, чтобы при случае не спутать в чужих отражениях. А он покорно повиновался мне: улыбался, куksился, выпучивал глаза, поднимал брови, шевелил ушами, махал руками, мотал головой. Но я всё равно не верил ему до конца. Казалось, стоит мне только отвернуться, как зеркальный двойник скорчит рожу или покажет язык. Много раз я резко оборачивался, пытаюсь поймать его. Но он всегда успевал вернуться на место.

Один раз почти удалось. Я сидел дома один и пялился в зеркало на мамином столе. Меня завораживал уводящий в бесконечность коридор в отражении отражений створок трюмо. Казалось, ещё одно последнее усилие – и мне откроется тайна зазеркалья. Был уже вечер. Из углов протянулись серые тени, неспешно захватывая комнату. Но вставать и включать свет не хотелось. В клубящейся полутьме светлый овал моего лица будто парил отдельно от тела. Помню, я размышлял о том, что же отражают зеркала в темноте? Конечно, у физики на все вопросы есть ответы (или почти на все) – для отражения нужно хоть немного света. Получалось, что во мраке зеркала мертвы? Нет. Это было бы слишком жестоко. Зеркала просто спят во тьме, а когда возвращается свет – просыпаются. И снимся им мы. И снимся наоборот. То, что у нас справа, в них слева, а то, что слева – справа...

И тут!

Отражение поплыло, начало кривиться, искажаться, странно дёргаться и подмигивать. Я закричал...

Когда родители вернулись, во всех комнатах горел свет, а зеркала завешены, чем пришлось: простынями, пледами, полотенцами и куртками. Я не смог ничего внятно объяснить, да и кто бы мне поверил. Несколько недель я категорически отказывался заходить в родительскую спальню, умывался, низко наклоняясь над раковиной, и ложился спать только при включенном свете. Ужас виденного не оставлял меня, и надолго поселился в снах. Я знал неизбежную развязку этих кошмаров, но, лишённый воли, не мог ей противостоять. Раз за разом я рассматривал себя в серебристой глубине. Раз за разом он гримасничал мне в ответ. И то ли звал меня, то ли отгонял, оберегая свою тайну. И раз за разом я просыпался с криком и в лишком поту. Прибегала мама, обнимала и возвращала покой светом своих ласковых глаз.

Только ей я мог рассказать о Другом. Это имя открылось мне в одном из кошмаров. Само собой... Но я понял, что теперь он не отстанет от меня – получив имя, он получил право на существование.

Но мама исчезла однажды, и никто не смог связно объяснить мне куда и почему. Отец отмахивался и пытался закурить, ломая сигарету в дрожащих пальцах, а бабушка сразу начинала плакать. Хорошо, что к тому времени мои кошмары почти прекратились. Острота пережитого притупилась, но не затёрлась новыми впечатлениями. Я уже мог без содрогания вспоминать тот вечер и даже гордился, что заставил ЕГО выдать себя. Теперь мы были связаны и непременно (я верил в это) встретимся вновь.

Мама вернулась так же внезапно, как исчезла. Но совсем чужая. Она будто съежилась, лицо почернело, голову покрыла косынка. Её глаза потускнели, лишь изредка вспыхивая прежним светом для меня. Она напоминала тонкую свечку, согнувшуюся от слишком жаркого пламени. Этот огонь жёг изнутри и сжёг дотла. Её спрятали в ящик, обитый красной тканью, закрыли крышкой и засыпали землёй. Помню, я не плакал в тот день. Сохшаяся старушка в гробу не могла быть моей мамой.

Тоска накатила позже. И я потерялся. Я не мог понять, почему она покинула меня? Почему ушла, оставив один на один с этим странным опасным миром? И кто теперь защитит меня? Кто вернёт меня настоящего, если я вдруг разобьюсь? Она не должна была... не имела права так поступить со мной. Она предала меня! Она предала нас. Я уверен, что отец думал так же, как и я. Но он никогда не признался в этом, хотя я столько раз ловил его с покрасневшими глазами. Она не хотела вернуться даже во сне, и мне пришлось научиться жить без неё.

Я изменился. Теперь я разбивался на себя и небритого мужика в отражении. Потребовалось много усилий, чтобы привыкнуть к нему. Мои кроссовки, стоявшие раньше по ранжиру за мамиными туфлями, внезапно загромождали прихожую. Отец же наоборот как-то уменьшился, и мне приходилось наклоняться, разговаривая с ним.

А в один волшебный день я нашёл глаза, в которых снова увидел себя настоящим. Наши интересы совпали, разговоры не приедались, а запахи манили. У нас был один секрет на двоих. Мы были счастливы. А счастье требует уединения и тишины. Мы отгородились стенами и стали строить свой мир. Постепенно в нашем доме появлялось всё, что нужно для долгой прекрасной жизни.

Появился и большой платяной шкаф с огромной от пола до потолка зеркальной дверцей. Но то ли шкаф был слишком большой, то ли спальня слишком маленькой, он встал прямо напротив кровати. Одна мысль – оказаться во тьме совершенно беспомощным перед зеркальным двойником – повергла меня в ужас. Она же смеялась, называла меня «большим мальчишкой» и категорически отказалась завесить дверку или оставить свет на ночь. Единственно, на что она согласилась – поменяться местами, чтобы отгородить меня. Нелепая защита, но выбирать не приходилось. Ночь я практически не спал. Мне снился ОН, беспрепятственно вытягивающий душу из-под неплотно сомкнутых ресниц моих любимых глаз. Когда начало светать, я сполз с подушкой на пол.

Трус! Трус! Трус! Я должен был защитить её!

Я делал, что мог. Мы ложились спать ногами к изголовью, чтобы в стекле отражались только наши укутанные одеялом ноги. Я отгораживал нас стеной из подушек, но мне казалось, что ОН заглядывает поверх них. Наш секрет больше не был только нашим. Я чувствовал, что с нами всег-

да непрошенный третий. Я становился всё слабее и всё реже отражался в её глазах.

Так не могло продолжаться дальше. Мы поговорили и решили избавиться от шкафа, раз он так действует на меня. На следующий день должны были прийти рабочие, чтобы разобрать и вынести его. Но я не мог больше ждать.

Утром, как только она ушла, я вывалил вещи на кровать, и стал толкать шкаф к выходу из комнаты. И тут над головой что-то хлопнуло – плафон в люстре взорвался и осыпал всё мелкими осколками. Я расхохотался. Другой бесится, а значит, я его обыграл.

Но оказалось, что я опоздал...

Шкафа давно не было в комнате, а наше счастье не вернулось. Между нами повисла тишина. Я ещё искал слова, чтобы воскресить наш секрет, но они проходили сквозь неё, не цепляясь и не задерживаясь. Её глаза потемнели, я с трудом находил себя в них. И настал день, когда не нашёл совсем. ОН всё-таки успел вытянуть моё отражение из её глаз. Она поняла, что раскрыта, и стала отводить взгляд. От неё запахло чужой жизнью, и я не очень удивился, когда не нашёл её вещей. Она исчезла, будто никогда и не отражалась рядом со мной. Может, я её просто выдумал? Но почему тогда я всё время мучительно думаю о ней? Почему ощущаю её прикосновения, как фантомные боли в отсечённой руке? Почему бутылки, которых после её ухода стало слишком много в моей жизни, напоминают зеленью её глаза? Почему так ноет здесь, слева?..

Я поднял голову. Оказывается, я стоял перед зеркалом в ванной. Кипяток из крана, как всегда, бил в раковину, и стекло запотело. Я провёл рукой, освобождая своего двойника. Он сделал вид, что сопереживает мне. У него было небритое серое осунувшееся лицо, запёкшиеся губы, красные воспалённые глаза и...

Вот! Я снова поймал его! Врёт! Как всегда, врёт! Другой тёр грудь справа! Притворяться больше не имело смысла, и он это понял. Отражение зарыбило, подмигнуло и, торжествуя, раздвинуло губы в усмешке. Я врезал прямо в эти искривлённые губы. Со звоном разлетелись серебряные брызги. И теперь отовсюду на меня смотрели сотни других ухмылок!

Я выскочил из ванной и забаррикадировал дверь. Действовать следовало быстро, чтобы он не успел перескочить из разбитого зеркала в другие целые. Их всех придётся убить – лишит свет. Но осторожно, не множа армию врага. Охота началась. Я крался, подходил сбоку, чтобы не выдать отражением своего присутствия. Резко набрасывал на стекло плотную непрозрачную ткань. Одно, второе, третье... Свои жертвы я отнёс в кладовку, разбил для верности лампочку и плотно закрыл дверь. Подумал и задвинул на неё тяжёлый сервант. Ещё один раунд закончился в мою пользу.

Но я даже не подозревал, что живу в мире отражений. Оконные стёкла, дверцы серванта, бутылки, захваченные стаканы, никелированные ручки, полированные столешницы, ложки, бок чайника и тысяча других вещей, которых раньше не подозревал в предательстве. И везде был он! Он обложил меня со всех сторон!

Я замазывал его рожу, укрывал, прятал в мешки, распихивал по шкафам, но ОН снова и снова проявлялся, чтобы поглумиться надо мной. Незримая нить между нами натянулась, звеня, и моё исчезновение оставалось уже только вопросом времени.

Я лёг на диван и укрылся с головой, подоткнул со всех сторон плед, не оставив лазеек. В детстве это всегда помогало. Пусть поможет и теперь...

Думаю... думаю... думаю... Голова гудит и лопается, не вмещающая мыслей... Где? Когда я потерял себя? На каком повороте я настоящий выпал и остался лежать на дороге? Почему никто... даже сам я не заметил пропажи?... Верните! Верните меня мне!..

...Далеко за поворотом протяжно загудел поезд. Загрохотали колёса по рельсам, и меня обдало паром... Странно, куда я собирался ехать?.. Но бесконечный поезд всё грохотал и грохотал... гудок всё ввинчивался в уши и бился в черепе... воздух загустел, раскалился, застревал в горле и обжигал изнутри...

Я разлепил глаза... в дверь колотили, звонок верещал и захлёбывался... От пола шёл пар... Да уж, ОН умеет добиваться своего, нашёл выход... просочился под дверь и заполнил всю комнату...

Я вскочил. Ноги обожгло кипятком. Не смотреть... только не смотреть вниз... ОН бессилён, если я его не вижу...

Ноги уже не так жгло, и я смог на ощупь сделать несколько шагов к двери... Но он даже вещи настроил против меня – стол поставил подножку, я упал и разбился об ухмыляющуюся рожу...

...Как хорошо... как хорошо и легко... Пронзительно синее небо без солнца... Цветущее бесконечно разнотравье... Мама... наконец-то... платье бьётся вокруг ног, пытаюсь улететь... она смеётся и тепло обнимает меня, щекоча волосами... Боже, как хорошо... пусть это никогда не закончится...

Но что-то зудит, занозит, не даёт расслабиться и наполниться счастьем... Я никак не могу поймать её взгляд. Я ловлю её лицо руками, поворачиваю к себе, прошу, умоляю, плачу... Она всё время ускользает... она опять предаёт меня...

Вдруг она оборачивается... Её глаза останавливаются на мне. Они раскрываются... шире... шире... растут... заполняют... опрокидывая меня в густую глубину... Но меня нет в этих глазах... Страшная догадка пронзает – это не она! Это та, другая! Забывшая... тоже предавшая меня! Но поздно... из мрака выплывает его отвратительная ухмылка... Ближе... ближе... я вижу каждую чёрточку... чувствую горячее дыхание... Губы разлепляются... беззвучные слова прожигают меня раскалёнными буквами. Я корчусь, пытаюсь поймать смысл слов... но он тоже ускользает от меня... Я кричу, но ни одного звука не вылетает из горла... Оглушительная тишина накрывает меня темнотой...

Писк, тонкий и отвратительный выматывает, вытягивает меня из темноты. Я приоткрываю глаза... Свет бьёт по глазам, и я чувствую, как по вискам текут слёзы, собираясь в ушах. Чей-то голос рядом:

– Они часто плачут, когда приходят в себя.

Я так давно не слышал чужих голосов, что не могу даже разобрать мужской он или женский.

– Как вы себя чувствуете? Вы меня слышите?

Надо мной наклоняется лицо, сливаясь с белизной потолка. Я вспоминаю, как совсем маленький любил разглядывать себя в лужах. Мир в отражении опрокидывался, и казалось, что летишь по небу, распахивая руками зазевавшиеся облака.

Это лицо летит по потолку. Смешно. Я улыбаюсь.

– Вот и хорошо. Вот и славно...

Вокруг лица проступает очертание фигуры в белой шапочке и халате. На лице проявляются нос, лоб, губы. В тонкой оправе блестят стёкла очков... Другой ухмылялся! ОН добрался до меня! ОН победил!

ПИСЬМО

Кажется, всё.

Женщина подкатила чемодан к двери. Как ни отбирала вещи, он всё равно оказался слишком тяжёлым. Не поднять. Памятник поставить тому, кто придумал чемоданы на колёсиках. Она обулась, надела плащ, поискала глазами зеркало, его уже не было на привычном месте. Да и вообще и прихожая, и комнаты были совершенно пустыми, эхо гуляло среди голых стен.

Две суматошные недели подошли к концу. Она справилась, продала квартиру. Покупатели нашлись удивительно быстро, будто ждали её – семейная пара перебиралась с Севера на Большую землю. Странное совпадение. Деньги у них были, с квартирой проблем тоже не оказалось, и три дня назад они подписали договор купли-продажи.

После первого же их звонка она начала собирать вещи, не сомневаясь, что сделка не сорвётся. Последнее время у неё всё складывалось, устраивалось без особых усилий, будто само собой. Это было здорово, но немного страшновато – происходящее казалось сном. Но просыпаться не хотелось. Уволили её без отработки и даже при расчёте выплатили приятную сумму. Транспортная компания взялась перевезти вещи. То, что не потребуется в новой жизни, женщина частью раздала, остальное отнесла на помойку. Старательно годами выстраиваемая жизнь сложилась мгновенно, как карточный домик. Была – и ничего уже нет.

До поезда оставалось часа два, торопиться некуда. Женщина поставила сумочку с документами и всякой женской чепухой на чемодан, сняла плащ, бросила поверх и пошла в последний раз по пустой квартире. Типовая трёшка, не заполненная уютным хламом, казалась чужой. Она уже не была её домом, гнездом, которое женщина не смогла сберечь. Что-то похожее она испытала на похоронах мамы. Казалось, что вместо неё в гробу лежит какая-то разрисованная кукла. А мамы здесь нет, она уехала далеко-далеко. Слишком далеко, не докричишься.

На стене бывшей детской светлел квадрат не выгоревших обоев, оставшийся от снятого ковра. Низ – там, где раньше стояла кровать, был разрисован. Женщина хорошо помнила период, когда Ника разрисовывала всё, до чего дотягивалась: книги, кукол, столы, стены. Разговоры, ругань, пачки альбомов, тетрадей, рулон дешёвых обоев, наклеенный на стену в её комнате, не помогли.

«Талантливая девочка», – подумала женщина, отметив в себе непривычное спокойствие и отстранённость. И вдруг поняла, что живёт эти две недели без изматывающего монолога в голове.

Вот! Чуть не забыла! Женщина вернулась в прихожую, вытащила из-под плаща сумку, порылась, достала блокнот, ручку, конверт. Осмотрелась – мебели не осталось. Пришлось устраиваться на подоконнике в большой комнате.

Солнце садилось, но было ещё светло.

Женщина вырвала листок из блокнота, написала «Дорогая Ника» и задумалась, уставившись в окно.

Вдруг стало не хватать воздуха, она дёрнула раму. Ветер ворвался в комнату и смёл листок на пол. Она не заметила. Писать всё будет слишком длинно, а не всё – слишком больно. Она нервно зашагала по комнате...

...Долго думала, писать тебе или нет. Возможно, ты даже не развернёшь это письмо, но я пишу его, скорее, для себя, чем для тебя. Ты не подумай, родная, что я хочу тебя пристыдить, оправдаться или попытаться что-нибудь изменить. Я уже знаю, что всё, что с нами происходит, происходит для чего-то. Просто я пока ещё не могу понять для чего. Но обязательно пойму.

Я многому научилась у тебя. Считается, что дети учатся у родителей. Смешное заблуждение.

«Гены пальцем не сотрёшь», – говорила моя мама. Я ей не верила. Я была убеждена, что любовь творит чудеса, что ребёнок – мягкий воск в руках родителей, что каждый должен быть согрет материнским теплом. Я много в чём ещё была убеждена и тогда, и позже. Моя мудрая мама не спорила со мной, она просто промолчала. А я, как видишь, не смогла.

Ты показала себя с первой минуты, как появилась в доме, и наша жизнь сразу же закрутилась вокруг тебя. Ты кричала до судорог, пока не получала то, что хотела. Уступить тебе было проще, чем противиться. Мне хватило пары бессонных ночей, чтобы ты надолго переселилась в нашу кровать.

Первым твоим словом было «уйди». Тебе было девять месяцев, ты лежала на диване. Витя сел так, что тебе некуда было вытянуть ножки. Сначала ты кричала: «Ди! Ди!» А потом так ясно: «Уй-ди!» Мы очень смеялись.

А потом ты долго не говорила, лет до трёх, пока не пошла в садик. Думаю, это была моя вина – я понимала тебя без слов: когда ты хотела кушать, когда в туалет, когда на ручки. В садике заговорить пришлось, потому что воспитатели отказывались понимать тебя.

Открыв рот, ты сразу стала «почемучкой», изводила меня нескончаемыми вопросами и замолкала только когда спала. Вот тогда-то я и услышала впервые: «Нет, мама!» А потом каждый раз и по любому поводу. «Холодно, надень шапку – Нет, мама!» «Не лезь к горячему утыгу – Нет, мама!» «Пойдём домой уже поздно – Нет, мама!» Девочка-неточка.

Ты совсем не умела играть с другими детьми. Всё должно было быть только так, как хочешь ты. Иначе ты могла кинуться с кулаками, отобрать игрушки или орать, как пятьдесят чертенят. Тебе всегда нужно было именно то место, на которое уже кто-то сел. Накормить тебя было отдельной проблемой. После долгих уговоров и препирательств ты могла согласиться на пюре, но к нему обязательно что-то несуразное: апельсин, мармелад, сыр или вообще не разбери-поймёшь что, но тёртый и на тарелку.

А ещё ты болела. Боже мой, что к тебе только не цеплялось! Простуды, аденоиды, ветрянка, аллергия, кишечная палочка. Казалось, наша участковая врачиха повторяла по тебе справочник детских болезней. Ты умудрилась подхватить даже педикулёз.

Как я испугалась, когда воспитательница показала мне этих зверей в твоих волосиках! Она выговорила мне, что плохо слежу за тобой. Потом оказалось, что вши были у половины группы, их принесли дети из приюта. К нам водили трёх девочек и мальчика. С приютскими не заморачивались, обрили налысо. А я накупила спреев, шампуней и каждый вечер вычёсывала твои волосики мелким гребешком. Ты капризничала,

плакала, торговалась, но мы сохранили твои локоны. На фотографии ты сидишь, как куколка, в нарядном платье с пышным бантом в волосах. А тем девочкам банты положили на стриженные головы – привязывать было не к чему. Тогда я с ужасом подумала, что на их месте могла быть ты.

До четырёх лет ты ходила нормально в садик только два дня. На третий я забирала тебя уже с температурой, четверг и пятницу мы лечились, чтобы в понедельник выйти снова. Я называла это аллергией на садик.

Витя не выдержал. Не обижайся на него, он старался, как мог. Мужчинам тяжелее. Они вообще созревают к отцовству только в старости. Уверена, из него вышел бы прекрасный дед, но об этом уже не узнать.

Это случилось на Новый год. Всё шло хорошо – ты пела, читала Дедушке Морозу стихи (конечно, это был Витя), потом что-то заподозрила и вдруг дёрнула его за бороду...

Чего мы ждали? Пятилетки уже всё понимают.

Ты плакала, кричала, топала ногами. Напрасно мы говорили, что у Дедушки Мороза очень много работы, и он лично попросил папу подменить его, что раньше он всегда был самый что ни на есть настоящий. Бесполезно. Первое разочарование в жизни. Ты не могла успокоиться и долго ещё всхлипывала во сне.

А на кухне Витя, опустив голову, говорил, что ему оказалось не по силам, и ещё что-то, типа: «не привык», «прости», «не могу принять»... Я уже точно не помню что. Помню только, что он так и сидел в костюме Деда Мороза.

Утром он собрал вещи и ушёл. Ты этого не видела, так перенервничала, что встала после десяти. Мы пошли на горку, потом в кафе, вернулись уже по темноте. Зимние дни вообще короткие, а первый день нового года пролетает вовсе незаметно. О Вите ты спросила только перед сном. Я сказала, что он уехал далеко-далеко. Мне показалось, ты даже обрадовалась, ведь теперь я принадлежала только тебе. Так, одним «отцом-полярником» стало больше.

Витя почти сразу уехал. Ему давно предлагали эту работу, но нужно было переезжать, да ещё и в служебную квартиру. А я не хотела. Всё-таки в большом городе больше возможностей для развития ребёнка, чем в той глуши, куда его направляли.

Я ни минуты не пожалела о своём решении. Ты была со мной. Ты была моей, а я твоей. Ради твоей улыбки, ради рук, обнимающих меня перед сном, ради щекочущего шёпота на ухо, – ради всего этого стоило жить.

В конце концов, всё устаканилось. Квартиру, которую мы купили за долго до тебя, Витя оставил нам и исправно слал деньги. Я писала тебе сообщения от его имени, покупала подарки. Сначала я надеялась, что это просто усталость, он отдохнёт, придёт в себя и вернётся. Я знала его, как себя, мы дружили с седьмого класса. Но время шло, а встречаться с тобой он категорически отказывался. Я приняла его выбор и стала выстраивать жизнь без него.

Я была ещё не старой, наверное, симпатичной. Мной интересовались и даже порой знакомились на улице. Я пробовала завязать отношения, но ты всякий раз протестовала, хамила, пакостила с невинным видом, истерила и, в конце концов, заболела. И ты не притворялась – каждый раз скорая отвозила тебя в больницу на долгое и сложное лечение.

Вопрос личной жизни я закрыла, тем более что мне было чем заняться. Читала ты с пяти, в шесть складывала и вычитала в пределах сотни.

Я старалась отвечать на все твои «почему». Ну, или почти на все. В результате к школе ты была хорошо развита и эрудированна. Я ожидала проблем только с дисциплиной. Как я ошибалась!

Теперь ты спорила с Верой Семёновной – нестигаемой старушкой, у которой мы с Витей сами когда-то учились. Каждый день я сидела с тобой за уроками. Я водила пальцем по строчкам, но ты делала ошибки прямо у меня на глазах, да ещё и спорила до хрипоты. Раз за разом ты получала двойки.

Вера Семёновна била тревогу и вызывала меня в школу, убеждая, что с тобой надо заниматься. Моим словам, что я только это и делаю, улыбалась, кивала и не верила. Я перестала приходить. Она писала мне послания в дневнике разноцветными ручками. Я не реагировала. Тогда она стала просить моих бывших одноклассников убедить заниматься тобой. Всех заботливых я благодарила, а дома выла от бессилия.

Я не была идеальной, часто срывалась, особенно после очередного похода в школу. Я кричала, давила, даже несколько раз поднимала на тебя руку. Это было признание моей слабости – я бесилась, а доставалось тебе. Поверь, мне до сих пор гадко от себя самой. Простишь ли ты меня когда-нибудь? Поймёшь?

Вечерами, когда ты уже спала, я приходила, обнимала и шептала, как сильно люблю тебя. Во сне ты была моей милой девочкой и не твердила своё вечное: «Нет, мама!»

Мне всё чаще казалось, что это не я воспитываю тебя, а ты меня. Переживать, беспокоиться, нервничать не было никаких сил, и я забила на мнение окружающих о тебе и о себе.

И тут пришла она.

Наша «железная» Вера Семёновна заболела, возраст брал своё. На подмену дали новую учительницу. Я не сразу узнала об этом, просто однажды ты пришла из школы необычно тихая. На мои расспросы ты отмалчивалась. Я решила, что это какие-то проблемы с одноклассниками, и пошла в школу.

Она разулыбалась мне, сходу объявив, что твоя родственница – двоюродная тётя. В мелких и неинтересных подробностях «тётя» рассказала о своей беспутной сестре, которая родила тебя в семнадцать лет и бросила в роддоме, сбежав через окно в туалете. Я растерялась и только молча слушала про то, как сестрицу унесло куда-то на Севера, а тебя никто не забрал, даже твоя бабушка. Но «тётя» наводила справки и каким-то образом выяснила нашу фамилию. По ней-то она и признала родную кровь. Когда я смогла, наконец, говорить, я спросила, что из всего этого она рассказала тебе. Оказалось, всё.

Я много думала, но до сих пор так и не поняла, что двигало этой «тётей»? Чего она добивалась? Я бесконечно пережёвывала тот разговор в голове, ждала звонков, просьб о встрече. Меня мотало от желания собраться и уехать, не оставив адреса, до благородного самопожертвования. Ничего этого не понадобилось. «Тётя» проработала с вами две недели и бесследно исчезла. Если ты с ней встретишься, спроси, зачем она влезла и растоптала нашу жизнь?

Впрочем, уже неважно.

Тебе я объяснила, что очень хотела ребёночка, но никак не могла родить. А потом узнала, что ты совсем одна и ждёшь маму. Я сразу заранее полюбила тебя и разве не прекрасно, что мы встретились? Казалось, ты поняла меня тогда, и несколько лет мы не поднимали эту тему.

Проблемы начались в твои тринадцать. Хотя мне иногда казалось, что переходный возраст был у тебя с рождения. Теперь мы спорили практически каждый день, моментально переходя на крик. Ты требовала денег и не лезть в твою жизнь, я – учёбы и выполнения элементарных домашних обязанностей. Ты решила, что я должна отдавать тебе Витины деньги, ведь он платит их за тебя, а кормить и одевать – моя обязанность.

Вообще, мы обе много чего тогда говорили: и ты, и я.

Ты начала таскать деньги. Я решила, что лучше давать тебе какую-то сумму, чем провоцировать. Кое-как мы договорились. От тебя стало пахнуть табаком. Ты уверяла, что это парни курят, а ты только стоишь рядом. Я хотела тебе верить. Цвет волос ты меняла раз в неделю и сама проколола себе всё, что только можно. Я приняла и это, терпеливо дожидаясь, когда можно будет покупать тебе что-нибудь, кроме чёрного. Переживала я только из-за татуировок, но молча. Ты бы обязательно сделала назло.

Учёба? Я больше не спрашивала с тебя. Радовалась, что ты вообще ходила в школу – у вас там была тусовка. Как-то ты всё же переходила из класса в класс.

В пятнадцать ты впервые не ночевала дома. Естественно, я не спала, обзвонила друзей, больницы, морги. В полиции со мной не стали разговаривать, посмеялись. А утром ты пришла как ни в чём не бывало и с глубокого похмелья. Конечно, мы поссорились. Перед тем, как хлопнуть дверь своей комнаты, ты сказала, что не имею права указывать тебе, потому что не мать.

В десятый тебя не взяли, и ты пошла в колледж. Я даже обрадовалась, это был шанс начать сначала. И, казалось, ты ухватилась за него. Свою небольшую стипендию ты получала без срывов все четыре года. Мы снова научились разговаривать без крика. Я решила, что мы пережили и это, но...

Экзамены, подготовка к выпускному, поиски «того самого» платья и туфель к нему... Конечно, я замечала, как ты выходишь из комнаты, чтобы поговорить по телефону, как закрываешь ноутбук при мне, как нервничаешь и вздрагиваешь, когда я обнимаю и целую тебя. Но я решила, что ты влюбилась. На выпускном ты была самая красивая. Я любовалась тобой, плакала и думала, что всё было не зря.

На следующий день ты сказала, что едешь к своей настоящей матери. А я?..

Что ж, ты имела на это право. А я впервые задумалась, на что имею право я.

Две недели назад умерла наша несгибаемая Вера Семёновна. Не стала сообщать тебе, не думаю, что ты бы вернулась из-за неё. Я обзванивала своих – выясняла, кто сможет быть на похоронах. Номер Виктора потерялся, когда я меняла телефон. Нам не о чем было разговаривать. Разведённых супругов связывают дети, ты нас не связывала, а разъединяла.

Он позвонил сам и сказал, что приедет. Мы встретились. Повод был печальный, но мы оба обрадовались встрече. А после похорон пошли в кафе и засиделись до закрытия. Мы вспоминали наше общее детство, юность, нашу семейную жизнь. И впервые за долгое время мне было легко и спокойно. Будто когда-то мы поставили наши жизни на паузу, а сейчас начали с того же места. Утром Витя сказал, что только сегодня понял, почему не женился снова – он однолюб, лучше меня не нашёл и искать больше не собирается.

Наверное, я делала не всё и не так. Но, поверь, я старалась. Желая тебе быть лучше меня. И спасибо за главный урок. Ты мне действительно ничего не должна. Дети не просят родителей о рождении, это мы мечтаем о своём продолжении на земле. Но ведь и я, кажется, тоже больше не в должниках...

Женщина остановилась. Солнце село, а фонари ещё не зажглись, и комната погрузилась во тьму. Она даже не подумала включить свет. Подняла листок с пола, положила на подоконник и стала писать, низко наклоняясь, чуть не водя носом по строчкам:

«Я уезжаю. Квартиру продала, деньги поделила на три части: на меня, тебя и Виктора. Твою часть положила на эту карту, пин – твой день рождения. Спасибо тебе за то, что ты была. И пусть твои мечты исполнятся.

Твоя...»

Женщина замерла, выпрямилась... потом поднесла листок к глазам, перечитала ещё раз... и быстро дописала: «тётя Ира».

Телефон ожил и заиграл танго Пьяцоллы – приехало такси...

Егор КОСИН

А КАК ЖЕ ЛЕЧИТЬСЯ?

Середина зимы. Очередной учебный год в разгаре. Работы – выше крыши. Устал, да так, что со здоровьем стало худовато – слабость, бессонница... В голове один вопрос: как же лечиться?

Прочитав где-то в газетах о синдроме хронической усталости, решил обратиться к психотерапевту. Иду в поликлинику Медицинской академии – там специалисты, да к тому же и полис специальный есть. Но в регистратуре мне говорят, что психотерапевт принимает только платно, а не по полису. Куда деваться, раз настроился, пришёл, то вроде как и уходить впустую неловко... Короче, заплатил – и на приём.

Врач выслушала и спрашивает:

– А чем я могу Вам помочь?

– Ну, советом... Может, лекарство какое... Я вот, например, по рекомендации участкового терапевта для улучшения умственной работы принимал пирацетам.

– Хорошо, записывайте: комплексные витамины с микроэлементами, ну и попробуйте ещё ноотропил. Конечно, в Вашем состоянии нужен больничный, но у меня нет бланков, так что обратитесь по месту жительства к терапевту – он Вам выпишет.

Попрощались. Вышел из кабинета с ощущением неопределённости, а в голове опять тот же вопрос: а как же лечиться? Ну, думаю, может, этот ноотропил поможет...

В аптеке прошу отпустить мне компливит, пирацетам и ноотропил. Заплатил, получил. Читаю на упаковке с ярким названием «НООТРОПИЛ» мелкими буквами «пирацетам»!?! Я к аптекарше:

– Зачем мне второй пирацетам за сто тридцать шесть рублей, когда вот он – отечественный за тридцать пять?!

Она:

– Так Вы же просили...

– Но я же в этих названиях профан! А Вам что, подсказать трудно?

Ладно, деньги вернула... И тут опять лезет вопрос: а как же лечиться? Врач прописала мне то, что я ей предложил – пирацетам!!! И я ей за это отдал четыреста рублей! Да что это за специалисты в нашей медицине?.. Настроение ещё более упало, а с ним и общее состояние...

Через пару дней в киоске наткнулся на книгу А. Курпатова «Средство от усталости» из серии «Карманный психотерапевт». Заплатил всего семьдесят рублей. Начал читать – и всё стало становится на свои места: понятия, симптомы, причины, методики лечения. Стал применять – через полтора месяца снова почувствовал себя человеком. Начал работать почти в полную силу.

Вот так. Оказывается, книги читать – полезнее... И намного дешевле! Не от того ли простой народ так склонен к самолечению?

КЛИЕНТ-МАНЕКЕН

Всегда люблю ходить пешком и меньше ездить на общественном транспорте. Вот и в тот раз солнечным утром шёл я по улице Герцена. Свернул

на улицу Орджоникидзе, проходя мимо входа в городской танцевальный зал. В те времена это была очень известная точка общественной жизни молодых жителей Тюмени.

Глаза невольно щурились от сверкания чистого белого снега, который недавно выпал, что в марте случается не так часто. При таком ярком солнце глядеть по сторонам не очень и хотелось, а потому по пути в сторону работы был погружён, как говорят, в свои мысли, планируя, чем буду сегодня заниматься и как успеть подготовиться к вечерним занятиям. В конце семидесятых, уже работая, я продолжал своё образование на вечернем факультете индустриального института.

И вдруг на меня, находящегося в таком отрешённом состоянии, налетает молодая особа без пальто, в каком-то голубом переднике, срывает с моей головы шапку, а другой рукой хватается за мои волосы. Сразу скажу, рвать волосы на моей голове она не стала. Но, пошурудив ладонью по всей моей шевелюре, громко заявила:

– Отлично! Сойдёт!

Я опешил от такой наглости. Однако через пару секунд, очнувшись от своих раздумий, начал в первую очередь отбирать у нахалки свою шапку.

Ещё бы, шапки в те времена были ценным предметом, даже те, что из кроличьего меха. Приходилось всегда быть начеку – ведь их, бывало, воры срывали даже среди бела дня. Был и со мной подобный случай. Шёл я тогда по левой стороне улицы Первомайской в сторону железнодорожного вокзала. А ходил в то время довольно быстро. Чую, обгоняет меня парень, спешит. Ну, думаю, пропущу, коль торопится к вокзалу, и сбавил ход. А тот, опередив, тоже замедляет шаг. Хорошо, что сработала интуиция – оглядываюсь назад, а там второй – в тиски берут: с одной стороны высокий забор, с другой – сугроб и проезжая часть. Явно не ожидали грабители, что я сигану через этот сугроб. Перебежал через проезжую часть, повезло, что машин в тот момент не было, и юркнул в продовольственный магазин, его ещё «беленьким» называли из-за регулярной побелки фасада. Так ведь эти наглецы пришли следом в магазин, не смотря на то, что там много народу, и стандартно стали «наезжать»:

– Отдай шапку, а то хуже будет!

Но я сгрёб шапку в охапку и, не поддаваясь на угрозы, категорически готов был обороняться. Поняв, что у них «обломилось», парни ушли ни с чем.

Вот и сейчас, на базе прошлого опыта, естественная моя реакция – вернуть свою ценность из рук наглой похитительницы. Наверное, сообразив по моему поведению, девушка поняла, что вершит что-то для меня непонятное. Она вернула шапку и стала объяснять, что подвигло её на такой демарш.

В те годы больших помещений в городе было мало. Поэтому танцевальный зал, который по вечерам и воскресеньям таковым и был, в рабочие дни использовался для различного рода публичных мероприятий, в том числе и для проведения разнообразных конкурсов.

Вот так в то утро занесла меня нелёгкая, а вернее затащила нежная девичья рука на областной конкурс парикмахеров. Именно затащила, так как я сопротивлялся этому неожиданному предложению, которое, к тому же, звучало почти в приказном тоне – ведь до начала конкурса оставалось каких-то десять минут. Дело в том, что девушка – участница конкурса от какого-то района юга области, оказалась в безвыходной си-

туации. У приехавшего с ней молодого человека, на котором она должна демонстрировать своё умение делать стрижку, оказалась проблема с волосами. Тренируясь перед конкурсом, ему перегрели голову феном, и волосы у парня стали лезть, как у кота в период линьки. Таким образом, я оказался последней надеждой участия конкурсантки в таком желанном для неё мероприятии.

Да-а, рука у девушки была хоть и нежная, но оказалась довольно крепкой и держала мой крытый полущубок мёртвой хваткой. Увернуться не было никакой возможности. И несмотря на то, что нужно было идти на работу, я сдался под этим «ласковым» напором.

Сдал верхнюю одежду в гардероб. Меня провели в середину зала, усадили в кресло. Накрыли, как положено, плечи белой простынкой. Ждём. Через пару минут сигнал – конкурс начался. Помыв голову шампунем, конкурсантка стала колдовать над моей шевелюрой. Судя по её репликам, наверное, не всё получалось, как ей хотелось. Я же боялся фена – не было никакого желания оказаться тоже в роли облезлого кота. Но всё обошлось.

И вот конкурс завершился, все модели с новоявленными причёсками отправлены на второй этаж для фотосъёмки. Отстоял очередь, сфотографировался и наконец-то попрощался со своей яростно-активной конкурсанткой, проявив ей сочувствие в проигрыше. Но ничего, для неё главное было – участие, и какой-никакой, а диплом участника она получила.

Освободился из конкурсного заточения только после обеда. Придя в лабораторию, слышу недовольный голос заведующего кафедрой:

– Где тебя носит! Уже почти конец рабочего дня.

Я ему так, мол, и так. Рассказал, как было дело. И в доказательство своих слов подаю справку. Он вслух читает:

– ...принимал участие в конкурсе парикмахеров в качестве клиента-манекена!!!

И хохочет:

– Ну, ты, манекен ходячий, везде поспел!

Вот так и закончилась эта история, от которой досталась мне бесплатная модельная стрижка. Да и та через месяц былём, то есть волосами поросла. А фото моей физиономии с этой стрижкой, может, фигурирует в какой-нибудь провинциальной парикмахерской, а может быть, уже кануло в лету в мусорном баке.

«КЛУБ 27.02»

По гороскопу родился я под знаком «Рыбы». Точный день – 27 февраля.

День как день, как и все другие – ничего в нём такого необычного или примечательного. Разве только чтобы повкуснее отпраздновать – в детские годы это главное.

Став постарше, стал отмечать, как некоторые знакомые подначивали: «Вот если бы на два дня позднее родился, было бы интереснее – редкостный был бы день рождения!» Бы-бы-бы... Устал парировать эти намёки: «Год-то моего рождения невисокосный!» – так что никакого «бы» не могло и быть!

Но вот юность прошла со всеми её радостями, а больше тягостями: переезды, учёба в разных школах, постоянные уживания с новыми коллективами сверстников, а иногда и «неуживания»...

Став по законному возрастному состоянию «молодым человеком», всё чаще я стал интересоваться происходящими в окружающем мире случайностями – различными событиями, датами, личностями. Оказалось, живой интерес люди проявляют, когда узнают, что кто-то из их знакомых родился с ними в один день.

Вот и у меня состоялось первое такое знакомство во время работы в комсомольском оперативном отряде Центрального района города Тюмени. Столкнула судьба с активисткой из взвода профилактики правонарушений среди несовершеннолетних Ириной Исаковой. Чем не повод для общения – дни рождения в один день! Между прочим, Ирина Витальевна в дальнейшем стала помощником депутата городской думы.

Спустя годы состоялся и второй случай. Увлечение техникой и изобретательством невольно привели меня к контактам с коллективом Тюменского областного совета ВОИР, который, по стечению обстоятельств, возглавил Михаил Владимирович Брежнев. С удивлением узнаю, что он тоже родился в один день со мной!

Благодаря интересу к литературе, стихам попал я в круг общения с членами тюменского отделения Союза писателей России. И вот ведь опять удача. Среди них тоже оказался родившийся 27 февраля – Анатолий Константинович Омельчук, руководитель телерадиокомпании «Регион-Тюмень». Когда довелось мне только заикнуться об этом совпадении на одном из собраний литературного объединения «Арион», так сразу в ответ услышал хор голосов: «А Шафраник Юрий Константинович – бывший глава администрации Тюменской области – тоже родился в этот день!!!»

Вот ведь, думаю, в какой круг знаменитостей попадаю, даже как-то внутренне загордился этим. Тем более что день этот оказался как никогда «сладостным». Дело в том, что именно 27 февраля 1879 года немецкий химик Константин Фальберг, между прочим, уроженец города Тамбова тогда ещё Российской империи, открыл сахарин – вещество, которое слаще сахара в пятьсот раз!

И тут очередное удивительное событие. Преподнесла подарок дочь – родила внука Виктора в мой день рождения! Но теперь он уже наш, общий с внуком день рождения!

После такого знаменательного появления на свет моего внука я вдруг задумался: может, пора создавать в Тюмени клуб родившихся 27 февраля – «Клуб 27.02»?!

СЛУЧАЙ В КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ

В зале книжного магазина из обслуживающего персонала находится трое молодых работников. Все в красивой униформе и примерно одного возраста – лет двадцати-двадцати пяти. Покупательница – дама возраста более среднего – обращается к одному из них – девушке-продавцу, сидящей за кассой:

– Не могли бы Вы мне подать во-о-он ту книгу с верхней полки?

Девушка, сразу среагировав на просьбу, не сходя с места, кричит менеджеру, стоящему на другой стороне торгового зала:

– Коля, возьми стремянку и сними книгу с красным переплётом, – указывая пальцем в нужном направлении.

Менеджер Коля, в свою очередь, весьма учтиво обращается к старшему продавцу:

– Федя, пожалуйста, принеси стремянку и, будь добр, сними книгу с верхней полки.

Федя не заставил себя ждать, и вот раздаётся его зов:

– Михаил, нужно сверху снять книгу с красным корешком!

Надо полагать, что на Михаиле состав работников магазина был исчерпан, так как этот сорокалетний продавец шустро вынырнул из подсобки, взял злополучную стремянку, поставил в нужном месте торгового зала, а затем резво забрался на неё. Менеджер со старшим продавцом уже рядом и указывают на предмет поиска. Михаил резким движением руки из плотного ряда книг выдёргивает именно ту – нужную, увесистую, с красным переплётом, но...

Но тут случилось непредвиденное: вся стойка с книжными полками качнулась, и книги в большом количестве полетели с грохотом вниз – как раз туда, где стояли наблюдавшие за процессом задравши головы менеджер Коля и старший продавец Федя. Нет, конечно, стойка устояла, благодаря усилиям Михаила и устойчивости самой стремянки. В магазине воцарилась полная тишина. Кто-то озирался в опаске, не свалится ли что-нибудь и на него, другие замерли, наверное, в ожидании бурной нелицеприятной реакции коллег Михаила. А тот, воспользовавшись возникшей паузой, невозмутимо, стоя на стремянке, бросает сверху реплику:

– Зато я здесь самый молодой!!!

Под всеобщий хохот напряжение спало, и инцидент был исчерпан, не получив ожидаемого в таких случаях продолжения.

ПОЭЗИЯ

Сергей СМЕТАНИН

Возвращение внука

Страна моя у горя на краю,
Тридцатый год – душой не принимаю.
Вернулся внук, израненный в бою,
Ну, что теперь? Моя ли хата с краю?

История летит во весь опор
К созвездиям со всем великолепьем.
На Украине воевал Егор
С бандеровским и натовским отребьем.

За будущее наше принял бой
Наперекор забвеньям и разлукам.
Живым пришёл из битвы внук-герой,
И я – герой героем рядом с внуком.

Звездопад

Жизнь ли счастье мне пророчит?
Сон ли сгинул без следа?
О гигантский короб ночи
Тихо чиркнула звезда.

Чутко впитывая звуки,
Безмятежно, как в игре,
Я лежу, раскинув руки,
За деревней на горе.

В головах – трава степная,
Быль и небыль в голове.
И никто меня не знает
Ни в Сибири, ни в Москве.

Что мне эти расстоянья,
Что мне пыль пространств и лет!
Я загадывал желанья,
Да пути им, видно, нет.

И ничто мне не пророчит
Ни удачи, ни беды.
Лишь на гранях темной ночи
Гаснут тихие следы.

В деревне

Загрустила родная деревня.
Запустенье, безлюдье кругом.
Холодов ожидают деревья,
И поник мой родительский дом.

Где хозяин? Уснул или вышел
За ограду, где поле да снег?
И проели завалинку мыши
Перед тем, как исчезнуть навек.

И забор поправлять уже поздно,
И в печной облетевшей трубе
Свили галки лохматые гнёзда,
Подчинясь незавидной судьбе.

А в столице на улицах – туго:
Не пройти от избытка машин,
Горожане кричат друг на друга.
Каждый наглый торгаш – господин!

И в душе моей звуки такие,
Что зову беглой тени вослед:
– Боже правый! Откликнись, Россия!
Но тупое молчанье в ответ.

Только ветер на крыше сарая,
Распатав, вырывает доску
Или стонет, как баба худая,
Нагоняя на душу тоску.

К маме

Милое детство – ау! – отзовись!
Мчится всё дальше планета.
Всё напряженнее кажется жизнь,
Нет из бывшего ответа.

Нет из беспечности радиogramм,
Писем из вольницы вольной.
– Маму не видели? Где же ты, мам?
Мама! Ты слышишь? Мне больно!

Мама погладит, обнимет – и всё.
Дунет – и жизнь посветлела.
– Мама, подуй мне на сердце моё,
Чтоб оно так не болело!

Мама, развеи мои тяжкие сны,
Это же сон – то, что с нами!
Стали виновными мы без вины,
Чуждого строя рабами.

Мама, над нами проклятья сбылись.
Скоро ль закончится это?
Всё напряженней суровая жизнь,
Нет никакого ответа.

* * *

*О, поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями!
А.С. Пушкин*

В края, где ночи белые длинные,
Где связи с сердцем Родины так тонки,
Бывало, приходили похоронки,
Но никогда здесь не было войны.

Озера да болота без конца
На скатерти роскошного пространства.
Тут солнце – знак небесного Отца –
Горит, как разрешение на пьянство.

И вот, на полпути в широкий свет,
Ты вышел из автобуса, с тоскою
Воскликнул, и послышался ответ:
– О, Господи! Здесь кладбище какое!

Венок, ограда, памятник, стена...
А сколько здесь лежит свечных огарков!
Так вот она – та красная цена
Богатства деловитых олигархов.

Так вот он – окончательный приют
Бомжей невольных, пьяниц, наркоманов,
А также тех, кто знал, что значит труд,
Но не дожил до песен и романов.

Да что там песни! Пенсии своей
Так многие дождаться не успели –
Задолго до отцов и матерей
Одежды деревянные надели.

За нефтяной бедлам, за город-ад,
За град-гараж у грязного вокзала,
Как свечи, наши жизни догорят,
А им все мало. Им все мало. Мало.

* * *

– Речка, речка, отчего ты не прозрачна? –
Удивленно реку спрашивал ручей.
И ответила волна, тихонько плача:
– Я давно таких не слышала речей!

Отчего твой взгляд на мир не замутился?
Оттого, что ты берёг его, берёг.
Оттого, что помнишь место, где родился –
А река забыла, где ее исток.

Дрозд и Соловей

С мечтой о правильном вокале
Дрозд обратился к Соловью:
– Родня мой голос очень хвалит.
На свадьбах мило я пою.
Но знаю я, что соловьи –
Певцы первейшие планеты!
Поправь умения мои,
Открой заветные секреты.
И добродушный бог поэм
Учить Дрозда решил сразу.
К священному взлетели вязу.
– Во-первых, ноты. Ровно семь.
До, ре, ми, фа... – Нет, нет, постой,
Зачем нам эти закорюки?
Волшебные какие звуки
Недавно слышал я в пивной!
Меняет тему Соловей,
Ища слова для новых знаний:
– Вот упражнение. Скорей,
Путь укрепления гортани...
– Фу! Упражнений не хочу.
Напой мне лучше трель ночную.
Её в два счёта разучу я
И на концерты полечу.

– Послушай, Дрозд, ты слишком прост.
Нельзя в искусстве без ученья!
– Ученье есть ограниченье!
С ученьем не достигнешь звёзд!
Лишь тем успех фортуна даст,
Кто все учения отринул!
И гордый Дрозд без лишних фраз
Священный вяз певца покинул.
А Соловей хлебнул воды,
Не возмущась ни на мгновенье:
Не раз ученики-дрозды
Его превосходили в пенье,
Везде гремел его урок –
От Курских роц до знойной Ниццы,
И на блистательный итог
Он мог всецело положиться.
Так в чём тут истина, друзья?
Чем Дрозд от прочих отличился?
Да тем, что слушал Соловья,
Но ничему не научился.
О, многих знаю я Дроздят.
Они слепы, глупы, упрямы
И не учения хотят,
А восхвалений да рекламы!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ

Аркадий БЫКОВ

ГРУСТЬ УТРАЧЕННОЙ ЛЮБВИ

Всё пройдет. Всё конечно пройдёт.
С мудростью вечной не спорю я.
Даже с ветки листок упадёт –
Это будет другая история.
Всё течёт в этой жизни, меняется.
Грани нового режут больнее.
А с портрета отец улыбается,
И рассвет за окошком бледнеет.
Там мороз, лес застыл в тишине,
Жестким инеем мгла серебрится.
И, наверное, как в наказание мне,
Мама мне почему-то не снится....
Чья-то тень замерла на холодном снегу.
Птичьим криком над лесом повисла.
Я себя обмануть захочу, не смогу.
Врать другим нет особого смысла.
Всё пройдёт. Всё когда-то пройдёт.
Боль подержит и тоже отпустит.
И тропинку мою в феврале заметёт
Ель мохнатую веточкой грусти...

Вновь перелистана глава,
Глава судьбы очередная.
И тихо вяжутся слова,
На лист расчерченный вползая.
За гранью отлетевших лет
Как бы сгущаются потёмки.
И замечает снегом след
Меня не выбравшей девчонки.
Там болью тысячи разлук
Струна души моей задета.
Ушедших дней далёкий звук
Прощальным эхом гаснет где-то...
И всё же сам себя щадя,
Мозг мысли эти напрочь гонит...
Косыми струями дождя
Вновь осень реквием выводит.

Кричать пытаюсь, не могу.
Моей печали нет ответа.
Горит рябина на снегу
Посланцем умершего лета.
Застывшей капелькой зари,
Обломком зимнего заката
Сидят, уснувши, снегири
На ветках брошенного сада.
Молчать пытаюсь, не могу...
Мне память не даёт покоя...
Следы, как строчки, на снегу
Уже написаны другою.
Позвать пытаешься – зови,
Но вряд ли кто-то отзовется.
На пепелище той любви
Чужое эхо раздаётся.
За перевалами разлук
Теряет прошлое конкретность,
И нам не хватает силы рук,
Чтоб разорвать ту неизбежность.
Печальным отблеском костра
Прощально осень нас коснётся
И где-то там, в иных мирах
Нам всё по совести зачтётся.
Кричать пытаюсь, не могу...
Молчать пытаюсь, не могу...

За окошком тени,
На стекле дождевки,
Смятый лист сомнений
В мусорной корзинке.
Вечер. Крыша. Водосток.
Тьма с луной повенчаны.
Сигарета. Огонёк.
И улыбка женщины.
За окошком тени,
По стеклу дождевки,
На кустах сирени
Мокнут паутинки.
Вечер. Крыша. Водосток.
Тьма луной размечена
Сигарета. Огонёк.
И чужая женщина.

По небу плыли огоньки...
Уставший вечер путал звуки.
И твой прощальный взмах руки
Лишь обозначил факт разлуки.
Быть может поздняя гроза
То ль просто всполохи зарниц...
Горит алмазная слеза
На тёмном бархате ресниц.
Отпустим всё, что не сбылось –
Мы сами в этом виноваты
Я не хочу, чтоб наша злость
Была синонимом утраты.

Быть может поздняя гроза
То ль просто всполохи зарниц...
Горит алмазная слеза
На тёмном бархате ресниц.
Прости меня за эту грусть,
Что в небе высветилась звёздно,
За то, что помнил наизусть
И обозначил слишком поздно.
Быть может поздняя гроза
То ль просто всполохи зарниц...
Горит алмазная слеза
На тёмном бархате ресниц.

Эхо, сумрак ломая, над речкой носилось,
Вряд ли кто-то его не расслышал.
А черёмуха та, что мне ночью приснилась,
Тихо веткой шуршала по крыше.
Тёплый вечер, закат и тропинка над кручей,
Узкой лентой, готовой порваться...
...Я не верю, что будет ещё один случай
Мне снова в калитку твою постучаться...

Всё также снег по переулкам
Февральской полночью метёт.
И впереди, горланя гулко,
Какой-то выпивший идёт.
Та еле видимая нить,
Что нас когда-то удержала,
Сумела незаметно сгнить,
Когда любви твоей не стало...
Вновь на дорогах талый снег,
Вода на солнце заискрилась...
Мой самый главный человек.
Толь ты была, толь ты приснилась...

На реке шумит моторка,
катит на берег волна.
Из-за дальнего пригорка
поднимается луна.
Ветер треплет тал под кручей,
пахнет клевером земля.
Опустился сумрак жгучий
на уснувшие поля.
За ближайшим перелеском
глухо бухает сова.
И с каким-то страшным треском
разгораются дрова.
Я один перед камином,
мне сегодня не уснуть.
А в окне, чернильно-синем,
одиночество и жуть.
На стене танцуют тени,
их огнём рисует ночь.
Кот потёрся о колени
и подался тихо прочь....
...Я люблю смотреть на пламя,
вспоминая и скорбя.
И моя больная память
возвращает мне тебя.
Возвращает ненадолго,
мимолётна эта связь.
То ль потеряна иголка,
то ли нитка порвалась...

Может и было...	Неброская кофточка
А может, приснилось –	Белого ситца.
Уходящая вдаль,	Лёгкая поступь,
Уходя, не простилась.	Взрывная смешинка.
Пылали рассветы.	Милая девочка,
Сгорали закаты.	На сердце льдинка.
Может и было	Давнее-давнее
Всё это когда-то.	Грустное прошлое...
Может и было,	Помнится многое,
А может, лишь снится	Чаще хорошее.

Юлия АНДРЕЕВА

ПОРТРЕТ В ПАМЯТИ

Господи, какой яркий свет, как сильно он бьет по глазам! Мне бы хотелось прикрыть рукой глаза от этого слишком яркого, слишком холодного света ламп, но меня что-то держит. Поворачиваю голову и вижу трубочки, соединяющие мои руки с капельницей. И вновь поднимаю взгляд.

Больничные лампы. Тупая боль где-то в груди – наверное, сломаны ребра. Что же, черт побери, произошло и как я здесь оказался?

Заходит врач – средних лет женщина в белом халате, в очках с черной оправой и уставшим лицом, морщинками вокруг глаз, чудовищно отчетливо видных в этом нестерпимо ярком свете. Она приветствует меня, интересуется моим самочувствием и неожиданно спрашивает, как меня зовут.

А я...

А я понимаю, что ничего не помню.

Совсем ничего. Ни как меня зовут, ни где я живу, ни где учился, ни как звали мою первую любовь, ни... Господи, я не помню совершенно ничего! Передо мной – объемная, живая, трепещущая пустота, очень похожая на темный подвал старого дома, пугающий своей темнотой. Как же называется улица, где я жил – или живу? Есть ли у меня подруга, невеста, жена, есть ли дети, и если есть, как их зовут? Нет, даже это не важно, надо начать с того, кто же такой я. Кто я?..

Врач участливо хлопает меня по руке, из которой торчат трубочки с перебегающими по ним нитями желтоватой жидкости, и советует отдохнуть. «Память обязательно к вам вернется, – говорит она, поправляя съехавшие на кончик носа очки. – Постарайтесь расслабиться и ни о чем не думать».

Она выходит из палаты, которая станет моим пристанищем на еще какое-то время. А у меня – комок в горле. Нет... Ощущение иное: будто холодные костлявые руки сжимают горло страшной хваткой. Кажется, это страх – страх той самой объемной, живой, трепещущей пустоты.

Я ничего не помню.

А что будет, если память не вернется?

Мучимый этими вопросами, я, наконец, дожидаюсь вечера и засыпаю. Ночью мне ничего не снится – или же, скорее, снится: эта самая пустота, черная и страшная, из которой хочется поскорее выбраться.

Следующее утро ничем не отличается от предыдущего, разве что свет ламп уже не кажется мне таким ярким. Врач и медсестры заглядывают в палату и приносят лекарства, а я начинаю судорожно пытаться вспомнить, кто я такой.

Итак, начнем с имени. Меня зовут... Я пытаюсь придумать, как наиболее звучно для меня закончить это предложение. Петр? Николай? Евгений? Анатолий? Все варианты кажутся одинаково предпочтительными. Кажется, мой возраст – двадцать или около того лет. Правда, к этому выводу я пришел, заглянув в зеркало, принесенное врачом. Я прошу врача, Марину Сергеевну, позволить принести мне бумагу и ручку, и теперь пытаюсь вспомнить свое имя новым способом. Устроившись поудобнее, я вырисовываю на бумаге закорючки, называемые буквами: «Меня зовут». Почерк немного неровный – руки дрожат то ли от напряжения, то ли от слабости. Дописав последнюю «т», рука останавливается не в силах

придумать, что писать дальше. Пытаюсь поторопить ее, но ничего не выходит. От досады я откладываю бумагу и ручку на тумбочку и начинаю изучать трещинки на потолке, надеясь, что меня озарит.

Ночью мне снится лицо. Ничего особенного: широкие скулы, высокий лоб, прямой нос и тонкие губы. Запоминаются глаза – светло-серые, мягкие, добрые и немного грустные. Волосы темные, гладко зачесанные и собранные в низкий хвост. Женщина что-то говорит, но я не могу разобрать слов. Порой мне кажется, что я вот-вот сложу буквы в слоги, слоги – в слова, слова – в предложения, но они ускользают, я напрягаюсь, пытаюсь дотянуться и поймать то, что ускользает, и когда мне кажется, что еще чуть-чуть – и загадка будет разгадана, я просыпаюсь.

Первое, что я делаю, проснувшись – пытаюсь нарисовать по памяти портрет женщины, приснившейся мне во сне. Широкие скулы, высокий лоб, прямой нос и тонкие губы. Глаза – светло-серые, мягкие, добрые и немного грустные. Волосы темные, гладко зачесанные и собранные в низкий хвост. Я пытаюсь наложить на лицо светотени, но ручка не слушается и пачкает бумагу. Мне на ум приходит мысль, что нужно было попросить карандаш.

– Потрясающий рисунок! – говорит Марина Сергеевна, и я вздрагиваю от неожиданности. Оказывается, я так увлекся своим занятием, что даже не заметил ее прихода. В голову приходит мысль, что я, пожалуй, мог бы быть художником. Или дизайнером. Или еще кем-нибудь, но моя профессия должна быть связана с искусством и рисованием. Внутри оживает чувство, похожее на волнение от того, что прямо сейчас должно произойти что-то невероятно важное. Я прошу ее рассказать о том, как оказался в больнице.

Марина Сергеевна вздыхает, размышляет о чем-то пару минут, встает со своего стула и обещает скоро вернуться. Вернувшись после обеда, она рассказывает мне о произошедшей автокатастрофе, в которой мне чудом удалось остаться в живых и в общем-то легко отделаться, а еще она показывает фотографии с места происшествия. Автомобиль сильно покорёжен. Уцелевшая часть корпуса демонстрирует буйство красок, и я неожиданно вспоминаю запах резины и краски, светлый и просторный автосалон и аэрограф в своих руках, и алые линии на черном покрытии корпуса, и символ... черт побери, что же это был за символ? Я тупо пялюсь в фотографии, мне кажется, что этот процесс занимает уже не минуту, а пять, десять, двадцать, и, наконец, я щелкаю пальцами: Honda. И более того, я точно уверен, что это моя машина. Кажется, мне ее подарили... да, подарили родители на совершеннолетие, ведь я как раз получил водительские права...

Все это настолько выматывает меня, что я засыпаю еще до того, как стемнело. Ночью мне снова снится лицо темноволосой сероглазой женщины. Женщина гладит меня по голове и, улыбаясь, что-то шепчет, но, как и в прошлый раз, я не могу вспомнить, что именно.

Эта женщина снится мне каждую ночь, и наутро, дополняя ее портрет какими-нибудь чертами, я вспоминаю что-то новое. Вчера, например, я вспомнил, что учусь – или учился? – на дизайнера, а в детстве закончил художественную школу. Мне отчего-то кажется, что разгадка кроется

в этой женщине. Каждое утро, начиная ее рисовать то в профиль, то в анфас, я вспоминаю что-то из своего прошлого. Я вспоминаю, как впервые увидел море еще будучи школьником: теплые заботливые женские руки держали меня, пока я барахтался в воде, дрыгая руками и ногами, пытаюсь научиться плавать. Старший брат плескал в меня водой и хохотал, глядя на мои неловкие попытки. Да, у меня есть старший брат, я вспомнил и это.

Я рисую руки сероглазой женщины из моих снов и думаю о том, что они кажутся мне знакомыми. Конечно, вне сомнений, я знаю ее, просто не могу вспомнить, кто же она. И тем не менее, она первая, кого я вспомнил.

Я вспоминаю, как совсем ребенком мама учила меня писать. «Меня зовут Миша», – я чуть ли не слышу, как вместе со мной это произносит мягкий глубокий голос, растягивая слоги, чтобы я успевал выводить слишком округлые и кривые буквы.

Я рисую платье в горошек и передник. Мне чудится запах пирога – замечательного пирога с ягодами, который мама вынимала из духовки на выходных.

На заднем фоне я рисую домик – аккуратный, маленький, с крыльцом, закрытым тенью от яблоневого кроны.

На следующий день Марина Сергеевна объявляет, что ко мне приехали родственники. В палату входит молодой мужчина, немногим старше меня, за ним – девчужка лет пятнадцати и, самым последним – мужчина лет пятидесяти с проседью в темных волосах. Марина Сергеевна уходит, мои гости располагаются на стульях, и мы долго, час за часом разговариваем. Наконец, глава семейства поднимается и протягивает мне фотографию, и я вижу на ней его самого, молодого мужчину – моего брата, девчужку – сестру, разве что на фото ей лет десять, самого себя и сероглазую женщину в платье в горошек.

– Мама? – спрашиваю я, скорее, чтобы удостовериться, совершенно точно осознать, что моя несмелая догадка верна.

Мой брат кивает, и я улыбаюсь.

ВЕДУЩИЙ СКВОЗЬ ТЬМУ

– Встань, ученица. Твой урок окончен.

Я послушно поднялась с деревянной неудобной скамьи и глубоко поклонилась, отдавая дань уважения своему Мастеру – не потому, что так гласят правила и этикет, а потому, что я сама чувствую необходимость так поступать. Учитель ответил коротким поклоном и вышел вон, шурша мягким бархатом своего плаща. Лишь когда дверь за ним затворилась, я позволила себе выпрямиться.

Сложно определить возраст моего Учителя – он объединяет в себе черты стариков, зрелых людей и еще совсем молодых, но мудрость его столь же глубока, как огромные океаны, чьи воды омывают континент. Я также не могу сказать, высок он или низок, строен или упитан. В моем Учителе объединены все черты, и в то же время нет ни одной конкретной. Мой Мастер не носит имени, ибо он – Учитель, и вести других к свету знаний есть его призвание.

Быть может, со временем я не смогу вспомнить черты его лица и звучание его голоса, но во мне останутся его напутствия.

Мастер открывал мне чудеса мира: прекрасные и ужасные, невообразимые и причудливые, таинственные и в то же время такие простые

для понимания. Он показал мне, что расплавленный огнем песок может превратиться в тонкое, прозрачное, как лед, стекло, рассказал о далеких манящих звездах, сияющих на небосводе так загадочно.

– Скажите, Учитель, зачем вода в реке течет?

– Реки – равно что вены в огромном организме нашей земли, и вода их, подобно крови, бежит по всему миру, принося жизнь.

И впоследствии я задавала вопросы. И Учитель отвечал, объясняя, как устроен мир, в котором мы живем, почему небо синее, а трава – зеленая, почему день сменяется ночью, а зима – летом.

Быть может, со временем я не сумею вспомнить свой первый урок, но знания, приобретенные в тот день, останутся во мне на века, ибо жизнь моя идет рука об руку с теми навыками, которым обучил меня Мастер.

Все то время, что я проводила рядом с Учителем, было наполнено новыми открытиями. С каждым разом я постигала что-то новое, неизвестное мне ранее. Порой я задавалась вопросом, каков же возраст моего Мастера – познания его столь глубоки и обширны, что, казалось бы, одной жизни не хватит, чтобы умом обхватить их.

Но помимо рассказов о мироздании и Вселенной, изучения тайных знаков древних алфавитов, есть и другие уроки, которые мастер преподносит столь неявно, что порой их не замечаешь. Это уроки Терпения, Выдержки и Воли. Каждое задание Учителя – это испытание не только знаний, но и крепости характера, и каждый раз оно показывает, как отражение в зеркале, все качества, приобретенные за пройденные годы. Ученичество – это кузница души, где в жарком огне тяжелых экзаменов выковывается сталь характера. И Учитель помогает ковать эту искрящуюся, блестящую сталь; и чем сильнее жар, тем крепче оружие, выкованное из этой стали, тем ярче оно сияет в солнечных лучах.

Учителю хватает одного взгляда, чтобы читать в мыслях и сердцах; твоё слово ещё не сказано, но Мастер наперед знает, что ты произнесешь – даже выражение твоего лица, незначительный жест и едва приметный блеск глаз говорят ему о твоих чувствах и размышлениях. От Учителя сложно скрыть провинность или шалость – он словно чует легкий аромат вины, и невразумительные оправдания не произведут должного эффекта. Учитель строг, но справедлив. От него не стоит ждать послаблений, ибо ученики его – лучшие, а для того чтобы стать ими, нужно приложить немало сил. Но все эти труды и старания будут оправданы в будущем, которое, быть может, не так далеко, как многие из нас полагают.

– Меня не интересуют ваши имена, ученики, – говорил Учитель ровным, спокойным голосом, в котором чувствовалась уверенность и сила. – Когда вы пройдёте три своих первых наиважнейших испытания, когда покажете, на что способны на самом деле, когда научитесь понимать, что необходимо думать и постигать, а не просто слушать и механически зубрить, тогда я, быть может, и узнаю их.

К нам лишь со временем приходит понимание о пользе строгости; сейчас же, желая быть на виду и делать то, что нам заблагорассудится, стремясь выделиться самыми легкими способами, мы не желаем принять того, что в дисциплине вырастают лучшие и сильнейшие.

Сколь много было бы утеряно, исчезни из этого мира Учитель! Знания, скопленные веками, оказались бы запыленными и заброшенными, не будь Мастера, и многое бы осталось неузнанным. Человек жил бы лишь настоящим, не перелистывая прошедших страниц жизни и не участь на ошибках прошлого. Без Учителя некому было бы показать, каким мир был до на-

шего прихода, и вновь повторялись бы ошибки наших прадедов – снова и снова, опять и опять, уходя своим числом в бесконечность.

Мы бы забыли, что такое культура. Так бы и не узнали о том, что истинно прекрасно, а что – отвратительно. Где-то в веках потерялось бы умение грамотно и легко слагать простые на первый взгляд слова в торжественные оды и печальные элегии. Мы бы забыли, что такое свет, никогда не узнали бы о далеких звездах и чужих, холодных планетах. Мы бы забыли, что значит быть людьми.

И мир бы погрузился в бесконечную ночь, в которой нет места разуму и жизни.

– ...Я буду вести вас к свету истинному, вести каждого, кто захочет идти вслед за мной к бесконечно далекой цели. Ваша дорога будет трудна, и кому-то, возможно, захочется повернуть назад. Порой вам будет казаться, что огни близко, но они вновь окажутся неизмеримо далекими, и тот долгий путь, что был проделан, вновь покажется напрасным. Я не стану вам лгать и обещать заоблачных высот – в большей части от вас самих зависит, насколько близко вы приблизитесь к огню. Но человек никогда не сможет прикоснуться к пламени и понять природу его, мы можем лишь идти и идти вперед, согреваясь в лучах.

Немногие из тех, кто пришел к Учителю в первый день, остались. Кто-то отрекся, кто-то остановился на достигнутом. А мы идем вперед, вместе с Мастером, продолжая изучать этот мир и жизнь, существующую в нем.

Учитель объяснил, что на все вопросы мы должны сами находить ответы, ибо наступит час, когда некому будет протянуть нам руку помощи, и что только мы сами сможем позаботиться о себе. Его уроки показали нам то, что ждет нас в той, будущей жизни. И теперь, вооруженные Знанием, что передал нам Учитель, мы сможем смело войти в бушующий мир.

Сквозь призму уроков, мы, ученики Мастера, жители маленького мирка, видим тот мир, куда нам еще предстоит войти – и войти достойно. И пройти дорогу жизни в этом мире так, как нас учил Мастер – ведь нет большей гордости для Учителя, чем успех и признание его ученика.

...Спустя много лет, когда годы ученичества были позади, когда за моими плечами была пыль семи планет, когда все восемь ветров поочередно были моими спутниками, я вернулась в родной город, где некогда, казалось, целую жизнь назад, проводил уроки мой Учитель. И я направилась вперед, по запыленной дороге – здесь, видно, давно уже не проезжал возница. Изящная арка сплошь заросла диким плющом, деревья, которые вспоминались мне совсем тоненькими и маленькими, теперь вытянулись высоко вверх и раскинули свою изумрудно-зеленую листву, бросая на обожженную солнцем землю прохладную тень. словно вечность прошла с тех самых пор, когда я покидала эти стены.

Одно лишь было неизменно – тропинка, ведущая к чертогам Мастера, все так и не заросла, все новые и новые ученики приходили, дабы постичь тайны мира.

И я вновь ступила на эту тропинку – как за много лет до этого дня, когда, будучи еще маленькой девочкой, я шла вперед, еще не зная, что ждет меня за поворотом. Но теперь я шла твердо и уверенно – со мной была мудрость Учителя.

Как и прежде, Учителя окружали ученики. Да и сам он, казалось, насколько не изменился. Что-то есть в его облике – возвышенное, величавое, словно само время не властно над ним. И словно это место, как Храм

Знаний, куда вновь и вновь приходят молодые люди, жаждущие знаний, будет стоять здесь Вечность.

Я поклонилась Учителю – все так же глубоко, как и в то время, когда была лишь ученицей. И Мастер ответил мне церемонным поклоном. И я знала, я чувствовала – несмотря на то, что перед ним мелькали самые разные лица, Учитель помнит и знает, кто я.

Выпрямившись, Учитель посмотрел в мое лицо, словно читая на нем всю мою жизнь, и все, что я когда-либо делала, тотчас же становилось ему известно. Наконец, Мастер улыбнулся – лишь на какое-то мгновение.

– Нет, ты более не ученица. Назови мне свое имя.

Я назвала его и вновь поклонилась. И душа моя была радостна от того, что я сумела оправдать надежды своего Мастера, что силы, некогда затраченные им, не пропали даром.

Пройдут еще долгие, долгие годы, а тропинка, ведущая к Учителю, так и не зарастет бурьяном. Вновь и вновь будут приходить ученики, ища ответов на вопросы. И каждый из них будет проходить путь вместе с Учителем – долгий путь сквозь тьму и холод. Быть может, лишь немногие сумеют увидеть свет, а еще меньшие – приблизится к нему, но Учитель изо дня в день выполняет свой долг. С рассвета и до восхода первой звезды, он ведет нас вперед и вперед – ведет сквозь тьму к свету и Знанию.

Марина НИКОГОСЯН

Из сборника «Белая тональность»

Озёра памяти

В озёрах памяти вода тиха.
Лекала опыта штрихами паутин.
Я, как в чулане, себя в прошлом заперла,
Бродя годами среди выцветших картин.

Ах, если б... может быть...и знать бы наперёд...
Отравлен жёлчью горечи мой путь.
Я уговаривала: это всё пройдёт,
Прости себя и боль свою забудь.

В озёрах памяти вода тиха...
Как в мёртвом море, залегла на дно
Печаль. А я для «завтра» ожила,
Увидев, что в «сегодня» хорошо.

Мелодия

Моя мелодия, теперь уже в мажоре,
Диезы настроений, полутон.
То вариации, то тема на повторе,
То паузы под строгий камертон.

Переливается, тут в унисон танцую,
Тут попадая в грубый диссонанс.
Но всё звучит она, и нотный стан диктует
Красивый и лирический романс.

Порядок

Как удав из «Маленького принца»,
Проглотила речка берега.
Вьётся, полукольцами ложится,
Гнёт бока.

С высоты небесной, самолётной
Кажется, что великан и маг
Расчертил от взлётной и до взлётной
Каждый шаг.

Подо мной картина цвета хаки,
Геометрия в гармонии земли.
Начинаю наводить порядки
Здесь, внутри.

Тишина

В уголочке квартиры своей
Я сегодня лечусь тишиной.
Обнял плед миллионом петель
Крупной вязки, уютный, большой.

Алым парусом в небе закат
Угасает, и чудится мне –
Облака меж собой говорят,
Вспоминая о прожитом дне.

Нежно ветер баюкает дом
И колышет на окнах вуаль.
Тишиной бьются в сердце моём
Этот вечер и этот февраль.

Разговор с собой

Что у тебя внутри?
Что у тебя болит?
Что затмевает свет
И врет, что выхода нет?
Ты научилась скрывать,
Припудривать, украшать,
Закидывать пыль в глаза,
И «всё как у всех» сказать.

Ты научилась врать,
Счастье изображать,
Выкладывать в сеть, сиять,
А после, с собой, рыдать.
Ты разучилась любить
И просто собою быть.
Погрязла в удобных клише,
Забыв о своей душе!

Не важен ни возраст, ни рост,
Фигура и цвет волос,
Количество денег, подруг,
Пока сам себе не друг!
Что у тебя внутри?
Что у тебя болит?
У зеркала сядь, выше нос!
Задай себе этот вопрос!

Посвящение И.Г.

Она в Батуми, а я в Тобольске.
Ей море шепчет мотивы песен,
А мне сугробы, соседи сосен,
Поют, как край наш суров, но весел.

Гудки сменяет знакомый голос,
И километры теряют силу,
И часовой приручая пояс,
Мы говорили и говорили.

И ей в солёном дыханье моря
Вдруг слышен выдох мороза в утро,
А мне почудился бриз минорный
С налётом сладко-кофейной пудры.

Предчувствие

Пьянеть от воздуха с приправою весны
И лёгкий шлейф её угадывать в природе.
Пускай пока сугробов сны белы
И минусом грозит прогноз погоды –
Весна летит на солнечных крылах!
Блестит, искрит и будоражит мысли.
В открытых форточках, в моих стихах
Я слышу вдох весны и новой жизни!

Словно алое сердце, костёр в темноте, бьётся пульсом ветров. Мы рядом, мы вместе, мы именно те, и это, конечно, любовь.	Пламя сжигает и плавит в сердцах усталость минувшего дня. Танцует в ночи, и искры кружат для жизни, тебя и меня.
--	---

Как всегда Нежданно-негаданно Город наш замело. Всё укрыто, Закутано, Спрятано – Люди хранят тепло.	Запорошено И простужено. Всё, что могу узреть, – Кружево, Крошево, Стужево – Снежная круговерть.
---	--

Из города увозят снег

Из города увозят снег
В больших машинах грузовых.
Снеговиков печальный след
Плывёт на наших лобовых.

Увозят горы красоты
И чей-то первый в жизни снег,
Влюблённых города следы
И снежных ангелов привет.

Так облако зимы в пути,
Как шлейф волшебный, серебром,
Грязи обочин вопреки,
Кружит и светит волшебством.

Водитель курит, солнцу рад,
Под ритмы радиоволны.
А белоснежный свой наряд
Забудет город до поры.

Вмещает кузов так легко
Забавы зимние и сны,
Полеты маленьких снежков,
Фигуры, горки и лыжни.

Из города увозят снег,
На грузовых больших машинах,
Мы не заметим в суете:
Из города увозят зиму.

Мой Петербург

На влажных улицах твоих – мои следы,
А здесь снега уже завьюживают душу.
На миллионах фотографий – тот же ты,
А в комментариях – устал, озяб, простужен.

Так мне запомнилось тогда твоё тепло,
Мерцание огней, марш зонтиков и лужи,
И суматошное движение метро,
Нева, крыла мостов и на «Летучем» ужин.

А как на Марсовом кружилась детвора!
На Невском всхлипывали ноты саксофона.
И до сих пор осталась в памяти игра,
И показалось сразу все вокруг знакомо.

А может, времена торжественных балов,
Где вальс царил, кружили менуэты, –
Мои? И в лёгком пламени шелков
Уже встречала петербургские рассветы?

СТИХИ СИБИРСКОТАТАРСКИХ ПОЭТОВ

Перевод с сибирскотатарского Валерия ЕРМОЛАЕВА

Клара КУЧКОВСКАЯ

Одинокая чёрная лебедь

По озеру лебедь плывёт –
Черным-пречёрная птица.
Скажите же мне, кто поймёт,
Отчего ты такая черница?

Отчего ты такой родилась,
Не белой, а чёрной как уголь?
Может, от пережитых невзгод,
Или от громового испуга?

Одинокю плывёшь по воде,
Сторонясь соплеменников стаи,
Знаешь, бедная птица моя,
Ты о том ли сама, что такая?

И дано ль тебе пару создать,
Лебединую верную пару,
Ведь вблизи от тебя не видать
С оперением чёрного вару...

По озеру лебедь плывёт –
Чёрная-пречёрная птица.
Помолюсь за неё, пусть у ней
Лебединое счастье случится!

Незабываемое детство

Улица детства, старый мой дом
В мыслях приходят ко мне,
Помнят меня босоногой девчушкой,
Мелькнувшей в раскрытом окне.

Помню и я то заветное время,
Заботливо прибранный двор,
Каждое брёвнышко тёплого дома,
Крепкий воротный запор.

Помню участливых женщин – соседок,
Ватагу соседских ребят,
Трудного детства забылись тревоги,
Но сердце моё бередают.

Моя гордость

Женщина аборигеном меня назвала
С насмешкою, свысока.
Не знала я, как это слово
Перевести с заморского языка.

«Коренной житель», – так объяснил
Мне много знающий человек.
Зря, если было обидеть меня
У дамочки той в голове.

Мы – коренные жители, значит,
В нашем прекрасном краю,
Называя меня аборигенкой, полнят
Гордостью грудь мою!

Сон

Сегодня отец мне приснился
Грустны его были глаза,
Не разобрала я, жалко,
Что он, вздохнув, сказал.

Сколько уж лет он покоится
В скромной могилке... И в ней
Знает, как трудно живётся
Дочке родимой своей.

Во сне он глядел печально
На лицо в морщинках моё.
Что поделаешь, жизни невзгоды
И годы берут своё.

И нет ему там покоя,
Тревогам и там не конец,
Как здесь мне, когда станет плохо,
Вздыхаю со словом «отец».

Джасиля ГАЛИЕВА

Скворец вернулся

В скворечник скворец прилетел,
О приходе весны возвестив,
Помахал нам приветно крылом
И запел свой весенний мотив.

Здесь глаза он впервые открыл
На ставший родным окоём
И сегодня спасибо сказал
Другу, смастерившему дом.

И родившийся нынче птенец
Возратится на будущий год
В родное гнездо и опять
Потомство своё принесёт.

Тяжёлое слово

Пришла как к близкому в твой дом,
Ушла, заплакав...
Твои тяжёлые слова –
Мне как на плаху!

Твои тяжёлые слова –
В душе зарубка,
И будет в памяти всегда
Вина поступка.

Всё, что уста произнесли
Твои сурово,
Приму покорно, потому –
Старейшин слово!

Часы моей мамы

Часы моей мамы На белой стене висят, Нынче у них юбилей, Будет им шестьдесят.	Встанут если на отдых, Хватает оборота ключом, И вновь отмеряют время – Всё-то им нипочём,
--	---

Хоть и много им лет, Не стареют они, С точность до минуты Ночи стучат и дни.	Все шестьдесят годочков Продолжают свой труд. Смотря на них, удивляюсь, Как они не устают!
---	---

Ещё жив мой дом родной

Как застынет болото, по зимнику
Еду я, в Заболотье спеша,
Там дитя своё ждёт деревенька,
По которой скучает душа.

Там мой дом ещё жив, слава Богу
Я зато не забуду сказать,
Даже в самую зимнюю стужу
Он тепло меня будет встречать.

Вьётся дым над трубою приветливо,
Окна светят манящим теплом.
Сладкий чай попивая, я радуюсь,
Что в родной я приехала дом!

Халия АБАЙДУЛЛИНА

Точка ещё не поставлена

Моя жизнь – три стихотворения,
Поэзия – моя душа сама,
И судьба моя, как предание,
Недописанная поэма.

Боюсь, что напраслиной полный мир
Глаза бы мои не затмил,
Когда стихи пишу, окунаю в напев,
Чтобы не стали точкой слёзы мои.

Если даст мне Всевышний ещё творить,
В оправданье его надежды,
Не поставлена точка ещё в конце,
Не дописана поэма моя.

Перевод Антонины МАРКОВОЙ

Гильминур КАТАРГУЛОВА

Давайте молитву совершим

Язык мой родной, мой сибирскотатарский язык!
В веках сохранился – и слава Всевышнему Богу!
Одно поколение другому несёт, как родник.
Заботливо дарит по звуку, по букве, по слогу.

Так в разных местах изначальной, просторной земли
Слова драгоценные часто по-разному пелись:
Кто плавно тянул, будто тлеют в кострище угли,
А кто-то спешил, словно стрелы легко разлетелись.

Делили слова, как душистого хлеба ломоть.
А то добавляли, как воду, особые ноты.
Мелодию душ наших предков придумал Господь,
А мы бережём в языке каждый слой позолоты.

Пришли праотцы из далёких, непамятных мест,
Сибирские земли им стали родной колыбелью.
Играли на домбре, печаль разливая окрест,
И песни слагали цветами, ручьями, метелью.

Их говор был мягок, молитвой к Аллаху летя.
И праведной верой язык сохранялся веками.
А нынче Ученья Святого не знает дитя,
И речь свою древнюю тоже не ведаем сами.

И чтоб не грустили ушедшие души опять,
Язык сохраним, сбережём достояние предков,
И будем молиться и жить нашим дедам под стать –
Пусть память о прошлом сияет чеканной монеткой!

Провожая лебедей

Провожая белых лебедей,
Всё смотрела, как они взлетают –
Гогоча, прощаясь среди дождей,
На крыло встают и в небе тают.

Вместе с ними жалобный напев
Далеко разносится в округе.
И душа, за птицами взлетев,
Плакала, противилась разлуке.

Белым птицам пожелала вновь
Перелёта лёгкого за море.
Ваш напев с заоблачных высот
По зиме согреет среди горя.

А когда опять придёт весна,
На побережье встречу вашу стаю.
И накатит радости волна –
Свадьбы птицы-лебеди играют!

Гульнара КАЛИЕВА

Давай сбежим от чужих глаз

Я лишь тебе стихи писал
Из слов особых, неземных,
Чтоб поняла ты мой сигнал –
Давай сбежим от глаз чужих!

Я только на тебя смотрю,
Мои глаза – в твоих глазах.
Могу сравнить с тобой зарю,
Росинок хрупкость на цветах.

Сил набираюсь от тебя.
Не смейся над моим стихом!
Любовью нежною кипя,
Опять о ней шепчу тайком.

Стихи пишу я вновь и вновь
Тебе одной из слов простых.
Прими скорей мою любовь –
Давай сбежим от глаз чужих!

На маму похожей быть хочу

На голову мамин платок повяжу,
На плечи накину жилет,
И в зеркало старенькое погляжу –
Похожа на маму иль нет?

– Похожа! – твердит добродушно родня.
И лоб, и округлость лица,
И как черносливы, глаза у меня –
Похожа, ну что отрицать!

В печи перемечи пеку, пироги
И суп успеваю варить.
Мне, фартук, в работе такой помощи –
На маму хочу походить.

Я делаю так, как учила она,
Я матерью стала давно.
Но как ни стараюсь, усердьем полна,
Мне ею не стать всё равно!

Нет рядом уже моей мамы теперь,
В душе она – свет и тепло.
Хоть все её вещи сегодня примерь,
Нас время навек развело...

Джасиля ГАЛИЕВА

Скворец вернулся

На скворечник сел жилец,
Нам напомнив о весне.
Машет крыльями скворец,
Счастлив солнцу в вышине.

Край родимый не забыл,
Где знакомо всё кругом.
От души благодарил
Друга, сделавшего дом.

Тут найдёт свою любовь
И гнездо опять совьёт.
Повторится вновь и вновь
Жизненный круговорот.

Мой родной дом

Когда застынут дальние болота,
Спешу дорогой зимнею опять.
Родная деревенька там в дремоте
По мне давненько начала скучать.

Там, в Заболотье, дом стоит родимый.
Вздыхаю: Слава Господи, живой!
Дитя своё зовёт гостеприимно
И двери растворяет предо мной.

И сразу свет в окошках заиграет,
Взойдёт дымок весёлый над трубой,
Горячий чай с мороза согревает,
И тёплый дом дарует мне покой.

Часы моей мамы

Часы одинокие в доме висят
В оправе закатных лучей.
У них юбилей – им уже шестьдесят.
Часы эти мамы моей.

Хоть им и немало натикало лет,
Но старость обыденно ждёт.
Ошибок в минутах пока ещё нет,
И время идёт и идёт.

Но если решатся они отдохнуть,
И стрелки на миг замолчат –
Качнувшись, отправятся заново в путь
Одним поворотом ключа.

Все годы в работе неспешной они,
Шагают и ночью, и днём.
А я удивляюсь среди суетни –
Усталость часам нипочём.

Диля ХАБИБУЛЛИНА

Если будут среди нас добрые люди

Есть люди, с которыми рядом тепло,
Хотя неприметны они.
Как в небе от звёзд лучезарных светло,
Так в душах их светят огни.
На помощь являются в нужный момент,
Когда ты бессилен и худ,
Когда и надежды уж, кажется, нет –
Подхватят твой груз и несут.
А злomu, как видно, живётся легко,
Ему до других дела нет.
Но сами постигнут потом, отчего
Холодным окажется свет.
Ведь солнцем одним не согреться вовек.
Друг друга бы нам пожалеть,
И противу зла сотворить оберег,
Чтоб корни не смели чернеть.
Поверьте, учить не берусь никого.
Сама я – не Ангел в окне.
Но ежели добрых людей – большинство,
Так жить станет легче вдвойне.

Лес не чёрный

Чёрным лесом называли,
И в старинных песнях пели –
Так вот рай именовали
Из берёз и стройных елей.
Он красив! Чарует взгляды
В день погожий и в ненастье.
Он менял свои наряды,
И во всех он был прекрасным!
Вдруг, расчёсывая, ветер
Волосы его колышет.
Вдруг на ветви в лунном свете
Серьги длинные нанижет.
Лес не чёрный, а зелёный
От травы, что в мае встала.
Разноцветьем освещённый –
Разным я его видала.
Лес – он людям самый нужный,
В нём богатства жизнетворны.
И его отныне дружно
Называть не станем чёрным!

Клара КУЧКОВСКАЯ

Одинокая чёрная лебедь

Прозрачной озёрной водой
Любуется чёрная птица.
Кто скажет, какую бедой
Ты смолью вдруг стала светиться?

Гляжу, одиноко плывёшь
По глади озёрной, блестящей.
О, бедная, вряд ли поймёшь,
Что стала вдовой настоящей.

Скажи, родилась ты такой –
Не белой, а чёрной-пречёрной?
Иль горе в судьбе чередой
Посеяло чёрные зёрна?

Да сможешь ли пару найти,
Достойного друга на свете,
Чтоб было вдвоём по пути,
Чтоб было гнездо, а в нём – дети?

Их было так много, что ты
Невзгоды избыть не сумела,
В плену у несчастий застыв,
Как чёрный платок, потемнела.

Вот чёрная птица плывёт
По озеру меж берегами.
И сердце молитву шепнёт:
Судьба пусть тебя берегает.

Пуховая шаль моей мамы

Шаль мамы я держу в руках –
Не отыскать её теплей.
Вид мамы с шалью на плечах
Хранится в памяти моей.

Срывалось часто с языка:
– Мне дочь купила эту шаль!
И за меня, не сняв платка,
Молилась, отогнав печаль.

Шаль мягкая – пуховый рай,
Согреет ласковым теплом.
И маму грел той шали край,
Когда беда пришла тайком.

Нет мамы, но её тепло
Хранит невыцветшая шаль.
И одиночеству назло
Меня утешить ей не жаль.

Видений прошлых хлынет боль,
Я в руки шаль твою возьму.
О память, мне опять дозволь
Увидеть маму наяву!

перевод Егора КОСИНА

Клара КУЧКОВСКАЯ

Моя гордость

Смеясь, русоволосая, –
Точь-в-точь «пинок коленом», –
Небрежно как-то назвала
Меня аборигеном.

А кто ж такой абориген? –
Отнял покой вопрос больной...
Знаток словарный подсказал,
Что это – «житель коренной».

Я «коренная»! – гордость грудь
Мне наполняет. Bravo!..
А дама та, стремясь кольнуть,
Лишь глупость показала!

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья СЕЗЁВА СИБИРСКИЙ СЛЕД

80-летию снятия блокады Ленинграда посвящается

25 января 2024 года, в преддверии празднования Дня воинской славы, в арт-салоне «На Никольской» Центральной библиотеки г. Тюмени состоялось торжественное открытие уникального культурно-просветительского и образовательного выставочного детского проекта «Сибирский след». Он посвящен юбилейной дате – 80-летию снятия блокады Ленинграда. Выставка организована на материалах из коллекции Музея искусства Санкт-Петербурга XX–XXI веков. На ней представлено более 100 детских рисунков, которые были созданы в годы войны детьми известных ленинградских художников, эвакуированных в село Емуртла Упоровского района Тюменской области из блокадного Ленинграда.

Реализовать проект «Сибирский след» в Тюмени стало возможным только благодаря поддержке депутата Тюменской областной думы А.В. Артюхова. Он является частью большого проекта «Согретые Сибирью».

Данная публикация основана на уникальных документальных и изобразительных материалах: фотографиях, рисунках и зарисовках из детских альбомов военных лет, а также страниц из воспоминаний художников о ярком и незабываемом, даже 80 лет спустя(!), «сибирском следе» в их судьбе и творчестве.

Людмила Ивановна Равдоникас-Иванова (1904–1977) – известный художник, педагог, общественный деятель. В 1941 году, по направлению Союза художников и издательства Ленизо, была назначена директором эшелона детской базы Худфонда СССР №4 и детского интерната №184, эвакуированных детей ленинградских художников в Ярославскую, а затем Омскую (с 1944 г. – Тюменскую) область, в село Емуртла. Здесь, в течение четырех лет, исполняла должность начальника (директора) детского лагеря и интерната, где вместе с воспитателями – женами художников – сумела наладить жизнь и быт детей. Можно предположить, что именно ей принадлежит идея формирования коллекции детских работ, транспортировки и дальнейшей ее передачи по возвращении из эвакуации в Ленинградский Союз художников СССР.

Из истории

В ноябре 1941 года в Тюменскую область было эвакуировано 155 детей известных ленинградских художников из блокадного Ленинграда. Местом их назначения стало село Емуртла Упоровского района Тюменской области. После снятия блокады, в 1945 году, юные художники и их воспитатели вернулись в свой родной город. Вместе с ними, в этом же эшелоне, в Ленинград была вывезена бесценная коллекция – более 1000 (!) детских работ, созданных в Емуртле в годы войны 1942–1945. В течение многих десятилетий коллекция хранилась в Ленинградском Союзе художников, откуда в начале 2000-х

была передана в собрание Музея искусства Санкт-Петербурга XX–XXI веков.

«... Я пришел, Емуртла, на свиданье с тобой»

В рисунках детей в возрасте от 3 до 14 лет – целый калейдоскоп образов, событий. В них отразилось все, чем они жили тогда в Емуртле, то, с чем прежде всего соприкасались, что лежало в пределах их чувств, восприятия. Мир, который их окружал, был источником для творчества. На основе живых, ярких впечатлений юными художниками были созданы сотни рисунков. На них изображены улочки с деревянными на сибирский манер домами и каменными купеческими постройками; забавные сценки из школьной жизни и быта интерната; живописные окрестности Емуртлы и близлежащих к ней деревень и сел; овраги, заросшие травой и кустарником, песчаный берег речки и таинственный лес...

Нередко реальное в рисунках детей легко соединяется с волшебством. Так, на рисунках Ксюши Стольниковой, на лесной поляне, рядом с играющими детьми можно увидеть порхающих среди ярких цветов маленьких эльфов или сказочного принца с принцессой... Юный художник Гоша Рашков чаще всего на своих работах изображает сцены боя, а вот победить врага нашим воинам помогают герои из русских былин и волшебных сказок: богатыри, Змей-Горыныч, Баба-Яга...

Очень часто в рисунках детей встречается сюжет, навеянный романтикой дальних, очень увлекательных поездок на телегах, запряженных деревенскими лошадками, в лес за грибами, ягодами, лесными травами, а также на сбор урожая или прополку на колхозных полях, или заготовку дров... Но больше всего детей притягивает, завораживает мир сказки. По вечерам, в часы отдыха, при свете керосиновой лампы или свечи, на страничках специальных альбомов для рисования или небольших скромных листках бумаги юные художники с увлечением работали над композициями по мотивам сказок Пушкина, Ершова, братьев Grimm, над образами любимых литературных героев.

В школе к праздникам часто устраивали выставки детских рисунков и даже организовали свой театр под названием «МХЕТ» (Малый художественный емуртлинский театр). Все для того, чтобы немного напомнить о мирной жизни! Ребята вместе с воспитателями своими руками делали елочные игрушки, разрабатывали эскизы костюмов к новогоднему карнавалу или театральному представлению. Сколько фантазии, выдумки, мастерства в рисунках Владимира Богорова и Ани Линцбах, Ксюши Стольниковой и Ирины Гейн, Сергея Янца!

После окончания войны, в 1945 году, юные художники и их воспитатели вернулись в свой родной город. Многие из них в дальнейшем связали свою жизнь с изобразительным искусством: стали профессиональными живописцами, графиками, скульпторами, архитекторами... Среди них Валерий Траугот, Георгий Рашков, Анна Линцбах, Владимир Прошкин, Кира Суворова, Владимир Петров и другие.

Четыре зимы и три лета, проведенные в Емуртле, оставили в их памяти яркий и незабываемый «сибирский» след. Много лет спустя они продолжали хранить воспоминания о «самых счастливых годах своего детства». И «испытывая тоску по утерянному раю – цветам, травам, запахам, сибирским просторам», мечтали сюда вернуться.

Свидание с Емуртлой состоялось...

На пути в Сибирь

«В первые же дни войны, 5 июля, меня увезли из Ленинграда с интернатом детей ленинградских художников. Поначалу нас устроили в доме отдыха в Ярославской области близ деревни Селищи, это километров пятнадцать–двадцать от города Гаврилов-Ям. Дом отдыха размещался, видимо, в бывшей усадьбе, в большом парке. По парку гулять нам разрешалось, за ограду выходить можно было только с воспитательницей. Детей разбили на несколько групп. Нашей воспитательницей была Татьяна Владимировна Шишмарева, художница детской книги (но об этом я узнал уже после войны). Она, конечно же, тоже водила нас гулять по окрестностям, но я помню нас, сидящих в парке вокруг нее, а она читает нам, переводя прямо с листа, немецкую книжку сказок Гауффа».

Из воспоминаний В.Л. Британишского

«... Этот путь начался на станции Гаврилов Ям в Ярославской области, где мы жили около месяца. После этого нас – детей художников и архитекторов, вывезли одним эшеленом в середине ноября 1941 года в Сибирь. В теплушках мы ехали 40 дней. Приехали на станцию, и нас встретили удивительно тепло, отвезли в школу, там выдали по кружке молока с ломтем хлеба. Попали в большое село и началась нормальная жизнь, полуголодная, но сами о себе заботились – с весны 1942 года собирали крапиву и лебеду, что-то разрешали есть из подножного корма». Летом 1942 года дети вместе со взрослыми стали обрабатывать отведенные им 3 га земли, вырастили урожай и сами себя обеспечили овощами, им давали еще с маслозавода сыворотку».

Из воспоминаний В.В. Прошкина

«В конце ноября интернат увезли в Сибирь, подальше от приближавшейся войны. Где-то возле станции Буй эшелон, который шел перед нами, разбомбили немцы, они залетали далеко за линию фронта. Полмесяца мы ехали в теплушках. Везли нас, по слухам, в Тюмень. Но Тюмень мы проехали, выгрузили нас на станции Заводоуковской, там посадили на грузовики, прикрыли брезентом и повезли к месту назначения, в село Емуртла. На полпути остановились в районном центре, в Упорово, здесь нас покормили и напоили горячим чаем».

Из воспоминаний В.Л. Британишского

Дом на берегу оврага

«Четыре зимы и четыре лета, прожитые в Емуртле, навсегда остались в моём сердце и памяти. За всю свою долгую жизнь я никогда не забывал своё детство, согретое теплом приютивших нас емуртлинцев. Детский дом над обрывом, с которого мы катались на чём придётся. «Школьный дом» напротив дома купца Рякишева* с пожарной каланчою во дворе – место наших «штабов», заросли белены у заборов. Её всегда хотелось попробовать. Дерево, усыпанное майскими жуками. Такого я больше нигде не видел. Незабываемое зрелище – коршуны, кружащие в голубом небе над деревней. Лютые морозы зимой, жаркое лето и бурные весенние протоки на улицах, по которым мы пускали кораблики. И, конечно, Емуртлинка, с её омутами и перекатами, где мы собирали красивые камешки. Емуртлинка, в высоком берегу которой жили стрижи и береговые ласточки.

Департамент культуры Администрации города Тюмени
Муниципальное автономное учреждение культуры города Тюмени
«Централизованная городская библиотечная система»

Центральная городская библиотека
АРТ-САЛОН «НА НИКОЛЬСКОЙ»

Режим работы выставки:
Вторник – воскресенье: с 10:00 до 18:00
Понедельник – выходной день

80-летию снятия блокады Ленинграда посвящается

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ПРОЕКТ

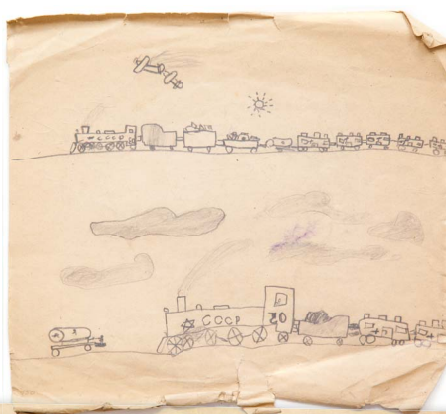
СИБИРСКИЙ СЛЕД

Рисунки. Документы. Фотографии

Из собрания Музея искусства
Санкт-Петербурга XX–XXI веков,
г. Санкт-Петербург

На выставке представлено более ста рисунков детей сотрудников художественного фонда Ленинграда, созданных в с. Емуртла Упоровского района Тюменской области в годы Великой Отечественной войны (1942–1945)

citylib-tyumen.ru
cgbstyumen
#БиблиотекиТюмени

*Здание, где в годы войны
располагался интернат*

Живут ли они сейчас? В Емуртле я закончил первый класс. Сперва ходил в каменную школу в конце деревни. Потом нас перевели в двухэтажную деревянную рядом с клубом».

Из воспоминаний Г.Н. Рашкова

*Белокаменное здание, собственность купца Рякишева, располагалось в самом центре села, на пересечении Почтовой (ныне Советская) и Больничной (ныне Ленинградская) улиц.

Будни и радости

«... Нас поселили в двухэтажном доме, рубленном из сибирской сосны, – по шесть ребятишек в комнате. Жены художников на четыре года стали нашими воспитательницами. Постепенно обзаводились собственным хозяйством – как иначе прокормить более сотни маленьких ленинградцев? Научились сажать овощи, ухаживать за скотом, построили скотный двор. Была и конюшня с лошадьми. (При возвращении в Ленинград лошадей, коров, гусей, поросят и быка повезут с собой в теплушках и отдадут Дому творчества художников в Старой Ладоге). Старшие ребята ездили со взрослыми в лес на лесозаготовки, женщины тоже помогали валить и пилить деревья. Валерий помнит купание в речке Емуртла, притоке самого Тобола, беготню босиком в любую погоду до самых холодов и другие детские радости».

Из воспоминаний В.Г. Траугота

«... Емуртла – это новая для меня деревенская жизнь, несхожая с городской. Учиться в школе мы начинали с октября, в сентябре помогали совхозу убирать коноплю, в конце каждого рабочего дня давали нам от совхоза по куску хлеба (150 грамм), а интернату совхоз давал каждое утро бочку пахты к завтраку, каждому доставалось по стакану».

Из воспоминаний В.Л. Британишского

«... Прозрачная Емуртла, текущая в Тобол, нетронутые густые леса... Когда-то неподалеку проходил печально знаменитый тракт, по которому гнали каторжан и везли декабристов. Рядом с интернатом был овраг с ручьем, иногда там выли волки. Валерий их видел. Запомнил. Как и тех лошадей и коров с очаровательными жеребятками и телятами, поросят, гусей и коз, что имелись в их хозяйстве. Он мог их впервые трогать, гладить и рисовать... Интернатские дети жили в крепком рубленном доме, пахнувшем сибирской сосной».

Из воспоминаний В.Г. Траугота

Село Емуртла и его окрестности

«Мы со Славой Серовым рисовали пейзажи, реку в песчаных берегах, каньон, отмель и обрывы. Что видели вокруг, то и рисовали: труд колхозников, животных – лошадей и коров».

Из воспоминаний В.В. Прошкина

Школьный дом

«... Но самые главные его впечатления все-таки о книгах, лепке и рисовании. Библиотека в школе, где он начал в семь лет учиться,

была на редкость хороша – от Плутарха и Шекспира до русских классиков. Ее собрал директор школы с литературной фамилией Лир, приехавший из Петербурга в Емуртлу еще в 1911 году с университетским значком на сюртуке, чтобы учить уму-разуму сибирских детей. Через тридцать лет ему выпало просвещать ленинградских школьников. В ранние темные вечера, при свете коптилки – электричества и в поmine не было – он читал детям вслух Шекспира, Диккенса, Пушкина, Толстого. Валерий, вспоминая, что Лир поражал обширностью знаний, образованностью, внутренней культурой и утонченной воспитанностью, прибегнул к такому сравнению: «Литературу и историю он знал не хуже Лихачева». Нетрудно представить, что за художественные образы витали в воображении будущего художника книги. Он и сам уже много читал.

Георгий Николаевич, как только появилась возможность, вместе с письмами стал присылать сыну бумагу для рисования в больших конвертах. И вот еще одна радость: печь для обжига глины. Ее оборудовал скульптор Гаврила Александрович Шульц, выбравшийся к ним из блокадного Ленинграда по спасительной ледяной ладожской дороге. Он охотно взял талантливого мальчика в ученики, и Валерий стал сам обжигать вылепленные им фигурки, в основном всякой живности и птичек, за которыми он любил наблюдать, рисовать их и лепить. Так насыщенно прошли для него четыре года».

*Из книги Л. Кудрявцевой, Д. Фомина
«Линия, цвет и тайна Г.А.В. Траугота». –
СПб.: Вита Нова, 2011*

Фантазии на тему...

«... Село Емуртла недалеко от реки Тобол, километров 150 от Тобольска, глухое место, вдали от железной дороги. А село богатое, с каменными зданиями, бревенчатыми избами. Интернат был небольшой. Воспитательницами работали жены художников. Они много читали детям вслух – не было ни электричества, ни радио, ни каких-то развлечений. Зато библиотека хорошая. Хотя и трудно было с бумагой, с красками – конечно, рисовали, все ведь дети художников».

Из воспоминаний В.Г. Траугота

Мир театра. Праздники

Кукольный театр, праздники, игры, сшитые вручную игрушки, конкурсы рисунков – все это для того, чтобы хоть немного напомнить о мирной жизни. А сколько радости приносили...

А в свободное время участвовали в конкурсах, устраивали выставки рисунков, поделок и даже организовали свой театр под названием «МХЕТ» (Малый художественный емуртлинский театр).

Отъезд в Ленинград

«В Емуртле долго не ведали о блокаде родного города, да и о самой победе узнали не сразу – ни газет, ни радио у них не было. В Ленинград и впустили-то не сразу после окончания войны – паспорта выдавали только коренным ленинградцам, да и то не всем. Наконец добились раз-

решения на въезд, снова погрузились в теплушки, и 14 августа 1945 года Валерий Траугот оказался дома».

*Из книги Л. Кудрявцевой, Д. Фомина
«Линия, цвет и тайна Г. А. В. Траугот». –
СПб.: Вита Нова, 2011.*

«... Емуртла, ты надолго вошла в мои сны»

«В возрасте 10 лет, я, городской василеостровский мальчишка, очутился во глубине Сибири – в селе Емуртла, на одноименном притоке Тобола. Это был 41-й год, эвакуация с матерью и сестрой из стремительно сжимавшегося кольца вокруг Ленинграда.

Через три года, когда мы вернулись, я, оставшись один, влез на подоконник городской квартиры, посидел, посмотрел – и ощутил какую-то первобытную тоску по утерянному – цветам, травам, запахам, просторам...

Конечно, это прошло, как прошел и мой сибирский говорок, и ухватки. Но тяга к природе, к естеству нашей земли осталась. Кстати, именно в Емуртле тогда жила и вдова замечательного русского художника А.А. Рылова. С собой в эвакуацию она увезла из осажденного города огромное количество этюдов мужа. Однажды она показывала матери этюды Аркадия Александровича. Я был рядом, конечно, я тоже увидел, и – был шок. Вблизи – видны только мазки. Чуть отошел – все начинало благоухать. Живую природу Рылов чувствовал и изображал изумительно. Это я потом понял, что сначала надо прочувствовать как следует, и только потом изображать, передавать это чувство восторга. Знакомство с этими работами и предопределило окончательный мой выбор профессии».

Из воспоминаний В.В. Прошкина, 2020

*«Снова вьется дорога снежна и бела.
Мне не верится, что я тут,
Где село Емуртла и река Емуртла,
И совхоз «Емуртлинским» зовут.
Я приехал сюда на твое торжество,
Чтоб испить емуртлинской воды,
Под сугробами лет отыскать моего
Голоногого детства следы.
Емуртла, ты надолго вошла в мои сны,
Но сегодня тот сон наяву.
Дорогая мне точка на карте страны.
Ту, что Родиной с детства зову.
Ты была мне приютом и стала судьбой,
Так что сыном меня назови.
Я пришел, Емуртла, на свиданье с тобой
Со словами сыновьей любви.*

А.А. Орелович

ПУБЛИЦИСТИКА

«30 ЛЕТ СОЗИДАНИЯ»

На вопросы журналиста Андрея Фефелова отвечает председатель общественного фонда «Возрождение Тобольска» Аркадий Елфимов

Андрей ФЕФЕЛОВ. Аркадий Григорьевич, Россия содержит в себе несколько вселенных, одна из них – это Сибирь с её древней старой столицей – Тобольском. Каждый раз, мысленно возвращаясь в этот город, прочно связанный с русской историей, русской культурой, я, с одной стороны, ощущаю его величие и красоту, а с другой – помню о драме, которая длится уже не одно десятилетие. Представляя огромную духовную и художественную ценность для нашего Отечества, он в какой-то период времени оказался совершенно брошенным. Когда я впервые смотрел с Троицкого мыса на старый Тобольск, у меня перехватило дыхание, я увидел, как во сне, старую Москву – одноэтажный город с небольшими строениями, в котором видны церковные вертикали. Это храмовая архитектура XVIII века – особое тобольское барокко. Казалось, вот спустишься – и попадёшь в сказку. Но на деле я увидел там колоссальную разруху и множество утраченных, сгоревших деревянных строений. А те, что были сделаны из кирпича и камня, пребывали в страшном состоянии. И перехватывало дух от обиды за то, что мы наше национальное достояние не ценим. Что происходит в Тобольске сейчас?

Аркадий ЕЛФИМОВ. Я бы начал разговор о Тобольске со Пскова, где часто бываю и поражаюсь, насколько он, полностью разрушенный в войну, сегодня такой уютный. В нём 46 церквей, в том числе XII века. И невольно сравниваешь Псков с Тобольском. Почему же мы не смогли сохранить его подгорную часть? К сожалению, от памятников деревянного зодчества мало что осталось, там их уже практически нет. И каменные двухэтажные купеческие дома по главной улице подгорной части тоже сегодня в плачевном состоянии. Правда, Кремль приведён в порядок. Этим в своё время начал настойчиво и упорно заниматься наш губернатор Владимир Владимирович Якушев. Деньги на Кремль тогда были выделены очень серьёзные.

Конечно, за последние годы областная и городская власти немало сделали в подгорной части города. Тобольяки постоянно жаловались на подтопления из-за высокого уровня грунтовых вод. Сегодня там проведена инженерная подготовка, кроме того, туда спустился газ, люди стали строить для себя крепкое и красивое жильё. По государственной программе в подгорной части снесли много аварийных домов, которые особой архитектурной ценности не представляли, жители переехали в новые микрорайоны – уже на гору. Построен новый аэропорт...

Андрей ФЕФЕЛОВ. Аэропорт – это очень мощная туристическая инициатива...

Аркадий ЕЛФИМОВ. Да. До Омска теперь лететь всего час. А там, к примеру, при Областном музее изобразительных искусств имени М.А. Врубеля создан Центр «Эрмитаж-Сибирь». Разрабатываются спе-

циальные программы культурного обмена: омичей повезут посмотреть Тобольск, а наши жители поедут знакомиться с Омском. Выстраиваются новые связи, маршруты. Туризм на это очень сильно повлияет. И сейчас стоит задача – дальше восстанавливать наш древний город. Ведь туристы сегодня в основном собираются на площадке у Кремля. Хочется их и на Панин Бугор вывести, и подгорную часть показать.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Но я, к сожалению, видел, как в подгорной части города появились элитные особняки, построенные «под старину» и, скорее всего, без какого-либо архитектурного надзора. Поэтому сегодня для восстановления этой волшебной шкатулки – старого Тобольска – требуется выстраивать выверенную с точки зрения исторического наследия особую логику. Есть ли для этого какие-то законодательные инструменты? Понимают ли местные власти, что Тобольск можно сделать такой же драгоценностью, как Суздаль или Плёт?

Аркадий ЕЛФИМОВ. Сегодня подобные вопросы поднимаю уже не только я. Приезжают туристы. Например, Фёкла Толстая к нам группы состоятельных людей привозит. И не только она. Раньше их, наверное, отправляли на водопады Игуасу на границе Бразилии и Аргентины, а теперь – в Тобольск. Как-то мы обедали с главой города, и с одним из туристов получился такой разговор. Он спросил: «Почему в подгорной части Тобольска все крыши домов покрашены в разный цвет, как лоскутное одеяло? У вас есть главный архитектор города?» – «Нет». – «А главный художник?» – «Нет». – «Исторический город обязан таких наблюдающих, контролирующих и направляющих специалистов иметь!» Это понимают даже приезжие, но, к сожалению, пока в Тобольске этого нет.

Конечно, на всё нужна добрая воля городских властей. Нынешний глава города Максим Викторович Афанасьев очень много делает – обустроиваются скверы, территории для отдыха. И люди благодарны за изменения. Но как-то я предлагал ему поднять горожан, чтобы привести в порядок, обиходить участок под горой. Например, во Пскове я проезжал в автобусе мимо воинской части и видел, что там старый железобетонный забор закрыли туями. Казалось бы, чего проще – подобное можно сделать и у нас. Для этого нужно пробудить людей от равнодушия к судьбе города, поднять их с мест, дать добрый совет, подсказать, как лучше его обустроить. Но пока такая инициатива у нас не приживается. Надеюсь, в будущем всё поменяется. Правительство области сейчас вкладывает очень серьёзные деньги в трассу Тюмень – Тобольск. Ждём, что от этого будет серьёзный результат.

Андрей ФЕФЕЛОВ. У меня есть задумка сделать на канале «День» рубрику «Достояние империи» – про территории или, может быть, артефакты, объекты, которые могли бы сильно играть на привлечение людей. Дело здесь не в коммерции, не в туристических ресурсах, а в том, чтобы воссоздать ощущение своего – своей Родины, своего наследия, основания, откуда можно прыгнуть в будущее. Тобольск стратегически так устроен: есть историческая подгорная часть, которую можно превратить в город-музей, и есть верхняя часть, где в перспективе выстраивается город будущего, авангардный Тобольск. И сейчас надо переосмыслить такую конструкцию, чтобы соединить эти два мира в гармонии. Для привлечения внимания здесь есть и другие удивительные территории. Например, место боя Ермака с Кучумом...

Аркадий ЕЛФИМОВ. Сакральное место русской истории! Отсюда с Чувашского мыса пошла великая империя.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Это одна из важнейших точек прошлого, но про неё тоже мало кто знает.

Аркадий ЕЛФИМОВ. Сейчас, думаю, пришло время говорить о великой истории нашего государства и через летопись города Тобольска. Одно дело – проблемы, которые постоянно возникали и решались, и дальше будет так же, но история уже написана, от этого никуда не деться. Ведь все подвиги наших первопроходцев, казаков, освоение и дальнейшее поднятие Сибири крестьянами – всё это шло через Тобольск. И, конечно, нельзя не упомянуть о нашей величественной храмовой архитектуре. Георгий Васильевич Свиридов, великий композитор и патриот, писал, что лучшие силы русской души были отданы православному храмовому строительству. Наша великая история и культура с её выдающейся архитектурой, великой дворянской литературой XIX века (то, чем я со своим фондом занимаюсь уже почти 30 лет) – это ещё и огромный воспитательный потенциал.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Тобольск – действительно волшебная территория. Здесь всё дышит рускостью. Крестовоздвиженский храм с его восхитительным внутренним убранством, к сожалению, находится в очень плохом состоянии. Я мечтаю увидеть его восстановленным. Помимо знаменитого места, которое описано на картине Сурикова «Покорение Сибири», есть ещё Абалакский монастырь...

Аркадий ЕЛФИМОВ. Да, с чудотворной иконой Абалакской Божией Матери.

Андрей ФЕФЕЛОВ. На другой стороне, рядом с Тобольском, прямо из-под земли бьют термальные источники. Они никак не используются, вокруг них нет ничего – ни санатория, ни каких-то обустроенных мест. Но есть удивительные люди, которые живут в Тобольске. И в наследии города много великих имён, составляющих алмазный венец русской культуры. Здесь родились Менделеев, Ершов, Алябьев. То есть Тобольск может стать частью русского паломничества. Важно только сфокусировать на этом внимание. Важное место в Тобольске – Дом губернатора, где в ссылке пребывал Николай II со своей семьёй. Что с ним сейчас?

Аркадий ЕЛФИМОВ. Там открыт замечательный музей благодаря правительству Тюменской области. Очень серьёзный вклад внесён Анной Витальевной Громовой, возглавляющей фонд «Елизаветинско-Сергиевское просветительское общество», который помог нашим музейщикам с современными сильнейшими экспозиционерами. Сегодня это лучший музей в Тобольске. Экскурсоводы говорят, что при рассказах о великих княжнах и цесаревиче-наследнике здесь каждый второй посетитель плачет.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Но ещё есть и Тобольский музей-заповедник – великолепный краеведческий музейный комплекс. А также нельзя не сказать о фонде «Возрождение Тобольска». Как развивается ваше детище?

Аркадий ЕЛФИМОВ. Нашей общественной благотворительной организации уже почти три десятка лет. Каждый год мы делаем отчёты о проделанной работе. На благотворительные программы тратится 15–17 миллионов рублей в год. А о нашем книгоиздательском проекте знают от Камчатки, Чукотки и до столицы. Издания доходят до крупных культурных центров, таких как Российская государственная библиотека. Мы сотрудничаем с директором Государственной публичной исторической библиотеки России Михаилом Дмитриевичем Афанасьевым. Часто проводим там свои презентации, передаём в эти крупнейшие собрания наши книги. Работаем и с библиотекой Эрмитажа. В своё время мы издавали труды Семёна Ульяновича Ремезова...

Андрей ФЕФЕЛОВ. Надо пояснить, что это один из отцов-основателей Тобольска. Как картограф, он практически ошупал всё пространство вокруг него и создал там основание для продвижения многих проектов.

Аркадий ЕЛФИМОВ. Да. Каждые пять лет мы печатаем каталог всех наших изданий. В общей сложности сейчас у нас выпущено около 300 книг разными тиражами. Мы сделали 20 уникальных книжных проектов с иллюстрациями лучших художников сегодняшней России, с вклеенными офортами, раскрашенными вручную. С нами сотрудничал, к примеру, заслуженный художник Российской Федерации Николай Иванович Домашенко. В замечательном исполнении мы выпустили сказку «Конёк-Горбунок», издали «Евангелие Достоевского». Все эти проекты – образцы книжного искусства. Такую оценку дают нашей работе авторитетные люди в культурном пространстве сегодняшней России.

Фонд «Возрождение Тобольска» передал 20 книг из этого проекта в библиотеку Администрации Президента РФ. Их основные фонды расположены на Старой площади. А есть ещё небольшая библиотека с круглым столом посередине в резиденции Владимира Владимировича Путина, рядом с его рабочим кабинетом. В числе этих 20 мы подарили уникальное издание – совместного проекта нашего фонда и Российской государственной библиотеки. Это эксклюзивный двухтомник «А.П. Чехов. Остров Сахалин» – факсимильное издание, включающее оптико-электронную реконструкцию авторских черновиков. Специалисты РГБ сделали экспертизу рукописи, изучили в ней все исправления, зачёркивания, даже те, которые совсем не видны. Мы ввели в научный оборот 10% неизвестных частей рукописи Чехова. Теперь благодаря высокотехнологичному оборудованию и трудам экспертов автографы классика стали доступны всем исследователям и поклонникам творчества Антона Павловича. Издание стилизовано под дорожный чемодан прошлого века, в который «уложены» два тома «Острова Сахалин».

В прошлом году мы издали очень дорогой каталог этих 20 книжных изданий. В него включён также объёмный том текстов, поскольку вышло довольно много ценных рецензий и эссе по поводу наших книг. И это очень поможет специалистам, библиотекарям, читателям. Недавно по приглашению я был на празднике книги в Пскове и передал от фонда псковской библиотеке несколько десятков книг, в том числе и этот каталог. Библиотека, кстати, носит имя Валентина Яковлевича Курбатова, с которым вы впервые приехали в Тобольск и сажали липы в нашем парке.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Кажется, всё это было совсем недавно, но уже становится мифом, историей...

Аркадий ЕЛФИМОВ. Как-то при встрече Александр Андреевич Проханов с большой ностальгией говорил мне, что, казалось, совсем недавно в Пскове собирались вместе два десятка великих людей, и он находился в этой замечательной плеяде – Саввы Ямщикова, Валентина Курбатова, знаменитого псковского кузнеца Всеволода Смирнова. Хотя не все они жили в Пскове. Теперь из этой компании остался только он один. А Савве Ямщикову сейчас в центре исторического Пскова поставлен памятник.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Ещё из этой плеяды вспоминаются Пётр Павлович Осовский и Семён Степанович Гейченко. Такие люди попадали в Псков и оставались там навсегда. Но всё же мне кажется, что сегодня про Псков знают и рассказывают недостаточно.

Аркадий ЕЛФИМОВ. Тем не менее он до сих пор находится в авангарде защиты наших исторических рубежей. Недавно там открылся Музей истории оккупации и геноцида населения Псковской области. Меня это порадовало, потому что практически 30 лет нас старались примирить с немцами. Вспоминаю выступление Даниила Гранина в Бундестаге, где он говорил, что фашисты – тоже люди. Да нет же – это были нелюди! В том псковском небольшом музейчике рассказывается об эстонских карателях, потомки которых теперь устраивают факельные марши. Пять тысяч деревень было сожжено вместе с расстрелянными жителями. Всё это документально подтверждено подлинными фотографиями и документами. И сегодня настало время расставить точки над i.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Вся перестройка была направлена на то, чтобы стереть грань между своими и чужими и сказать, что нет никаких чужих, все – свои...

Аркадий ЕЛФИМОВ. Кроме того, довольно успешно стирали грань между понятиями, что такое хорошо и что такое плохо. Для многих она уже едва различима.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Да. Это вторая итерация, связанная с новым глобальным проектом культуры, которая просто всё выворачивает наизнанку. Вернёмся к Тобольску. Здесь проявили интерес к такой таинственной и неоднозначной личности, как Григорий Ефимович Распутин, который тоже был связан с этим городом, с селом Покровское. Несмотря на то, что за ним круглые сутки ходила охранка, а его личность рассматривали и в бинокль, и в увеличительное стекло, мы всё равно до сих пор не знаем, что же это был за человек.

Аркадий ЕЛФИМОВ. Да, разобраться сложно. В селе Покровское сегодня работает его частный музей, а также есть отдельная экспозиция, она же библиотека, книг о нём. Может, конечно, кому-то это интересно, но у народа и без того мозги разнесены в разные стороны. Все прошедшие 30 лет специально делалось всё, чтобы атомизировать человека. Издавали ложные учебники, огромные тиражи псевдоисторических книг Фоменко и Носовского, поэтому нам сегодня надо сосредоточиться. Хватит развле-

каться какими-то анекдотами об истории. Люди не знают элементарных вещей. Когда я вожу экскурсии по своему парку, то часто напоминаю гостям высказывания русских мыслителей, которые, в частности, писали, что нет более великой государственности в истории человечества, чем русская – на протяжении 1160 лет. Это нужно освещать как можно чаще и ярче.

Сейчас фонд «Возрождение Тобольска» готовит книгу блистательного историка Ивана Павловича Каменецкого о Сибири XVI–XVII веков. Он написал о казаках-первопроходцах. Если задать вопрос: «С чем можно сопоставить их подвиг?» – я всегда отвечаю: «С героизмом первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина». Наши казаки прошли до Тихого океана и присоединили Сибирь к России. Метко сказал об этом Валентин Григорьевич Распутин: «Казаки-первопроходцы, наскоро пройдя Сибирь насквозь, простёжив её боевыми острогами, словно бы подшили её к России». Это историческая правда, и именно такую историю нужно давать людям. А у Фоменко и Носовского откуда что взялось? За огромные деньги из-за рубежа им напечатали толстые книги огромными тиражами. Между тем в российских институтах продолжают работать настоящие историки – преемники советской фундаментальной науки.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Нарботки-то гигантские! У нас есть научные школы, труды. Но складывается ощущение, что все мы ходим по самородку, который завален мусором, и никому не приходит мысль, что под ним – чистое золото.

Аркадий ЕЛФИМОВ. Кажется, что в эту эпоху потребления и рынка люди всё больше хотят играть в игрушки. И историю тоже воспринимают как игру. Не секрет, что для осуществления программы фонда «Возрождение Тобольска» нужны достаточно серьёзные денежные вливания. Председатель нашего попечительского совета Юрий Константинович Шафраник – человек, известный не только в России. Только благодаря попечителям мы можем аккумулировать средства в свои просветительские проекты и двигать их. Многие предприниматели помогают фонду, многие отказываются это делать. В целом парадигма жизни состоятельного человека пришла с Запада, сегодня он поставлен на чётко заданные рельсы. И в голову ему вложена определённая идеология: большой дом, красивая жена, много детей. Всё это хорошо. Дальше – больше: экстремальные путешествия, бильярд, охота, рыбалка. И они кивают на дворян, мол, те тоже охотой увлекались, имели оружейные комнаты, предметы роскоши.

А что же тогда отличало воспитанного человека – дворянина – ото всех остальных? Это умение рисовать, сыграть на музыкальном инструменте, написать в альбомчик эпиграмму или стишок. И парки разбивали дворяне в основном сами, только на крупные дворцовые ансамбли привлекали больших архитекторов. Это были образованнейшие люди своего времени, владевшие 5–6 языками. Охота и бильярд в их повестке дня стояли далеко не на первых позициях. А у нас наоборот: для большинства богатых людей, кроме развлечений, фактически всего остального не существует. Книжки читать не обязательно. А ведь чтение – это душевный труд. Если вспомнить выражение Энгельса «труд создал человека», то именно душевный труд при чтении книги создал мыслящего человека. Иначе все так и остались бы пещерными людьми.

Есть, к счастью, и противоположные примеры. Недавно я присутствовал на открытии выставки графики из коллекции Дмитрия Фролова, искусствоведа, коллекционера, библиофила и, ко всему прочему, депутата Тюменской областной думы. Он рассказывал о своей коллекции, о том, как атрибутировал попавшиеся ему листы графики, купленные на развалах, сколько времени и душевных сил потратил, рассматривая эти замечательные работы художников. Именно такой душевный труд создаёт современную элиту, а не развлечения, когда «прикольнo».

Андрей ФЕФЕЛОВ. Как-то я спросил своего древнего товарища, суждениям которого доверяю и который в какой-то момент времени вошёл в контекст с нашим военным руководством, спецслужбами и чиновниками: «В чём основные проблемы российской власти?» Он отметил, во-первых, что в их действиях слишком много нескоординированных процессов, нет единого центра контроля и принятия решений. А во-вторых, практически у 98% из них нет гуманитарного образования и широкого кругозора, поэтому они не могут объективно оценить огромное количество явлений в мире. В отличие, к примеру, от древних чиновников Китая, которых не случайно науськивали на поэзию, каллиграфию. А также чиновников советского периода, когда гуманитарное образование имело очень широкие возможности и корни. Он прав?

Аркадий ЕЛФИМОВ. Да, всё это имелось. А великую страну мы потеряли тогда, когда чиновники стали больше другого ценить циркуляры сверху. Много ли можно назвать имён сегодняшних госслужащих, которые увлекаются философией, литературой?

За последние 15 лет я открыл приблизительно 200 художественных выставок. Из них – 150 лично в Тобольске. И практически каждый из представленных художников в какой-то степени работал на Запад, но в основном – на Китай, где ещё 30 лет назад ЦК КПК принял постановление воспитывать молодое поколение на китайской традиционной культуре и на всём лучшем, что есть в мире. А это, в том числе, понятное дело, и русское, советское реалистическое искусство. Китайским предпринимателям, даже мелкой руки, выгодно вывозить из России живопись, скульптуры. Если кто-то, к примеру, захочет создать музей русского искусства, то ему на это дадут беспроцентный кредит, половину которого сразу же спишут. За 30 лет они вывезли из России огромное количество замечательных работ современных художников. Это осуществляется с целью, как сделать свой автомобиль лучше, чем мерседес, или как им лидировать в космосе.

Частенько слышу такой аргумент: ничего страшного, раньше мы были хранителями классической живописи и великого реалистического искусства, теперь ими будут китайцы, поэтому, мол, не рви сердце, Аркадий. Где же наша русская справедливость, наш историко-культурный код, доставшийся нам от предков?! Пусть кто-то считает, что я, организовав выставки и выпуская книги, просто выпускаю в гудок, в никуда свои возможности и какие-то деньги. Но я не останавливаюсь, продолжаю делать то, что делал все 30 лет. Думаю, всё равно это как-то аукнется со временем. Всё это должно присутствовать в нашей жизни, предприниматели должны ходить и на такие выставки, и по мастерским художников, дружить с ними, что-то покупать у них для себя... Иной раз думаю, ну, недалёкие! Ведь не вы нужны художнику – они живут красивой интеллектуальной жизнью, а вам нужны эти образованнейшие люди, создающие шедевры!

Андрей ФЕФЕЛОВ. В 1990-е и в 2000-е годы всегда присутствовало ощущение этакого крика в пустоту. И никаких надежд на то, что что-то поменяется, не было. Ан нет! Так что и вам нужно продолжать всё делать с тем же упорством и тем же яростным вдохновением. Было бы интересно, к примеру, узнать, какова судьба 300 деревьев в высаженной вашими усилиями липовой роще?

Аркадий ЕЛФИМОВ. С сентября 1994 года я начал закладывать парк на пепелище бывшего Дома отдыха, где к тому времени образовалась самая настоящая свалка, «мерзость запустения» (из Ветхого Завета). Почти 300 видов деревьев и кустарников я перевёз сюда из ботанических садов Новосибирска, Барнаула, Екатеринбургa, Тюмени. Были и посадки саженцев из местных лесов. Кедр замечательный у нас растёт. По наивности своей строительной сначала думал, что достаточно воткнуть саженец в землю и дело сделано. Но оказалось, что за ботанической коллекцией нужен очень серьёзный уход. И я этим до сих пор постоянно занимаюсь. Уже выращено более 8000 деревьев и кустарников.

Сегодня в Тобольске наш ботанический сад «Ермаково поле» – одно из самых привлекательных мест, в том числе для туристов. Это приятно. Но парк я ещё продолжаю развивать. Он посвящён истории города Тобольска. Там на холме очень эффектно стоит часовня в стиле домонгольской Руси. Она создана по проекту архитектора Алексея Витальевича Белоусова в честь Димитрия Солунского. И это не случайно. Победа Ермака над войсками Кучума в битве на Чувашском мысу, открывшей России путь в Сибирь, произошла в день памяти великомученика Димитрия Солунского. Теперь рядом с часовней установлен каменный Поклонный крест дружине Ермака. Многие мои гости-художники говорят, что такое монументальное сооружение не стыдно поставить и на Красной площади в Москве.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Расскажите, пожалуйста, про именные деревья в этом парке. Есть ли в нём ваше дерево?

Аркадий ЕЛФИМОВ. Моё тоже есть. Сегодня в этой мемориальной липовой роще высажено почти 300 деревьев. Самое первое посадил в 2002 году Валентин Григорьевич Распутин. Есть дерево Валентина Яковлевича Курбатова и липа Андрея Александровича Фефелова – вы вместе тогда приезжали. Растут деревья, посаженные Владимиром Николаевичем Крупиным, Александром Андреевичем Прохановым, Фёдором Филипповичем Конюховым, Юрием Михайловичем Поляковым, многими другими замечательными людьми. Савва Васильевич Ямщиков всё собирался в гости, но, к сожалению, так до меня и не доехал. Поэтому мы вместе с Александром Андреевичем Прохановым посадили дерево в честь Саввы.

Парк продолжает развиваться. В нём появляются новые беседки и памятники. Особенно красиво здесь осенью, когда вся эта ботаническая коллекция создаёт необычно яркий пир красок.

В парке «Ермаково поле» мы открыли памятник священномученику протопопу Аввакуму в честь его 400-летия. Он жил в Тобольске, был в ссылке и служил здесь почти год. Автором скульптуры стал заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств Сергей Мильченко. Вся неистовость Ивана Грозного и протопопа Аввакума бы-

стро переходила в некое покаяние, смирение, и скульптор сделал фигуру Аввакума с руками, сложенными на груди, в его глазах прорисована просто какая-то нечеловеческая, космическая скорбь. Памятник небольшого размера, но исполнен необычно и производит очень сильное впечатление. На открытие приезжал владыка Корнилий, митрополит Московский и всея Руси Русской Православной Старообрядческой Церкви, поэтому его дерево в липовой аллее тоже есть.

Андрей ФЕФЕЛОВ. В этой липовой аллее собраны все мы вместе. И когда нас не будет, эти деревья станут общаться между собой, будут шелестеть на ветру и переговариваться. Это уже будет другая история. И, наверное, кто-то наиболее чуткий услышит наши голоса – даже спустя 100 лет.

Аркадий ЕЛФИМОВ. Сейчас я должен получить из печати первый выпуск книги по липовым посадкам. Это первые 49 лип, а объём – более 550 страниц. Огромный том! Очень много фотографий, текстов. Валентин Григорьевич Распутин написал очень красивое эссе, фактически, гимн городу – «Возвращение Тобольска». А вступительную статью я попросил написать Проханова. Но вместо этого он просто наговорил свой текст на диктофон. Я был поражён, насколько талантливо это было сделано и не нуждалось ни в какой редакторской правке. Слова Александра Андреевича я поместил не только в книгу, но и около лип в парке. Сюда приводят экскурсии и читают этот замечательный текст. В нём как раз говорится о том, что кто-то из тех, кто сажал эти липы, ещё жив, кто-то уже ушёл. Но ушедшие от нас свои знания, опыт, мечтания перенесли в деревья, сами переродились в них. И всё это – в честь нашей великой России.

Андрей ФЕФЕЛОВ. На самом деле, никакой труд не напрасен, ничего не исчезает в информационном поле. Любое слово, книжка обязательно дойдут до читателя. Массовая информация важна на какой-то момент времени. Но глубинная культура капиллярна. И ваше издание, возможно, попадёт в руки какого-то мальчика – будущего государственного деятеля или художника, и он расцветёт образами, знаниями, смыслами. И продолжится ваше дело, наше дело. Так развивается культура, так развивается цивилизация. И так развивается наша страна. От сердца к сердцу.

Аркадий ЕЛФИМОВ. Спасибо, Андрей Александрович. Я тоже думаю об этом. В нашей книжной серии «Тобольск и вся Сибирь» уже почти 50 книг. В неё вошли четыре тома «Северный морской путь», где показано 10 веков великого русского подвига по освоению Арктики. Получилась такая мини-энциклопедия. И сменяются поколения, но на таких книгах будут воспитываться новые Русские Герои.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Огромное спасибо за беседу!

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Галина МАНАЕВА

ТЮМЕНЬ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: СВЯЗЬ ВРЕМЕН, ХРОНИКА, СУДЬБЫ, ПОРТРЕТЫ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Культурологические заметки

*Тюменским просветителям
посвящаю*

Вместо предисловия

В отечественной культурологии ни один термин не утверждался так долго и мучительно, как определение «серебряный век». Состав литераторов, наполнявших его своим искрометным, вызывающим, легким, пленительным, мудрым творчеством, до сих пор остается незаконченным. Наиболее полным исследованием признана русская книга слависта Омри Ронена (1937–2012) «Серебряный век как умысел и вымысел», посвященная эпохе русского модернизма, в которой писатель четко и глубоко исследует этот период.

Еще античные классики Гесиод и Овидий считали смену эпох по «металлургическому» принципу: золотой, серебряный, медный и железный. Критику Петру Александровичу Плетневу принадлежит первое именование эпохи Жуковского, Батюшкова, Пушкина и Баратынского «золотым веком» русской поэзии. Серебряный век, длившийся с 1880 по 1920-е годы, стал в России ярчайшим периодом расцвета литературы, живописи, балета, инженерной и научной мысли, театра, архитектуры. Н.А. Бердяев называл начало XX столетия русским культурным ренессансом. Его формировали и преумножали отечественные светочи не только на родине, но и в эмиграции.

Хронологический этап уникального культурного феномена многие выдающиеся литературоведы обозначали по-разному. Например, Дмитрий Святополк-Мирский ограничивал рамками творчества Фета, Некрасова и Алексея Толстого. Этой же концепции придерживались философы Владимир Соловьев и Василий Розанов.

Первым литератором, объявившим эту эпоху Серебряным веком, был Глеб Марев, очертивший в 1913 году в «методичке» стадии отечественной литературы в таком порядке: Пушкин – золото; символизм – серебро; современье – тускломедная Вседурь. Ему вторил публицист Р.В. Иванов-Разумник (1878–1946). В статье 1925 года «Взгляд и нечто» второй период русского модернизма, расцвет которого пришелся на 1920-е годы, он окрестил «серебряным веком», предрекая дальнейший закат русской культуры.

В 1929 году в предисловии к своим воспоминаниям «Встречи» поэт и критик Владимир Пяст (Владимир Алексеевич Пестовский (1886–1940) дополнял размышления Иванова-Разумника. Имя литератора не слиш-

ком известно широкому читателю. Пяст – поэт-символист, регулярно выступал с публичными лекциями о современной поэзии, являлся завсегда-тем литературных объединений «Бродячей собаки», «Академии стиха», первого «Цеха поэтов».

Поддержал его и первым распространил термин, применив к описанию всей предреволюционной эпохи модернизма в России, Николай Авдеевич Оцуп (1894–1958): «Запоздавшая в своем развитии Россия силой целого ряда исторических причин была вынуждена в короткий срок осуществить то, что в Европе делалось в течение нескольких столетий. Не-подражаемый подъем золотого века отчасти этим и объясним. Но и то, что мы назвали «веком серебряным», по силе и энергии, а также по обилию удивительных созданий, почти не имеет аналогии на Западе: это как бы стиснутые в три десятилетия явления, занявшие, например, во Франции весь девятнадцатый и начало двадцатого века». В переработанной пестовской статье в лексикон русской литературной эмиграции Оцупом введено понятие «серебряный век», которое встречается в статье «Черт» Марины Цветаевой и «Поэме без героя» Анны Ахматовой. А термин «серебряный век», долгое время отрицаемый в советском литературоведении, сейчас рядовой классификационный термин.

Данная статья состоит из двух основных частей и нескольких подразделов, имеющих самостоятельное значение, но объединенных единым концептуальным замыслом. В этом номере публикуется первая глава.

В глубь веков с волнением гляжу

В Тюмени «серебряный век» впервые был употреблен значительно раньше, в описании первого герба Тюмени. 28(17) марта 1785 года он высочайше пожалован императрицей Екатериной II: *«В верхней части щита герб Тобольский, внизу в синем поле серебряная река с плывущей по ней с золотой мачтой судном, называемом дощаником: в знак того, что от сего города начинается плавание по рекам всей Сибири»*. Период рубежа веков характеризуется значительным прогрессом в промышленной политике. Важную роль в преобразении Тюмени как важного экономического региона сыграла особая плеяда крупных талантливых организаторов производства, патриотов края, краеведов, меценатов.

Они становились во главе города, избирались гласными местной думы, входили в состав многочисленных попечительских советов, устанавливали деловые контакты с зарубежными бизнесменами. Среди них – Текутьев Андрей Иванович, Подаруевы Прокопий Иванович и Иван Алексеевич, Колмогоров Филимон Степанович, Иконников Иван Васильевич, Шешуков Кондратий Кузьмич, Машаров Николай Дмитриевич, Войнов Иван Петрович, Памфилов Алексей Федорович, династии Колокольниковых, Новоселовых, Черепановых, Гилевых, Трапезниковых. Выдающиеся горожане Чукмалдин, Высоцкий, Игнатов, Бурков, Михалев, Афромеев и многие другие знаменитые люди вписали славные страницы в тюменскую летопись и всей России. В данной публикации о некоторых ключевых фигурах рассказывается подробнее, а одновременно к повествованию «подверстывается» информация о некоторых особенностях современного процесса, о творцах, подхвативших знамя просвещения и активно продвигающих культурное наследие Тюменской области.

Прислушайся к красноречию столетия

Для успешной реализации крупных проектов купцы объединяли капиталы, создавали товарищества. Активно привлекали грамотных инженеров, архитекторов, изучали и закупали передовые зарубежные технологии, устанавливали средства связи. В конце XIX века в городе функционировали общественный банк, телефонная станция на 50 номеров. Открыто движение поездов по первой в Сибири железной дороге из Екатеринбурга в Тюмень. В 1864 году построены первый в Сибири водопровод, в 1889 г. – первая электростанция. Вводятся в строй чугунолитейный, пеньково-канатный, мыловаренный, винокурный, мукомольный, крахмальный, свечной заводы, суконная, ковровая, бумажная фабрики. Открываются пожарное депо, ипподром и конезавод.

Предприниматели Памфиловы построили ферму породистых молочных коров. Молоко перерабатывалось на заводе с паровым двигателем в сливочное масло и сыры на английском и немецком оборудовании. Безукоризненно действовала лаборатория для оценки качества молока и готовой продукции. В 1893 на судостроительном заводе Гуллета спущено на воду первое пассажирское судно «Кормилец». А 19 мая 1891 года на средства купца И.П. Войнова открылся первый в Тюмени и Сибири родильный дом (ул. Володарского, 17).

Неизменным символом успеха тюменских предпринимателей остается литые тюменские колокола, чей малиновый звон (эпитет придумал император Петр Первый) разносился над соборами и церквями от самой дальней деревни, расположенной вдоль Сибирского тракта, и до Иерусалима. Тюменские купцы, создавая экономический фундамент, одновременно заботились о формировании культурных традиций, ростки которых «прорастали» еще до золотого века, когда тщательно изучались древние рукописи в церковно-приходских заведениях, славяно-русской школе.

Живые свидетели прошлого

*Архитектура – тоже летопись
мира: она говорит тогда, когда
уже молчат и песни, и предания.*

Николай Васильевич Гоголь

Самой завораживающей страницей периода Серебряного века Тюмени можно назвать деревянное зодчество, оцененное сегодня как уникальное достижение исконного промысла. Богатые земляки не жалели средств для строительства своих домов, усадеб, грамотно используя эстетику европейского стиля «модерн». Воплощал их замыслы и фантазии талантливый архитектор – Константин Павлович Чакин (1875–1958). В 2025 году исполнится 150 лет со дня рождения Константина Чакина.

Мы, дети 40–50-х годов, выросшие в деревнях и селах вокруг Тюмени, жили в таких домах и особо не задумывались об их исторической значимости. А уж о том, что тюменская резьба заключают в себе таинственные зашифрованные послания и знаки, нам и в голову не приходило.

Летопись деревянной архитектуры Тюмени как художественное явление начинается с 1586 года. Сегодня сохранилось более 70 домов деревянного модерна, многие из которых реставрированы и восхищают гостей и жителей оригинальным убранством, уникальной рельефной,

скульптурной, барочной резьбой, лепниной, портиками. Можно бесконечно любоваться фасадами в пять и семь оконных осей, наличниками и ставнями с ажурной кружевной отсрочкой и остролистыми розетками, балкончиками, крылечками. Правы те, кто утверждает, что архитектура, в сущности, то, с чем природа не справилась. Вот ее и называют то застывшей музыкой, то молчаливой математикой.

В 1905–1919 годах Константин Павлович создал десятки архитектурных объектов, единицы из которых сохранились до наших дней. Среди них – Текутьевская больница, Ремесленное училище и Коммерческое училище Колокольниковых.

Первым современным инициатором сохранения памятников тюменской старины стал Вадим Макарович Шитов (1948), убежденный, что *«тока бы сохранить, что осталось. И передать это детям – научить исконным промыслам, чтобы хотя бы кто-то сохранял уважение и любовь к ремеслу. И необязательно они станут профессионалами, но будут знать, чем занимались их предки. Надо, чтобы у наших детей было что-то родное, чтобы они чем-то дышали, видели красоту, росли духовно...»*. В 1993 году мастер-реставратор обзавелся собственной мастерской «Мних». За годы работы удалось восстановить около тридцати объектов, воссоздать храмы, основываясь на сибирских традициях. Вадим Шитов написал книгу «Резная мелодия Тюмени», где рассказал о сохранённых его мастерской памятниках.

Экспозиция «Серебряный век Тюмени», открытая 29 июля 2022 года по инициативе историка и краеведа Валерия Александровича Чупина на Текутьевском бульваре, рядом с литературно-краеведческим центром, стала емким, убедительным свидетельством непреходящего значения и важности исторических знаний. Необходимо также отметить, что первый альбом «Деревянная резьба Тюмени» выпустила тюменский искусствовед Нели Хазимухамедовна Шайхтдинова.

В Тюмени на рубеже веков проживало около 30 тысяч человек, а каждый второй житель не умел читать и писать. Образование стало насущной потребностью местных властей. В 1789 году в Тюмени открылось первое Малое народное училище, а к началу XX века действовало 28 учебных заведений.

В 1879 году Иван Яковлевич Словцов (1844–1904) возглавил Тюменское Александровское реальное училище. На пароходе из Омска он привез более 30 сундуков со всевозможными коллекциями и экспонатами, собранными им в ходе археологических и этнографических разведок и обмена опытом с зарубежными коллегами. В конце XIX века словцовское собрание сравнивали с лучшими европейскими музейными коллекциями.

В училище И.Я. Словцов преподавал естественную историю и географию, результатом его педагогической деятельности явились два учебника: «Краткая физическая география» и «Обозрение Российской империи сравнительно с важнейшими государствами». Ученый проводил раскопки вокруг Тюмени, совершал поездки в Тавдинский, Пермский и Туринский края. Иван Словцов неоднократно обращался к городским властям с просьбой о предоставлении здания для размещения коллекций, но не получив ответа, продал Н. Чукмалдину. Купец вернул приобретенные сокровища древностей в училище, пополнив своими экспонатами. Окончательно коллекция разместилась в четырех залах Александровского училища. Так, в Тюмени появился музей. Сейчас коллектив Тюменского музейно-просветительского объединения» (ТМПО) в преддверии 180-лет-

него юбилея, который будет отмечаться в ноябре 2024 года, предпринял выпуск многотомного собрания трудов Ивана Словцова. Вышел первый том-образец полиграфического мастерства и научного стиля. Достойный подарок 80-летию со дня образования региона.

В Тюмени жил и преподавал в реальном училище известный сибирский ученый П.М. Головачев (1862–1913) – автор многих работ по истории, экономике и географии Сибири: «Сибирь: природа, люди, жизнь», «Экономическая география Сибири», «Тюмень в XVII столетии». В дальнейшем – приват-доцент Московского университета, член Стокгольмской академии наук. В городе два года – с 1851 по 1853 – жил, работал смотрителем уездного училища Николай Алексеевич Абрамов, выдающийся этнограф, исследователь, автор более 100 научных работ, в том числе очерка о Тюмени.

Писатель Михаил Пришвин учился по приглашению своего дяди, судовладельца Игнатова Ивана Ивановича в Александровском училище, которое успешно окончил в 1893 году. Иван Иванович, не имея семьи, надеялся увидеть в нем своего наследника, но юноша не захотел остаться в Тюмени. Свои впечатления о пребывании в городе будущий классик описал в автобиографической повести «Кашеева цепь», в которой не содержится ни одного слова, кроме иронии, благодарности своему дяде.

Тюменское общество в поисках «чистых удовольствий»

*В час, когда пьянеют нарциссы,
И театр в закатном огне,
В полутьне последней кулисы
Кто-то ходит вздыхать обо мне...*

Александр Блок

Из всех искусств наиболее основательно в Сибири прижился театр, основанный в самом начале XVIII столетия митрополитом Тобольским Филофеем Лещинским с учениками архиерейской школы.

Священнослужитель писал стихи, о чем стало известно после знакомства с его деловой документацией. Порой в минуты вдохновения, чтобы успеть записать пришедшую мысль, он использовал распечатанные конверты входящей корреспонденции. Он знал многие комедии, трагедии и драмы на библейские темы, служа экономом Киево-Печерской лавры, и успешно себя проявил в роли первого режиссёра. В Тобольске театральную премьеру показали 8 мая 1705 года. Напомним, что первый спектакль в России состоялся 17 октября 1672 года в период царствования Алексея Михайловича Романова, прозванного «Тишайшим» (1645–1676). По историческим меркам эти даты практически находятся рядом.

В Тюмени первое сценическое действие жители увидели 27 декабря 1857 года (по новому стилю 9 января 1858-го) в зале уездного училища. В постановке принимали участие купцы Решетников и Прасолов, сам городской голова Кондратий Шешуков, дочери купчих Злобиной и Юдиной, а также два учителя Садков и Яковлев. Играли они, как писали «Тобольские губернские ведомости», русскую пьесу с танцами: «*В Тюмени благородный спектакль! До сих пор главным развлечением в Тюмени были карты, а на другие удовольствия тюменцы смотрели, как на ересь. Еще недавно тамошнее купечество считало за грех позволить своим дочерям протанцевать кадрили на каком-нибудь вечере. А тут купеческие*

дочери – на сцене... Веселые пиры, на которые тюменцы так усердно убивали свой досуг, начинают, видимо, терять свою обаятельную силу, общество ищет более чистых удовольствий».

Театральная затея имела ошеломительный успех. Самодеятельные артисты на протяжении года собирали полные залы. Теперь в здании бывшего уездного училища (ул. Семакова), где горожане XIX века смотрели «благородные спектакли», располагается один из административных корпусов ТГУ. 1890 год стал ключевым в истории становления тюменского театра. Тогда купец Андрей Иванович Текутьев взял организацию представлений под опеку. В 1892 году на свои средства он перестроил под театр одно из находящихся в его собственности зданий по улице Иркутской (ныне Челюскинцев). В нем ставились такие произведения мировой классики, как «Кин, или Гений и беспутство» Александра Дюма, «Отелло» Уильяма Шекспира, «Горе от ума» Александра Грибоедова. В текутьевском театре выступали оперные певцы – Владимир Иванович Касторский, солист Мариинского театра Андрей Маркович Лабинский, учившийся в Тюменском Александровском училище и занятый в хоре Знаменского храма.

В 1902 году Андрей Иванович организовал первый в Тюмени кинопоказ короткометражек французского кинорежиссера Ж. Дерсена. Позже, после пожара, здесь появился двухэтажный жилой дом. Через несколько лет на месте бывшего кинотеатра «Победа» и будущего кинотеатра «Темп» возродился новый театр под названием «Камерный», который радовал поклонников одиннадцать лет. А позднее один из соляных складов переоборудовали под театр, благополучно просуществовавший до 2008 года. Современное здание находится на площади 400-летия Тюмени.

Как известно, Андрей Текутьев воплотил в жизнь и другие социальные объекты. В своем доме на углу улиц Водопроводной и Хохрякова разместил три народных училища, построил здание ремесленного училища для мальчиков с литейной мастерской, пожертвовал 1000 рублей на строительство тюремной школы. В 1902–1916 гг. на общественных началах являлся церковным старостой тюменской Спасской церкви. В 1912 году за значительный взнос на развитие российской авиации стал обладателем памятного знака «Орел с самолетом и Андреевским флагом» от российского комитета по усилению воздушного флота.

Не обошел вниманием руководитель города (правление Андрея Ивановича в этой ипостаси длилось с 1899 по 1911 годы) и 100-летний юбилей А.С. Пушкина, который широко отмечался во всем мире. В 1899 году, выступая на заседании Тюменской городской думы и рассматривая вопрос о порядке празднования пушкинского праздника, Текутьев обратился к собравшимся со следующими словами: *«Мы собрались по случаю заявлений многих лиц о необходимости открыть в Тюмени бесплатную народную публичную библиотеку с наименованием её «Пушкинской», причём некоторые из них предлагают своё содействие к изысканию кредитов для осуществления библиотеки путём добровольной подписки и устройством любительских вечеров, и я, со своей стороны, также присоединяюсь к этим заявлениям и полагаю, что городская дума, вероятно, тоже не откажется».* Городская дума утвердила доклад Текутьева и перечень мероприятий, с ним связанных: *«26 мая, накануне праздника Вознесения Господня, отслужить панихиду по усопшему писателю Пушкину в Соборно-Благовещенской церкви. 27 мая. Для учащихся устроить литературное утро с угощением и выдачей книги сказок А.С. Пушкина.*

28 мая при общедоступной плате за вход устроить любительский спектакль». В честь юбилея поэта он открыл и первую бесплатную библиотеку, распахнувшую свои двери в том же здании театра. В 1919 году она переехала в Зареку, на улицу Мостовая, 11 (ныне ул. Щербакова), где и находится по сей день. А с 30 июля 2021 года она носит имя А.И. Текутьева. Наша справка. 13 мая 2020 года при реставрации Спасской церкви найдены останки купца Текутьева Андрея Ивановича. Этот факт установлен лабораторией антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН по результатам идентификационной экспертизы останков по нескольким методикам. 12 августа 2023 года останки А.И. Текутьева перезахоронены в Спасской церкви.

Напомним, что предки Александра Сергеевича Пушкина появились в Сибири очень давно – в конце XVI века – кто добровольно, а некоторые отправлялись в ссылку. Например, Пётр Тимофеевич Пушкин возглавлял Тюмень в 1627–1629 годах. Эта тема требует отдельной статьи, и она обязательно появится, ведь 2024 год – юбилейный – 225-летие со дня рождения поэта.

Надежда Лухманова и Петр Рогозинский: судьбы, ставшие историей

Небывалый интерес у зрителей того времени вызвали спектакли по пьесам местных литераторов: «Сибирский Риголетто» Надежды Лухмановой и «Сброшенные оковы» Петра Рогозинского.

Основателем тюменской женской прозы рубежа XIX–XX веков по праву считается Надежда Александровна Лухманова (урожд. Байкова; 2 декабря (14 декабря) 1844, Санкт-Петербург, Российская империя – 25 марта (7 апреля) 1907, Ялта, Российская империя) – потомственная дворянка, автор 50 романов, публицистических статей, пьес, переводов. Изучение творчества Лухмановой началось в Тюмени в 1950-е годы. Первыми исследователями названы преподаватели Тюменского государственного педагогического института, ученые Полонский Лазарь Вульфович (1912–1993) и Беспалова Лариса Георгиевна (1922–2015).

Перу Беспаловой принадлежат книги о литературе Тюмени XIX века, декабристах, современных писателях. Внимание краеведов привлекли произведения Лухмановой не только интригующим сюжетом, широким социальным рисунком, но и способностью выразить психологическое состояние действующих лиц. Тюменский издатель Юрий Мандрика переиздал ее роман «Очерки из жизни в Сибири».

В начале 1880-х годов Лухманова вышла замуж за инженера А.Ф. Кологорова и несколько лет прожила с ним в Тюмени. После развода вернулась в Петербург. Она печаталась в петербургских газетах, редактировала журнал «Возрождение», работала военным корреспондентом. Перевела на русский язык около двадцати пьес французских авторов. Когда началась русско-японская война, Надежда поехала на Дальний Восток в качестве сестры милосердия и корреспондента газет «Петербургская жизнь» и «Южный край». После возвращения последние годы жизни провела в Крыму.

Петр Александрович Рогозинский (1843–1922) родился в дворянской семье. Получил хорошее образование, владел основными западноевропейскими языками. В Кронштадте служил правителем канцелярии морского порта, издавал и редактировал популярную в морских кругах

газету «Кронштадтский вестник». В ней он однажды напечатал статью, повествующую о неблагоприятных делах некоторых членов семьи императора, за что и был сослан в Сибирь.

Петра Александровича сопровождала молодая жена, поскольку первая супруга не захотела делить тяготы сибирской ссылки. Евгения Алексеевна поддерживала мужа, разделяла его революционные взгляды, сама играла в спектакле по популярной пьесе.

Журнал «Ермак» в юбилейной статье о Рогозинском от 28 апреля 1913 года писал о премьере: *«В Тюмени им написана драма «Сброшенные оковы», отличающаяся большими сценическими достоинствами и прекрасным языком, сыгранная в Тюмени, несмотря на цензурные урезки и слабый состав исполнителей, с большим успехом»*. Что интересно, рукопись пьесы позже была обнаружена в личной библиотеке Льва Николаевича Толстого с надписью на титульном листе: «Великому писателю земли русской, дивному источнику правды – графу Льву Николаевичу Толстому посвящает труд свой автор. Тюмень, 1908, август».

В Тюмени литератор сотрудничал с газетами «Русское слово», «Петербургский листок», «Уральская жизнь», на страницах которых отстаивал интересы простых рабочих, давал для них бесплатные юридические консультации. И они отвечали ему большой любовью и уважением. После истечения срока ссылки Рогозинский, несмотря на помилование, остался в Тюмени. К нему приезжали верные друзья, в том числе и «русский Нельсон» вице-адмирал Макаров Степан Осипович.

В семье родилось пятеро детей. Их сын Александр прожил всю жизнь в Тюмени, в первые годы тщательно скрывая дворянское происхождение. Работал на заводе пластмасс и отличался добротой, обходительностью и теплотой во взаимоотношениях с людьми. Есть его воспоминания об отце. А племянница Евгении Алексеевны – Нина (дочь ее родной сестры Ольги Алексеевны) впоследствии вышла замуж за писателя-романтика Александра Грина, побывавшего в тюменской пересыльной тюрьме. Подробности о жизни семьи можно прочесть в романе В.Е. Копылова «Окрик памяти».

Виктор Ефимович (1932–2019) – крупный ученый, ректор ТИИ, которым руководил 19 лет, ввел новый термин «техническое литературоведение». В 1988 году Виктор Копылов возглавил НИИ истории науки и техники Зауралья, ставший средоточием научно-технической и инженерной мысли человечества за последние полтора столетия. Виктор Ефимович вспоминал: «Я начал собирать экспонаты в 1964 году. Такой коллекцией, как история радио и телевидения с 1895 года и до наших дней, не располагает даже политехнический институт в Москве». Потом безвозмездно передал ее родному институту. А другой подвижник – Егоров Сергей Иванович – стал хранителем уникального музея тюменского отеля «Восток».

К 30-летию создания Всероссийского фестиваля «Дни русской духовности и культуры «Сияние России» (Иркутск)

ВСЕЛЕННАЯ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Эссе

*...крепость такой духовной кладки
В. Распутин «На Афоне»*

Николай КОНОВСКОЙ

1. Несостоявшаяся встреча

Трезво сознавая, что осмысление жизни и творчества Валентина Распутина намного превосходит мои слабые силы, я всё же, в том числе и поддавшись на уговоры, взялся за эту рискованную работу. Почему? – ответ отчасти может содержаться в четверостишии известного поэта-фронтовика:

*«И хочется, как чару к чаре,
К его плечу подать плечо.
И от родства, и от печали
Бог знает, от чего ещё».*

В моём случае, наверное, от духовного родства, от нашего несметного русского богатства, но и от обездоленности тоже. И ничего, что Валентина Григорьевича нет с нами уже восемь земных лет, духовное общение и беседы – глаза в глаза – продолжают, ведь, как известно, «у Бога нет мёртвых, у Бога все живы»...

Моему поколению, благоговеющему перед «живыми» писателями и роняющему пот со лба при встрече с ними, как когда-то Есенин перед Блоком, свойственно было видеть в них едва ли не богов во плоти; сейчас такого нет, может, потому что нет, как многие считают, большой литературы, к тому же всё идёт так, как почти двести лет тому назад предвидел Евгений Боратынский в стихотворении «Последний поэт»:

*Век шествует путём своим железным;
В сердцах корысть и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчётливей, бесстыдней занята.*

У меня было две почти встречи с Валентином Распутиным, расскажу о первой.

В то время я литературу прочно забросил, считая, что есть занятия более важные, но происходящим в литературном мире интересовался. Конечно, ни о какой встрече с Распутиным тогда я не помышлял.

И вот однажды, ближе к зиме (помню снег густой, почти метель) где-то, наверное, в начале десятых, вздумалось мне отлучиться со службы, может, за водкой, а это было чревато. И вот я в своём старом бушлате (донашиваю до дыр и лохмотьев старые вещи), огибая стены Даниловского монастыря, направился к ближайшей «точке». Не успел перейти трамвайные линии, как у начала монастырских стен увидел... Распутину. Я так

понял, что он спрашивал у случайных прохожих, как ему найти гостиницу Даниловского монастыря. «Вот он, шанс, – подумал я. – Сейчас его в гостиницу отведу, а по дороге и побеседую».

Но не тут-то было! Живого классика у меня из-под носа похитили какие-то узнавшие его расторопные богомолки. Конечно, я был огорчён, но утешил себя тем, что бог знает кому, когда, что и сколько давать.

Была у меня с ним и вторая встреча в марте 2015 года, но эта встреча была уже совсем печальная.

2. Печальник земли русской

*И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.*

А.С. Пушкин

В Библии рассказывается о том, как Господь явился пророку Илии – не в землетрясении, не в громе и молнии, не в урагане, а в веянии тихого ветра. К чему это я? К тому, что человек создан по образу и подобию Божию и несёт в себе, если их сам не отторгает, все светлые божественные свойства Творца. Так и тишайший Валентин Распутин, сидящий в самом дальнем уголке на писательских секретариатах, уступающий дорогу в коридорах всем, идущим ему навстречу, заботливо опекающий своих младших литературных братьев (здесь уместно вспомнить человека непростой судьбы, бывшего детдомовца Эдуарда Анашкина, его пронзительно достоверную книгу «В.Г. Распутин» «Документальная повесть о нашей дружбе»), мог явить и противоположное мягкости и тихости качество – бескомпромиссную твёрдость. В 1990 году он подписал «Письмо писателей России», в июле 1991 «Слово к народу», в 2001 «Остановить реформы смерти». А мы ведь хорошо помним эти времена, помним, с какой ужасающей частотой, непонятно как, из окон правительственных зданий один за одним вылетали ответственные работники ЦК. Думаю, Распутин вполне осознавал свою такую возможную перспективу, но это его не останавливало, и, наверное, всё же хранил Господь избранных своих. Более того, с трибуны съезда он заявил: «Сегодня мы живём в оккупированной стране, в этом не может быть никакого сомнения. То, чего врагам нашего Отечества не удалось добиться на полях сражений, предательски совершилось под видом демократических реформ... Чужие голоса в средствах массовой информации, чужая любовь и чужая архитектура городов и посёлков – всё почти чужое, и если что позволяется своё, то в скудных нормах оккупационного режима...»

Вдумчивый и серьёзный исследователь феномена уже советской крестьянской России, а, значит, и её виднейшего представителя писателя Валентина Распутина, Николай Дорошенко в своей статье «Распутин: русская душа и русский характер» пишет: «В своём инстинкте возрождения порушенная революцией и двумя мировыми войнами Россия открыла миру свои уже самые последние, свои самые потаённые, тысячу лет невидимые и неслышные человеческие хранилища – крестьянские». Действительно так, но существует и настоятельно требует ответа вопрос по Есенину: «Куда несёт нас рок событий?» Одну предельно печальную, а, может, и безвыходную перспективу рисует нам невинно убиенный та-

лантливый поэт Николай Мельников в переворачивающем душу стихотворении «Поставьте памятник деревне»:

*«Поставьте памятник деревне,
Чтоб показать хотя бы раз
То, как покорно, как безгневно
Деревня ждёт свой смертный час...»*

*Ломали кости, рвали жилы,
Но ни протестов, ни борьбы,
Одно лишь «Господи помилуй!»
И вера в праведность судьбы».*

Сложно, очень сложно писать о творчестве Валентина Распутина, глаза разбегаются, глядя на всё это литературное великолепие, и трудно остановить свой взгляд на чём-то одном. Но, пожалуй, начну с этапов его творческого пути.

Первая книга Валентина Распутина «Край возле самого неба» (уже чувствуется, может, ещё не вполне явленная, духовная направленность писательского взгляда, не правда ли?) вышла в Иркутске в 1966 году.

В 1967 году в Красноярске была издана книга «Человек с этого света». В том же году повесть «Деньги для Марии» была опубликована в иркутском альманахе «Ангара», а в следующем году вышла отдельной книгой в московском издательстве «Молодая гвардия». Далее у Распутина пошли вещи, которые можно смело назвать литературной классикой: «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матёрой» (1976), «Пожар» (1985), «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003). В этот список я бы безоговорочно внёс и напечатанный в «Роман-журнале 21 век» № 2 за 2005 год очерк? Эссе? Валентина Распутина «На Афоне»; думаю, что эта монашеская христианская святыня, таившаяся в его груди, и есть явленная миру вершина его творчества...

Валентин Распутин с первых своих вещей зарекомендовал себя не только как безукоризненный стилист, но и как тончайший психолог, от взгляда которого не может укрыться ни малейшее душевное движение его героев. Так, в своём коротком рассказе «Что передать вороне?» он с толстовской достоверностью описывает тонкий и хрупкий внутренний мир своей пятилетней дочки: «Я забежал на исходе дня в детский сад за дочерью. Дочь мне очень обрадовалась. Она опустила по лестнице и, увидев меня, вся встрепенулась, обмерла, вцепившись ручонкой в поручень, но то была моя дочь: она не рванулась ко мне, не заторопилась, а быстро, овладев собой, с нарочитой сдержанностью и неторопливостью подошла и нехотя дала себя обнять. В ней выказывался характер, но я-то видел сквозь этот врождённый, но не затвердевший ещё характер, каких усилий ей стоит сдерживаться и не кинуться мне на шею...»

Известный критик Владимир Бондаренко так сказал об этом рассказе: «Я вспоминаю изумительный гениальный рассказ Валентина Распутина 1981 года «Что передать вороне?» об их взаимоотношениях с дочкой. Это рассказ о самых нежных, откровенных и чрезвычайно хрупких человеческих связях между любимыми людьми. О безграничном доверии пятилетней дочурки к отцу, доверии, которое ни за что нельзя нарушать. Иначе нечего будет передать вороне...»

*«Всё живое особой метой
Отмечается с ранних пор» –*

Писал наш великий национальный лирик Сергей Есенин.

Отмечается, зачастую оставляя после себя на сердце глубокие шрамы и рубцы, добавлю я уже от себя. О чём и о ком это я? Я – об «Уроках французского». Также и о блестящей работе режиссёра Евгения Ташкова, о поразительной пронзительной игре актёра-детдомовца Михаила Егорова, игравшего одиннадцатилетнего Володю, в котором угадывается сам юный многострадальный Валентин Распутин. Свойство писательского таланта Распутина таково, что ему лучше всего удаются герои, стоящие на противоположных возрастных полюсах: дети и старики, скажем так – юная дочка писателя и старуха Дарья. Мы уже говорили о прямом и непростом характере его пятилетней героини (ох, и набьёт такая себе шишек в жизни!). Теперь поговорим о Володе, герое «Уроков французского». Да, Россия, по слову Н. Дорошенко, открыла свои самые потаённые хранилища – крестьянские, но откуда в мире простонародья оказалось столько зла, столько братоненавидения! Володю-то, по-хорошему, надо было всячески опекать и поддерживать, как это делают со своими наши старшие «братья», а его одноклассники чуть ли не сживают со света. Хорошо, рядом добрая учительница оказалась. Кстати, они встретились, когда Распутин стал уже известным писателем, и их дружба продолжалась до самой кончины его учительницы Лидии Михайловны.

Однажды Валентина Распутина в интервью спросили: «В «Уроках французского» есть фраза, которую нельзя не запомнить: «Откуда мне было знать, что никогда и никому не прощалось, если он в своём деле вырывается вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всего ненавидит его тот, кто идёт за ним следом». Вы и сейчас так считаете? Распутин ответил: конечно, это зависть. Она всегда была и есть... Завистников и недоброжелателей у Распутина хватало с избытком, но поделаться с великим писателем они ничего не могли: солнце ладошкой не закроешь.

На вопрос, есть ли у него среди его произведений любимые, писатель ответил, что есть: это «Уроки французского» и «Прощание с Матёрой»...

3. На Афоне

Великий наш пророк и духовидец Фёдор Михайлович Достоевский как-то сказал, что русский человек без православия – дрянь, а не человек. Православие, конечно, ноша тяжёлая и, по земному рассуждению, неприбыльная: надо отдавать и жертвовать, ничего не требуя взамен. Но и это не всё: надо духовно совершенствоваться, нельзя стоять на месте, необходимо грести против течения, ибо встречный поток далеко отбросит тебя назад. Эту истину как никто другой понимал наш человеколюбивый поэт-философ Николай Заболоцкий:

*«Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь».*

Глубокие воды небурливы, течение их спокойно, но глубина их обманчивой глади такова, что и опытному ныряльщику с трудом достать дна.

Такой тихой русской рекой, погружённой в самую себя, а, может, даже тайным монахом в миру, мне всегда представлялся Валентин Распутин, когда я видел его на экране телевизора.

Верно ведь сказано его многолетним другом Эдуардом Анашкиным, что внешне Распутин был замкнут и немногословен, а становился самым собой лишь за письменным столом, в уединении.

И, думаю, его влекло зреющее и требующее исполнения подспудное духовное желание, некогда владевшее Пушкиным:

Монастырь на казбеке

*Высоко над семьёю гор,
Казбек, твой царственный шатёр
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реючий ковчег,
Парит, чуть видный над горами.
Далёкий, возделенный берег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..*

В отличие от «невъездного» Пушкина, выездному Распутину удалось побывать в своём «Монастыре на Казбеке» – на святом Афоне. Валентин Распутин пишет, что многие из русских писателей – Гоголь, Тургенев, Лесков, Достоевский – в своём творчестве обращались к этому вселенскому православному светильнику, а Борис Зайцев, приехавший туда из Франции в 1927 году, написал об Афоне блестящий очерк; писатель-изгнанник как бы заново здесь обрёл свою потерянную Родину.

Почему я считаю «На Афоне» Распутина выдающимся художественным явлением? Потому что в нём в дивной глубине и простоте из самого сердца, истосковавшегося по настоящей, суровой и спасительной благодати, вырвались в классической сдержанности и строгости слова благодарения Творцу за то, что «сподобил увидеть отблеск рая», как сказал в своём стихотворении преподобный Варсонофий Оптинский.

«Только Бог и исчезновение в Боге – так издавна обозначено здешнее служение: на жизнь смотреть сквозь смерть – такова заповедь аскетизма. Полное самоотречение, неусыпная молитва, особый «замок» в себе, недоступный для искушений...» – так видит писатель смысл и содержание жизни афонских подвижников... «На жизнь смотреть сквозь смерть», сквозь земную, я бы сказал, бренность, – разве не об этом главная потаённая суть его творчества?

Вспоминает Распутин среди других подвижающихся и год прожившего среди афонской братии знаменитого философа Константина Леонтьева, но так и не постриженного в монахи. Но кому ведомы пути Господни? Константин Леонтьев с монашеским именем Климент был пострижен в Сергиевом посаде, где вскоре после своего духовного наставника Амвросия Оптинского в 1891 году он и скончался.

Валентин Распутин – не оттого ли, что всё это родное, – мягкими красками, словно бы вполголоса, передаёт атмосферу храма, где идёт служба:

«Храм в полутьме курится свечами, тускло блестит золото икон, едва слышно пробираются к стасидиям припозднившиеся, шелест общего движения, когда сосступают со стасидий и снова занимают свои места. Слушаются дремлющие монахи, измождённые недосыпанием. Грех невелик, тяжело монашеское тягло, да ещё в Великий пост».

Писатель видит и слышит всё происходящее в храме, видит, как монахи соскальзывали со стасидий и распластывались на полу. И себя видит он словно со стороны: «Я повторял их движения слепо и неловко, опаздывая, громко стуча коленками. Но это продолжалось недолго, служба как бы отыскала меня, подхватила, помогая узнавать и понимать все её движения, стало легко и радостно, нахлынул восторг, что наконец-то я здесь, куда нельзя было не приехать».

Главная святыня Афона – Иверская икона Божьей Матери, и Валентин Распутин о встрече с ней обязательно расскажет, а пока послушаем его рассказ об «угольном» образе Спаса: «В соборе Покрова Богородицы показали нам совершенно потемневший «угольный» образ Спаса. Он почернел в неделю в июле 1918 года, когда в Екатеринбурге была зверски уничтожена царская семья. Известие об этом злодеянии дошло до Афона позже, а тогда, ничего не понимая и пугаясь, пытались очистить, проявить нерукотворный образ Спасителя на иконе – нет, в безысходной скорби он так и остался навсегда тёмным».

Даже, казалось бы, бесчувственное дерево почернело, а что сердца человеческие, созданные сострадать? Валентин Распутин делится своими нынешними монастырскими впечатлениями и раздумьями: «В коридоре ни звука. Неужели там, откуда мы приехали, в больших городах огромной несчастной страны, в городах, превратившихся в скопище зла, продолжают сейчас визжать и кричать перед экранами, изощряться в пошлости и бесстыдстве, лезть грязными руками и словами в душу, зазывать в бесконечные игры и викторины с призами... Нет-нет, ничего больше нет и не будет. Так хорошо!» Так неспешно, хотя и было у них всего три дня, наши герои, – а кроме Валентина Распутина в группе ещё были искусствовед и реставратор Савва Ямщиков и оператор Анатолий Пантелеев, – предстали пред чудотворной иконой Иверской Божьей Матери, написанной, по преданию, евангелистом Лукой. Далее дадим слово Распутину, он необыкновенно красноречив:

«В храме тишина, сумрак, кроме нас никого. Монах, сопроводивший нас и показавший ранку на образе, след от удара копьём, вышел, чтобы не мешать нам отдаваться чувствам. Это даже и не чувства, а до жути сладкое и восторженное проникновение (попытка проникновения) в глубь тайны тех времён, когда мир чудесно освятился новыми знаменами и с радостью шёл во имя их на любые страдания. И как не полчаса ли не находили мы сил чтобы оторваться от образа, одно ликозрение которого, одно прикосновение к нему можно считать за чудо. О, Мать Божия, игуменья Афонская, не остави нас, ступивших в Твой Предел, своею милостью».

Всем известна история обретения чудотворного образа; страх преступного, ударившего копьём икону Варвара, кровь, выступившая на иконе после удара, множество спасительных чудес, коим нет числа. Следует сказать, что при царе Алексее Михайловиче был сделан и доставлен на Русь «список» Иверской, помещённый в Новоспасский монастырь и тоже прославленный многими чудесами. Божья Мать во времена испытаний и турецких нашествий на святой Афон говорила падающим духом: «Пока моя икона будет находиться в Иверском монастыре, ничего не бойтесь...

А когда изыду из Иверского монастыря, тогда каждый да берёт свою торбу и грядет куда знает».

Валентин Распутин приводит пример того, как Божья Матерь устрашила турок, требовавших у оставшейся братии драгоценности с её иконы.

«Берите сами, – отвечали монахи. – Берите сами, если не боитесь. Вон сколько на нашей Матушке-Игуменье богатства: и золота, и серебра, и драгоценных камней! Если вам угодно – снимайте». Но турки топтались в дверях церкви и не смели: «Мы не можем к ней подступиться: вон как она на нас сердито смотрит!»

...Свой необыкновенной духовной глубины очерк, написанный в марте 2004 года (а это всегда время Великого поста), Валентин Распутин завершает словами: «...А на Афоне покой и мир; если даже занялась там тревога, она не видна. Подхватываясь из храма в храм, неземными головами звучат песнопения, коим внимает небо; грубых слов и неправды нет и в помине, усердие не имеет иного назначения, кроме благого; святой дух расстилается по лесам и травам...» Таков он наш «деревенский» писатель Валентин Распутин, писатель космически-вселенский, чьё творчество фимиамом восходит к подножию престола Божия.

4. Многими скорбями... последняя встреча

Святитель Игнатий Брянчанинов так объясняет причину скорбей и болезней, находящихся на человека: «Господь посылает верующим в Него многие испытания, чтобы сими испытаниями они более утверждались в вере и в том, как близок Господь ко всем призывающим его». «Легко тебе говорить, наслаждаясь здоровьем, – скажут мне критики. – А ты вот сам возьми и пострадай». «Не таким уж и здоровьем, – отвечу я им. – А потом я говорю не от себя, а от апостольских «Деяний»: «Многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие (14, 22)». К тому же в нашем церковном народе существует твёрдая убеждённость, что не наложит Господь на человека креста, превосходящего его силы. Какое отношение имеет вышесказанное к Валентину Распутину? Самое прямое, ибо последние годы его жизни были сущим мученичеством.

Эдуард Анашкин в своей, уже упоминавшейся книге о дружбе с Распутиным, подступая к описанию недалёких уже бедствий, грядущих на его великого друга, приводит такие слова Виктора Астафьева, сказанные ещё в 2001 году: «Ему как-то трудно всегда давалась и даётся жизнь, а вот старость накатывает с такими бедами».

Беды, драмы, трагедии, житейская и человеческая неустроенность – неужели нет другого жизненного пути для русского писателя? Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, даже достигший возраста патриарха Лев Толстой – кто из них счастлив был вполне в земной жизни? Не ради же красного словца знающий цену слова Пушкин в состоянии, близком к отчаянию, написал:

*«Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана!»*

или другое:

*«И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная».*

Железную руку судьбы или провидения в полной мере испытал и Валентин Распутин. Так, второй сын Распутиных – Роман в детстве умер от пневмонии, надо ли описывать всю глубину горя молодых родителей! Сам Валентин Григорьевич, только начавший выходить на большую литературную орбиту, был так зверски избит на улице какими-то подонками (пробита голова), что долго и болезненно потом восстанавливался. И, конечно, вершиной или глубиной отцовского горя была смерть в авиационной катастрофе в аэропорту Иркутска его любимой дочери органистки Марии, которую поехали встречать жена и старший сын... В морге Марию её мать Светлана Ивановна опознала лишь по цепочке, когда-то подаренной отцом и оплавленному крестику.

Среди множества телеграмм и писем соболезнования было и от Алексея II, Патриарха Московского и всея Руси: «Дорогие Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна! С чувством глубокой скорби узнал о трагической гибели вашей дочери Марии Валентиновны! Примите искренние соболезнования. Православная Москва знала Марию как усердную прихожанку, певчую народного хора Сретенского монастыря и сотрудницу его издательства. Москва музыкальная помнит её как талантливого органиста, вдохновенного исследователя, внимательного педагога. Кроткий и светлый облик Марии останется в памяти всех, кому посчастливилось с ней общаться. Благодарю Бога, что перед своим отъездом, в праздник иконы Владимирской Божьей Матери, Мария исповедовалась и причащалась Святых Христовых Таин, а накануне пела на Божественной Литургии. Всё это вселяет в нас твёрдую надежду на милость Божью. Господь, Своим неизреченным Промыслом, призвавший Марию в вечные обители, да успокоит её в селениях праведных. Вам – силы пережить горе, постигшее Вашу семью. С уважением, – Алексей, Патриарх Московский и всея Руси...»

19 августа в органном зале Иркутской филармонии состоялся концерт, посвящённый памяти Марии, так как на этот день пришлись её сороковины. Об этом событии иркутский поэт Владимир Скиф, знавший многие годы Марию лично, написал полное любви и горечи пронзительное стихотворение, которое даю в сокращении (Н.К.):

*Сырой Иркутск. Костёл старинный.
Сороковины. Дождь идёт.
Органый зал. Он ждёт Марию.
Он каждый год Марию ждёт...
А в небо рано, слишком рано
Звезда Мариина взошла.
Болит, скорбит душа органа
О той, что рядом с ним была...
И вот полёт – к органу или
К иным – Господним берегам...
Чтоб мы Марию не забыли,
Звучит, как Реквием, орган...*

А старость всё накатывала и накатывала своими разрушительными набегами на слабеющего, но не сдающегося воина Христова. Уже и работать Валентин Григорьевич мог только дозированно: один час на всё про всё – или час чтения, или час письма. Чудовищно болела голова, слабела память. Подолгу не выходил из больницы. Но в писательской и обществен-

ной жизни Распутин продолжал по мере сил участвовать, и авторитет его в патриотической среде был неоспорим. Вот уж, действительно, где величие Божье проявлялось и в дуновении слабого ветерка...

Потом как гром с небес пришло сообщение по всем телевизионным каналам, что 14 марта (не дожил одного дня до дня рождения) любимого писателя, заступника и утешителя не стало. В большой печали и с тяжёлым сердцем пошёл я на нашу вторую встречу, она же была и прощанием. Не скажу, что народу в храме Христа Спасителя были толпы, но точно могу сказать, что случайных и чужих там не было. У входа стояла группа писателей, о чём-то вели разговор; среди них узнал Владимира Крупина и Юрия Лоцица. Купил свечу, поставил на канун, стал вглядываться в явственно проступившие сибирские черты дорогого страдальца. И вдруг ощутил какой-то жестокий комок в горле, который никак не мог проглотить... Я вышел из храма... Вскоре, рассматривая в интернете фотографии Валентина Распутина, нашёл его фото с маленькой тогда ещё внучкой Антониной, что явилось неожиданным и для себя самого толчком к написанию сонета «Сонет Валентину Распутину», впервые напечатанный на сайте Русская Народная Линия.

Сонет Валентину Распутину

*Корабль российский вновь разбит
В щепу – изменой и безвольем.
Всё кончено... И он глядит
В грядущее с застывшей болью.
А может, неотступно зрит
За обнажившейся юдолью
Невысказанность, что хранит
В себе сибирское раздолье...
И кто он – русский человек
И мир его – под страшный век,
Попавший – как под горный камень, –
Каких-то двадцать лет спустя
Увидит малое дитя,
Лицо закрывшее руками.*

Светлана ВЬЮГИНА

Собственно, моё знакомство, как и встречи с Валентином Распутиным, объединяла одна площадка – правление Союза писателей России. Некоторые советы этого незаурядного человека и изумительного писателя во многом определили мою судьбу.

Несколько благодарных историй о В.Г. РАСПУТИНЕ

ЛЁГКАЯ РУКА

С Валентином Распутиным я познакомилась на третий день работы в Союзе. Я зашла в приемную к Плужниковой Людмиле Трофимовне, многолетнему секретарю Сергея Михалкова и Юрия Бондарева, надо было оставить на подпись какие-то бумаги. Там за круглым столом, обитым зе-

лѣным сукном, толпились писатели. Рассматривали новые журналы, пили чай. Меня, новенькую сотрудницу, пригласили к столу, и я не отказалась, ведь Плужникова с первого дня взяла шефство надо мной, узнав мои непростые семейные обстоятельства и болезнь сынишки. Я ей призналась, что пришла временно, пока ищу работу по специальности, в газете либо журнале, и что писателей лично никого не знаю, разве что по книжкам, только на трибунах их и видела. И даже немного их побаиваюсь. Вот она, познакомив меня с Валентином Григорьевичем, с улыбкой рассказала про эти мои страхи. Распутин рассмеялся:

– Разве я страшный? Я вот не злой и рука у меня лёгкая.

– А вы правда писатель? – пошутила я.

Все присутствовавшие на чаепитии рассмеялись, и я поняла, что шутка понравилась.

– Писатель, только не раскрученный. А вы кто?

– А я журналист, выпускница МГУ, только без работы. Сын болел, надо было спасти его, а перерыв в 10 месяцев притормозил мое поступательное карьерное движение. Но у меня тоже рука лёгкая. Вот если я про вас, – улыбнулась я Распутину, – напишу, то сразу станете известным.

Деликатно переглянувшись, писатели улыбнулись моей самонадеянности. Гораздо позже я поняла, что молодости и искренности многое прощается...

– Я тоже журналист. Мы коллеги. Так что вы попали, куда надо. Виват! Со временем из журналистов некоторые в писатели приходят. Вот как я, например. А вы сразу, молодая – и в Союзе писателей работаете... Это судьба. Доверьтесь ей, не бойтесь.

Я не знала, что ответить, и жутко покраснела.

– Один-один, ничья! Это писательские дискуссии. Привыкай, не смущайся, – подвела итог Плужникова и отправила меня мыть чашки.

Вернувшись с чистой посудой к столу, я увидела огромный пакет с конфетами для сына. Мои «сочаёвники», будущие лауреаты государственных премий – писатели Шуртаков Семён Иванович, Потанин Виктор Фёдорович, Валентин Григорьевич Распутин – подвели шутливый итог:

– Девушка вы некапризная, скромная, образованная. Не понравится с нами работать, поможем в газету устроиться...

Спустя несколько месяцев после той знаковой встречи, услышав в новостях по ТВ, что за роман «Прощание с Матёрой» Валентин Распутин удостоен Государственной премии СССР, я обрадовалась, как будто с моей лёгкой руки лауреатство Распутину «досталось».

Вся страна в те дни искала и читала книги Валентина Распутина. Талант победил! И без моей лёгкой руки обошлось...

«ЛИШЬ БЫ НЕ ЗАБРОНЗОВЕЛ...»

– Лишь бы не «забронзовел», – такой талантливый, но скромный, с достоинством... – задумчиво прокомментировала Людмила Трофимовна известие о лауреатстве Валентина Распутина. Тот, бывая в правлении, всегда уважительно заглядывал к Людмиле Трофимовне, рассказывал новости и дарил книги. Плужникова гордилась этой дружбой. Да и мне было лестно, когда на заседаниях секретариата, пленумах и просто в правленческих коридорах Валентин Распутин, увидев меня, здороваясь, всегда очень серьёзно спрашивал:

– Ну, что, Лёгкая рука, присматриваешься к писателям или, быть может, сама пробуешь писать?!

Как в воду глядел... Я начала работать в приёмной комиссии и, продолжая сотрудничать с журналами, потихоньку взялась и за детские рассказы. Держала какое-то время это в тайне, ведь быстро поняла, как непросто издать книгу, вступить в СП. Иногда Распутин заходил в приёмную на чай. Но не ко мне, а к Семёну Шуртакову и Виктору Потанину, когда те приезжали-приходили на заседания приёмной комиссии. Они дружили! Попадала иногда под эти лучи дружбы и я. Но больше в этих беседах помалкивала. К тому же в приёмной все знали, что я начала печататься в «Мурзилке», но по моей просьбе этот факт со «взрослыми» писателями временно не обсуждался. В один из таких визитов Валентин Григорьевич пришёл с двумя внушительными коробками. В одной – виртуозно упакованные эклеры, в другой – «Птичье молоко», очень модный на тот момент торт.

– Это – моя благодарность Лёгкой руке. Узнал, что консультант приёмной комиссии вступающих иркутских литераторов чаем и пирожными щедро угощала...

При этих словах Валентин Григорьевич сдержанно, одной головой изобразил шутливый полупоклон в мою сторону.

– Как? Что?! – наши ахи и охи под аккомпанемент бокалов... К тому же выяснилось, что некоторое время назад был принят в Союз писателей родственник Распутина – поэт Скиф Владимир Петрович.

Распутин и Скиф женаты на родных сёстрах, Светлане Ивановне и Евгении Ивановне! Вот уж, воистину, мир тесен... Ну, хоть бы полсловечка сказали, намекнули. Ни один, ни второй...

И хоть бытует мнение, что скромность в творческой среде не в моде, но я свидетельствую, что по крайней мере двух абсолютно скромных литераторов я в своей жизни встретила.

ДРУЖБА НЕ ЗНАЕТ СЧЕТА

«Дружба не знает счета, как и любовь» – эта сентенция хорошо известна философам и мудрецам. А вот в жизни бывает по-разному. Хотя мне вот жаловаться грешно. Моя школьная подруга Любовь Антоновна Хованская, архитектор и просто талантливый человек во всём и всегда, протянула мне руку помощи, когда в борьбе за жизнь сына мы победили, и пришла пора возвращаться в социум. Дело в том, что его величество Случай помог: фронтовик, прозаик, литературный консультант правления СП – Дугинец Андрей Константинович гостил в семье моей подруги и, узнав о моей истории, решил вмешаться, помочь мне, дочери фронтовика. При том, что порекомендовал он меня заочно: увидел первый раз уже в правлении. Задумывалась работа для меня как временная. А вышло так, что почти всю жизнь и проработала в приёмной комиссии. Но это другая история. А в нашей речь пойдёт о дружбе Эдуарда Анашкина и Валентина Распутина. Длина их дружбы – тоже вся жизнь.

Они первый раз встретились на известном Читинском семинаре молодых писателей. Валентин Распутин был официальным участником, Анашкин – гостем. Но так же, как и все, Эдуард Константинович сидел на семинарах, знакомился, участвовал в обсуждениях, потом переписывался долгие годы с некоторыми семинаристами. Публикации

серьёзные только намечались. На этом семинаре Распутин пообещал Эдуарду Анашкину подарить свою первую книгу. Переезд Анашкина из Читы в Самару, в глубинку, жизненные обстоятельства развели семинаристов на долгие годы... И вот Случай. Эдуард Анашкин вступает в Союз писателей, начинает бывать в правлении. Меня и его «сдруживают» поездки к иконе «Всецарица» в Старо-Алексеевский монастырь, совместные чаепития (мы оба кофеманы). К тому же мой ныне покойный муж был в ту пору редактором журнала «Россия молодая» и частенько печатал одаренного Анашкина. Так вот, узнав что я время от времени по приёмным делам общаюсь с уже ставшим очень известным (а потому и малодоступным) Распутиным, Эдуард Константинович попросил телефон своего давнишнего товарища. По моему мобильному телефону они сразу и договорились встретиться у метро «Кропоткинская». Анашкин, правда, по-дружески мне признался, что боится, вдруг изменились оба (он и Распутин) и не узнают друг друга.

Я пообещала проводить его на встречу. Самое трогательное, что Валентин Распутин с такой же просьбой обратился ко мне. Просто я не стала Анашкину об этом рассказывать. У меня по сей день стоит эта картина перед глазами – прислонившийся к какой-то афише задумчивый Валентин Распутин... Я подтолкнула Анашкина к Валентину Григорьевичу и увидела, что два семинариста мгновенно узнали друг друга. Обнялись. Начали что-то записывать, меняться адресами. А я стала спускаться в метро и последнее, что увидела, как они озираются, ищут меня, а потом идут к храму.

ЗАЩИТА НА СЕКРЕТАРИАТЕ

Теперь уже за чайным столиком в 14-й комнате (тогдашнее расположение приёмной комиссии) Валентин Распутин частенько вёл беседы с Эдуардом Анашкиным. Он опекал своего товарища поначалу, написал Эдуарду Константиновичу предисловие к книге «Запрягу судьбу я в санки». Стал приглашать на Иркутский праздник Русской духовности и культуры «Сияние России». Не только опекал, но и гордился тем, что в гору пошел литературоведческий талант его друга из семинарской юности. Всем рассказывал о библиотеке, которую Эдуард Анашкин создал на общественных началах в селе Майское для односельчан. Дарил ей самые лучшие свои книги.

Распутин ввёл Эдуарда Константиновича в свой круг единомышленников – познакомил-подружил с Владимиром Крупиным, Станиславом Куняевым, Николаем Ивановым, Семёном Шуртаковым, Валерием и Мариной Ганичевыми, Игорем Яниным, Сергеем Котьяло...

Распутин с Анашкиным почти каждый день перезванивались, навёрстывая упущенное для общения время. Когда Валентина Григорьевича бестактно хвалили за помощь земляку-сибиряку, тот спокойно и с достоинством отвечал:

– Один мой знакомый детский писатель любит декламировать: «Дружба не знает счёта...»

Мне было лестно, что меня цитировал большой писатель, но я ни в каком страшном сне не могла себе представить, что и мне уготовано испытание, став свидетелем которого Распутин не промолчит, заступится. А дело было так...

На одном из секретариатов мне поручили вести протокол, так как заведующая протокольным отделом отпросилась к врачу. Секретариат был расширенным, много известных писателей на нем присутствовало, в том числе и из других городов. Планировали, в частности, и некоторые спорные приёмные дела рассмотреть. Но вдруг сразу после открытия слово взяла тогдашний пресс-секретарь Л., человек сколь одарённый, столь и, скажу мягко, напористый. Про таких говорят, «по головам идёт» к цели. Она и политикой активно занималась (и успешно занимается!).

Л. торжественно изрекла, что создается то ли комитет, то ли отдел патриотической направленности и нужен толковый технический исполнитель – на месяц, в крайнем случае, на два под её руководство. Я эти сентенции добросовестно записывала до тех пор, пока не прозвучала моя фамилия. Л. предложила Валерию Ганичеву* командировать меня на месяц под её руководство! Это тем более удивительно, что с женской частью коллектива Л., в основном, не здоровалась, а общалась, используя исключительно крепкие выражения!

– А что, приёмная комиссия закрывается? – собрав всё мужество, спросила я.

Не буду повторять ушат воплей, вылитых на мою уже не девичью голову в ответ на вполне резонный вопрос. Но это только укрепило меня в своем решении отстаивать своё право на выбор.

– Давайте рассудим! Союзу это надо? – осторожно изрёк дипломат Ганичев.

Валерий Рогов, секретарь правления, замечательный прозаик и член приёмной комиссии, встал и голосом опытного журналиста-международника заметил:

– А почему в таком тоне предлагается передавать сотрудника в другое учреждение, даже не поговорив с ним предварительно?! У нас что, крепостное право?

Свою долю ярости от разъяренной дамы Л. получил и Рогов. Стало тихо, мне показалось, что всем было неловко. О своих эмоциях умолчу. Не о них сейчас речь. И вот тут встал Валентин Распутин. А он уже был не тем молодым журналистом-писателем, с которым я познакомилась на заре своей «карьер».

Он и в Общественном Совете при президенте поработал, и, обладая несомненным авторитетом у писателей, стал инициатором внеочередного съезда, на котором и был избран председателем Ганичев, а сам он сопредседателем. Валентин Григорьевич и меня, когда-то начинающую чиновницу, со временем вступившую в Союз, на совещании молодых писателей стал величать по имени-отчеству, да, собственно, я и видела в те годы Распутина очень редко, так как его уровень стал недостижимым для многих, а уж тем более для меня.

– А почему такой сыр-бор на ровном месте? Приёмная комиссия работает слаженно. А что за новый подкомитет, так это сначала надо разобраться, прежде чем дрова ломать, а тем более кадровыми сотрудниками раскидываться, – спокойно, медленно выговаривая каждое слово, Валентин Распутин потушил так и не начавшуюся дискуссию.

Возмущённая (и, наверное, расстроенная) Л. выскочила из кабинета, вытирая злые слёзы. Я не могла выскочить и успокоиться за дверью, так как писала протокол, но помню комок в горле до сих пор... В этой суете я даже не сообразила, как подойти к Распутину и выразить свою благодарность за защиту, ведь после секретариата он был окружён друзьями,

коллегами, секретарями. А потом вспомнила, как он цитировал – «Дружба не знает счёта...» и успокоилась. Ну, думаю, будет ещё время.

... Но если о чём я сегодня жалею, так это о том добром, благодарном, невысказанном – друзьям и современникам, по воле Спасителя оказавшимся со мною рядом в трудные минуты.

МАМИН ОБРАЗОК

Мама умерла вслед за папой, но перед смертью была некоторое время прикована к постели. Почти перед самой смертью она разделила библиотеку, которую собирала всю жизнь, между нами, своими детьми, а мне вручила образок Иверской иконы Божией Матери с напутствием никогда с ним не расставаться. Долгие месяцы я этот образок с помощью друзей и мастеров реставрировала. Чинился серебряный оклад, заменялся бархат, всё это тянулось довольно долго, а потом, вспомнив наказ покойной мамы, стала носить образок с собой в сумочке. Иногда я в трудные минуты доставала образок, прикладывалась к нему и просила о помощи, потом, бережно поместив его в бархатный крохотный футляр и зажав в руку, брала на ответственные мероприятия. Это была моя тайна-тайна.

В один из дней мы в правленческом коридоре пересеклись с Валентином Распутиным. Он выглядел огорчённым, после нападения нелюдей и серьёзной травмы у него случались сильные головные боли. Я не знала, как помочь, и довольно глупо пошутила:

– Надо с кастетом по тёмным улицам ходить.

– Да уж... – вздохнул Распутин. – Вот, еду сегодня на консультацию к светилу. Как всё пройдёт?! – и из вежливости добавил:

– Лёгкая рука, а у тебя не кастет ли сейчас зажат в ладошке?

Я раскрыла ладонь и показала мамин образок. И в порыве сострадания предложила Валентину Григорьевичу взять его с собой на консультацию, для поддержки. Распутин вынул образок иконы Иверской Божией Матери из мягкого бархатного футляра, благоговейно приложился к нему и попросил разрешения подержать его в руках до отъезда. Я разрешила и заверила, что всё теперь точно устроится.

Через минут пятнадцать, уезжая к «светилу», Распутин подтвердил, что голова стала болеть меньше, и наказал мне мамино сокровище из рук не выпускать и обязательно об Иверской иконе Божией Матери, о маминском образке, написать, а также обо всех чудесных случаях, с ним связанных. Я пообещала, да так и не написала...

Пользуясь случаем «памятных рассказов» о Валентине Григорьевиче, я начала это делать сегодня...

Светлая и вечная память воину Христову, Валентину Распутину!

Эдуард АНАШКИН

ПЛАМЯ КНИЖНЫХ СТРАНИЦ

Говорят, что в непростые темные времена особенно видно светлых людей. А я добавлю – и светлые стихи. Глубокий смысл есть в том, что очень многие шедевры советской поэзии военного времени написаны не о войне, а именно о минутах мира и счастья. «Соловьи, не тревожьте солдат», «Бьется в тесной печурке огонь» и многие другие стихи, ставшие песнями, словно подчеркивают, что жизнь и мир стоят того, чтобы даже умереть за них. Эти шедевры поэзии военного времени, над которыми время не властно, имеют ярко выраженный лирический свет, греющий душу, чтобы не ожесточилась она, не зачерствела во времена тяжких испытаний человека на прочность. Не открою секрета: пронзительная лирика лежит в основе самого сурового патриотического стихотворения. Без лирики и романтики патриотизм превращается просто в лозунги...

Такие и многие другие мысли приходят в голову, когда знакомишься с творчеством поэта Вячеслава Девяткова, уроженца северной таежной глубинки далекой и во многом загадочной для жителей «материковой» России Тюменской области. Потомок древних поморов, коренных жителей русского севера, отправившихся в свое время в поисках лучшей доли за Урал, этот поэт несет в себе ту неповторимую лирическую интонацию, что поневоле заставляет читателя вспомнить певучесть и неувядаемую свежесть севера, что подобна сказке.

*«Из бедного детства, из давней поры, // Из юных ночей и тумана,
// Плывут мне навстречу, горя, как костры, // Живые цветы
Зурбагана! // Я точно уверен, что он где-то есть, // И мне туда
стоит вернуться, // В большом дирижабле проплыть суток
шесть, // И в дебрях жасмина проснуться. // ...Романтика
странствий, ты мне так близка! // Вся жизнь моя – трепетный
парус. // Уходят друзья, пролетают века, // Но я в Зурбагане
останусь! // Ищите меня в Зурбагане моем! // Там солнцем стоит
озаренный // У самого моря мой маленький дом, // На улочке,
камнем мощенной. // Ищите меня среди волн и штормов, //
Играющих лодкой рыбацкой... // Я в мой Зурбаган возвратиться
готов // Всей жизнью моей холостяцкой...»*

Север и есть наш русский Зурбаган, сказочный, неповторимый, непостижимый и вечно живущий в душе, как мечта... Вячеслав Девятков очень яркий романтический поэт, что удивительно, в наше прагматичное прозаичное и суровое время, когда жесткий реализм не позволяет нам любить сказки. Но не позволяя себе верить в сказки, возможно, мы теряем ту силу народного сознания, что в них сокрыта. Какие цветы загадочного Зурбагана, когда сподручнее забежать по пути в цветочный отдел и приобрести там букет на любой вкус и цвет?! Но эти цветы, что пылают в стихах Вячеслава Девяткова, цветы особенные, их не купить ни за какие деньги. Они даются лишь избранным поэтам, романтикам, чтобы они напоминали нам о том, что человек живет не только на земле, по которой ходит и на которой крепко стоит. Но и растет в небо, которым дышит.

Внешне биография Девяткова самая обычная для писателя, весьма далекая от образа романтического лирического героя. Армия, учеба в тюменском университете, работа в пресс-службе Министерства внутренних дел, активная журналистская деятельность с юности и по сей день... Правда, все годы с юности душа поэта не дремала в авторе книги «В лучах незыблемой звезды». Девятков имеет опыт выступлений в самых различных аудиториях, на самых различных площадках. Он выходил к людям как поэт и как бард. Кто-то, возможно, и воспринимает его больше как барда. Но читая его стихи, не обремененные музыкальным и вокальным сопровождением, лично я вижу в нем именно поэта, которого можно и нужно читать, а не только слушать. И мне как человеку, что не слышал Девяткова-барда, конечно, куда уместнее говорить о нем, скорее, как о поющем поэте.

*«Напои, если можешь, меня чистой, // Лепестками черемух,
проточной водой, // Деревенским свеченьем звезды за окном, //
Зачарованным пеньем в тумане ночном. // Напои, если можешь,
меня тишиной, // Убегающей к солнцу тропинкой лесной, //
Голосами забытых неведомых птиц, // Обжигаящим пламенем
книжных страниц. //... Напои меня шелестом русских берез, //
Чтобы я этот шелест с собою унес, // И сияньем дождей, и красою
детей, // И курлыканьем кротких, как жизнь, журавлей...»*

Лирико-романтический поэт Вячеслав Девятков, при всей яркой выраженности романтической направленности своего поэтического творчества, является автором двух публицистических книг «Завещание Финиста» и «Вода живая и мёртвая». В самих названиях книг слышатся древние былинные символы русской силы, неискоренимые в каждом из нас, кто хоть единожды, пусть даже в детстве, прикоснулся душой к тайне русских сказок. Если говорить о поэзии, то в творческом активе Девяткова четыре поэтических сборника – «Я там, где свечи», «Я верю музыке моей», «Напиток из Солнца». И вот новая книга стихов – «В лучах незыблемой звезды».

*«Возвращается русское, чистое, // Позабывтое нами давно, //
Дорогое, родное, лучистое, // То, что предками было дано! //
Возвращается доброе, русское, // Из каких-то таинственных
стран, // Напоенное светлою музыкой, // И огромное, как
океан! // И опять и танцуют, и светятся, // Избавляя глаза
от тоски, // Наша русская зимушка-девица, // наших русских
полей васильки! // Возвращается сердцу отрадное! // И звенит,
и поет, там и тут, // Несказанное и ненаглядное, // От чего
снова слезы текут...»*

Светлая музыка... Именно благодаря ей творчество Вячеслава Девяткова навеивает ассоциации с творчеством Николая Рубцова. Умение слушать музыку слова – редкое умение, не каждому, даже даровитому поэту подвластное... Публикациями Девятков не обижен, его стихи в разное время видели свет в «Литературной газете», «День литературы», одном из лучших в России альманахе «Врата Сибири», газетах «Наше время», «Тюменская правда», «Московский комсомолец» и других. Издания очень разные, как видим. Но музыка и есть то, что сближает разное, напоминающая этому разному об изначальной родственности. Неудивительно, что

с Вячеславом активно сотрудничают композиторы, превращая его стихи в романсы и песни. Да, именно светлая музыкальность в первую очередь обращает на себя внимание в творчестве этого поэта.

«Унесу я февральскую стужу твою // В голубую звенящую даль, // Там фаготы, валторны и флейты поют, // Там цветет и бушует миндаль! // Новым тайнам объятья свои распахни, // Будь смелей, вдохновенней, светлей! // Посмотри, как сверкают над морем огни // Уплывающих вдаль кораблей. // Там распахнуты двери, раскрыты сердца, // Льется с неба немеркнущий свет, // И в саду – голоса, голоса, голоса // Птиц, которых нигде больше нет! // И сияет земля, и ликует душа, // Прорастая кленовой листвой, // словно чудом воскресли, над прахом кружа, // Все, кто были любимы тобой. // словно боль и печаль превратились в любовь, // В кристаллический звездный магнит. // Закрываешь глаза, и над сумраком вновь // То ли снег, то ли счастье летит».

Автор этих строк как-то признался, что поэзия для него – продолжение песни. И тут вспомнишь, что первыми-то поэтами на Руси были когда-то сказители, странники-гуслиры, называемые детьми Бояна, они делились со слушателями самыми сокровенными словами, но делали это под музыку. Стихи Вячеслава Девяткова подобны слаженному оркестру, в котором не просто звучат, не просто поют, а именно солируют, ничуть не мешая друг другу, валторны и фаготы, февральские метели и птичьи голоса. И автор, как мудрый и талантливый дирижер, каждому явлению, каждому инструменту, каждому образу дает право солирования в этом хоре. И это показатель профессионального мастерства и личностной зрелости. Говоря о Девяткове как о дирижере слаженного музыкального оркестра, не стоит не замечать в нем замечательных режиссерских качеств, что также являются сильной стороной его творчества. Многие его стихотворения при желании можно превратить в спектакль:

«Начиналась гроза, и морские валы // Целовали сиренам запястья. // И пускай были краски и звуки тусклы – // Я проснулся от запаха счастья. // Попугай потерял свой волшебный окрас, // И ворчал, головою качая. // Трепетал аспарагус, исходя страхась, // Будто мир оказался у края. // Будто сам Посейдон в глубине вострубил // Так, что ангелы тут же затихли. // Поднималась над морем веселая пыль, // И крутилась в неистовом вихре! // За окном шелестел мой раскидистый дуб, // Наблюдая за крепнущей схваткой... // Ты была босиком и варила мне суп, // Иногда мной любуясь украдкой».

Несмотря на явную тягу этого поэта к европейской культуре, что оказала сильное влияние на наших классиков, мы имеем дело именно с русским поэтом, с православным поэтом, несмотря на то, что автор целует запястья античным русалкам – сиренам, что античный бог Посейдон вострубил так, что затихли ангелы. Но мы при этом знаем, что «схватка» античности и христианства обречена на победу христианства!

Показательно, что отправной точкой любви к поэзии (любви длиною в жизнь) для Вячеслава стала пушкинская поэзия – «Как ныне собирается вещий Олег ...». Эти строки, будучи прочтенными старшей сестрой, так

впечатлили пятилетнего мальчика, что заложили основу его будущей любви к поэзии и, конечно, неизбежно привели его к Есенину, Гумилеву, Бальмонту и другим словотворцам Серебряного века. Современное прочтение неповторимого стиля Серебряного века (этому времени расцвета литературы тоже был свойственен особый интерес к античности!) делает творчество Девяткова особенно притягательным.

Мятежный поиск собственной души, себя в мире и мира в себе, что характерен для Серебряного века – звучит и в творчестве Вячеслава Девяткова. Поиск себя в творчестве Вячеслава – это вовсе не бесплодное блуждание, а скорее созидание себя и мира вокруг. Созидание на уровне единения с корневым и отеческим ради того, чтобы сделать мир вокруг гармоничнее. Можно найти другого, но куда важнее найти себя самого:

*«Найдешь меня, и что ты будешь делать: // Меня трава и звезды
не отпустят, // Опутают мое живое тело // Мелодией, что
помню наизусть я. // Найдешь меня, и ветреная полночь //
Наполнится любовью и слезами...//Ты столько лет идешь
ко мне на помощь, // Лесами, облаками, городами. // И птицы,
обезумевшие птицы // Забьют тревогу, чувствуя разлуку...//
О, как светлы и тонки наши лица! // И как хотим мы броситься
друг к другу! // Но я земную твердь в руках сжимаю, // И не могу
собой распорядиться. // Небесный свод плечами подпираю, //
И сквозь меня река времен струится».*

В творчестве Вячеслава Девяткова православное мировоззрение внешне почти не декларируемо. Нет частого упоминания имени Бога и святых. Но разве это важно? Куда важнее для христианского мировоззрения обращение взора и слова к небу, покаянность и исповедальность. Куда как важнее тихое сокровенное «Прости», обращенное ввысь. Куда как красноречивее цветущие лилии, которые поэт прозревает в облаках. Эти лилии словно сошли с икон Богородицы, ведь олицетворением чистоты и безгрешности Богородицы является лилия:

*«А в небе – вечное «прости!» // Как будто музыка прощает, //
Летит и сердцу обещает // Цветущий берег впереди. // А в небе
– вечное «прости!». // А в небе лилии цветут, // И у костра
танцуют пары, // И струны ласковой гитары // Рокоцуют, шепчут
и поют...»*

Однажды познакомившись с творчеством поэта Вячеслава Девяткова и прикоснувшись душой к музыке его стиха, читатель уже никогда и ни с кем не спутает эту поистине симфоническую музыку, устремленную к небу.

НАШИ ГОСТИ. ПИСАТЕЛИ ЛУГАНСКА

Марк НЕКРАСОВСКИЙ

(Из цикла «Новая мифология Донбасса»)

ЗА ДРУГИ СВОЯ

*«Нет любви больше
той, если кто душу свою
положит за други своя»*

1

Избитого Анатолия бросили в камеру. Анатолий, не обращая внимания на боль, поднялся с пола и прислонился к стене. Камера не освещалась, и ничего не было видно, но судя по спёртому воздуху и стонам, была забита людьми до отказа.

– Кто ты? – спросили из темноты, и Анатолий по голосу узнал спрашивающего – Сергей Тюленин.

– Это я, Анатолий Ковалёв.

– Анатолий, ты же ушёл из города, зачем ты вернулся?

– Как зачем? Мы же клятву давали – помогать друг другу. Я хотел собрать ребят, напасть на полицейский участок и отбить всех арестованных.

– Помог? Ты нарушил приказ уходить из города. Приказ!!! И теперь ты погибнешь вместе с нами. Кто за нас отомстит врагам? Эх, ты...

Анатолий и сам понимал, что всё сделал не так, как надо. Не надо было идти домой. Кто-то из соседей донёс в полицию, и вот теперь он вместе с ребятами в тюрьме и разделит их участь. А участь у всех одна – пытки и смерть.

– Я им ничего не сказал.

– Они и так всё знают. Кто-то нас предал и всё им рассказал. Всё. А пытаются они нас ради удовольствия и чтоб сломить наш дух. Не дождутся!!!

Анатолий присел на пол и, облокотившись на стену, попытался заснуть – надо сохранить силы. Били его впятером во главе с начальником полиции Соликовским. Потом душили, пока Анатолий не потерял сознание. Пришёл в себя – опять били и опять душили. Били, пока сами не устали бить. Мечтают его сломать – не дождутся. Так просто они его не убьют – хоть одного, но он придушит. Надо лишь выбрать момент, а он будет. Обязательно будет. Знает он этих полицейских. Дисциплина показательная – когда немцы или начальство рядом. Сам был полицейским. По заданию организации Анатолий устроился в полицию, чтоб предупреждать ребят о готовящихся против подпольщиков операциях. Предупредил о Бирже Труда – там собирали списки молодёжи Краснодона для отправки их на работы в Германию. Сожгли они тогда биржу вместе со всеми списками. Предупреждал об облавах. Правда «служил» Анатолий недолго – выгнали за нерадивость. Эх, если бы не арестовали, нашёл бы он двух или трёх ребят с оружием, да зная полицейские порядки – отбил бы он всех арестованных, а если бы и не отбил, то отомстил так, чтоб враги Краснодона надолго запомнили.

Утром, когда лучи солнца проникли в камеру через маленькое зарешеченное оконце, Анатолий понял, что его план освобождения молодоговардейцев был не осуществим. Изуродованные пытками ребята передвигались по камере с трудом, и чтобы их спасти, нужен был транспорт. Два или три грузовика. Почти все подпольщики были арестованы и сидели в тюрьме. Не нашёл бы он себе ребят с оружием. Не нашёл...

День, ночь и день пролетели страшным кошмаром – ребят выволакивали из камеры, пытали и бросали бесчувственные тела обратно. Не смотря на то, что его избили при аресте и последующем допросе, Анатолий чувствовал в себе силы к сопротивлению – тренированные мышцы, как корсет, защищали кости. Долгие годы тренировок закалили его тело. К ночи второго дня ареста дверь камеры открылась, и полицейские по списку стали вызывать заключённых: «Вас переводят в Ровеньки». Все понимали – их ведут на казнь. Но никто не стал просить палачей о пощаде. Сергей Тюленин, попавший в расстрельный список, выходя из камеры, крикнул на прощание товарищам: «Наши близко. Они освободят город и отомстят за нас». На крик заглянул помощник начальника полиции Захаров. Увидев знакомое лицо, Анатолий «служил» до увольнения под его началом, он приказал, указывая на Анатолия: «И этого добавьте, будет у меня восьмидесятым». 79 человек он расстрелял собственноручно, а Анатолию оказал «честь» стать 80-м. В расстрельный список попало восемь человек. Семь парней и одна девушка. Ребята были избиты так сильно, что до места казни сами бы не дошли, поэтому были выделены две телеги. Каждому смертнику связали телефонным проводом за спиной руки и бросили в телегу. Анатолию повезло – его вязал не местный полицейский, который ничего не знал о нём и о его силовых представлениях на сцене. Когда его вязали Анатолий напряг мышцы рук и расслабил их лишь на телеге. Провод уже не впивался в кожу, и Анатолий стал пытаться его разорвать. Холодно на улице – зима, мороз – на ногах тряпичные чуни, а из одежды трусы, рубашка да вязаная кофта – штаны у Анатолия забрали, чтоб унижить – без штанов побег не сделаешь, но по лицу Анатолия скатывались крупные капли пота от напряжения. Провод поддался, и Анатолий освободил кисти рук. Незаметно для конвоиров он шепнул Мише Григорьеву, который лежал рядом с ним: «Миша, давай бежать. Я сейчас развяжу тебя. У нас получится». Но Миша прошептал в ответ: «Беги сам. Я не могу бежать. Еле хожу. Отомсти за нас. Отомсти...»

Телеги остановились. Конечная остановка – шурф шахты №5. На фонарном столбе висела лампочка, освещающая место казни. Здесь их казнят, а тела сбросят вниз. Полицейские начали стаскивать обречённых с первой телеги и ставить на краю шурфа. Сергей Тюленин, Аня Сопова, Виктор Лукьянченко и четвертый молодоговардеец, имя которого Анатолий не знал, были взяты первыми на казнь. Прежде чем их скинуть в шурф полицейские с явным удовольствием стали их избивать.

Полицейский, охранявший телегу, на которой приехал Анатолий, отвернулся от охраняемых и стал смотреть на избиение. Анатолий понял – надо бежать. Резким ударом, вложив в него всю свою силу и ненависть, Анатолий сбил полицейского с ног и кинулся в темноту. Он выиграл несколько секунд, и это был его шанс на спасение. Анатолий слышал хлопки выстрелов и свист пуль. Те, что свистят, не его – эти мимо.

Только не в ногу. Только не в ногу... Молил он. Кого? Бога, маму, любимую? Анатолий не знал. Он бежал так быстро, как никогда до этого не бегал. Кофта мешала бежать, и он скинул её на землю. Тряпичные

чуни слетели с ног, и дальше он бежал босиком. Одна из пуль ударила его в правую руку чуть выше локтя, и он почувствовал, как кровь тёплой струйкой побежала по руке. Только не в ногу!!!

Выстрелы прекратились, и Анатолий понял – враги его уже не видят. Никто его не преследовал – побоялись оставить своих жертв без присмотра. Анатолий повернулся лицом к шурфу. Там в темноте одиноко светилась электрическая лампа, и там были его товарищи, которых эти нелюди казнят. «Я отомщу!» – крикнул Анатолий и побежал в сторону города.

Первые дома он пропустил, понимая, что будет облава, и его будут искать именно в них. Чем дальше он убежит – тем лучше. Когда он бежал от смерти – сердце вылетало из груди, и пот струился по всему телу. Но сейчас Анатолий стал замерзать. Если он не найдёт убежище, то погибнет – замёрзнет на смерть.

Анатолий постучал в окно какого-то дома. На стук отозвался хозяин дома: «Чего тебе?». – «Пустите, товарищ, а то замёрзну». Хозяина, аж передёрнуло – Какой я тебе товарищ, иди отсюда Христа ради». В следующем доме на стук даже не ответили, и только в третьем домишке ему открыли дверь. Хозяева покормили и согрели Анатолия, а утром дали ему одежду. Женскую. Одел её Анатолий. Повязал голову платком, скрючился. Бабка бабкой. Мама родная не узнает. Куда идти? Конечно к Тоне, к своей любимой. Как радовалась Тоня, когда он пришёл к ней.

– Нам сказали, что вас всех убили. Но я знала, что тебя не убьют, что ты придёшь ко мне. К себе домой тебе идти нельзя. Там будут искать в первую очередь.

Через день отец Анатолия пришёл к Тоне домой. Обнял он сына и заплакал от радости.

– Три раза полиция приходила. Тебя искали. Здесь тебе тоже отсиживаться нельзя. Надо идти к моим друзьям в деревню. Спрячешься там и дождёшься прихода наших.

Фронт приближался. Немцы стали злее. Не сегодня-завтра начнётся их отступление, а значит, будут угонять трудоспособное население с собой. В Германию Анатолий не хотел. Из деревни надо уходить пока не поздно. Схорониться. Дождаться прихода наших. Место у него было такое – заранее подготовил. В балке, прямо на склоне он вырубил пещерку – и от непогоды прикрытие, и костёр развести в ней можно – никто и не заметит. А наши скоро придут. Слышно, как пушки бьют – значит, наши уже рядом. Анатолий шёл по степи и уже приближался к своему схрону, как услышал за спиной крик: «Стой, стой падла». Анатолий обернулся и увидел вооружённых всадников с белыми повязками на правой руке. Полицаи!!! Попался!!! От коней не убежишь. Был бы пистолет или хотя бы граната – никуда бы Анатолий не побежал, а встретил бы смерть лицом к лицу. А так... Анатолий побежал. Бежал, не чувствуя под собой ног. Храп лошадей приближался – ещё минута и поймают, но вдруг перед ногами Анатолия оказался карьер. Небольшой, старый, с копанкой. Копанка ещё дореволюционная – деревянные стойки на входе покосились – вот-вот рухнут. Рискуя сломать ноги, Анатолий прыгнул вниз. Повезло – цел. Ещё несколько секунд, и он влетел в копанку, и в это последнее мгновение он почувствовал сильный удар в спину. Попали гады...

Ноги сразу же стали ватными, но он продолжал идти вперёд, уже ни на что не надеясь. Пройдя ещё несколько шагов, он опёрся на шахт-

ную стойку и сполз на землю. В метрах 50-ти светился вход и раздавались голоса:

- Я, кажись, в него попал.
- Точно попал, гляди, кровь на снегу...
- Нужно добить комуняка. Николай, добей его.
- Нет я не пойду. А вдруг у него пистолет или граната? Сам иди и добей.
- Да ладно, не спорьте, братцы, всё равно он сдохнет – в спину попали. А ещё кинем пару гранат. Там ему и будет смерть...

Что-то влетело в выработку и рвануло. Рвануло так, что Анатолий потерял сознание...

Очнулся он оттого, что услышал стук. Такой стук ни с чем не спутаешь: кирка шахтёрская бьёт по угольку. Значит, в шахте он не один. Анатолий пополз на этот звук, не понимая слышит ли он его или это предсмертная галлюцинация.

2

Проснулся Анатолий на сбитой из необструганных досок лежанке. Ничего не болело. Ни голова, ни спина. Как и не было контузии и ранения в спину. На нём вместо одеяла лежала заячья шубейка. Небольшая комната была зашита досками, а посреди комнаты из красных кирпичей, обмазанных глиной, была сложена печка, в которой весело трещал огонь. На печке что-то варилось в чугунном котелке. Пахло чем-то очень вкусным, как в детстве.

– Кулеш, – догадался Анатолий.

Рядом с печкой сидел старичок с лохматой бородёнкой. Сидел не без дела: то уголь подбросит, то варево помешает.

– Проснулся? – спросил он, не оборачиваясь к Анатолию. – Давно я этого ждал. Долго же ты лечился. Чуть не умер... и всё в бреду говорил, что тебе надо то ребят спасти, то за них отомстить. Кого спасти? Кому отомстить? Рассказывай, не бойся. Меня все зовут Шубиным, и живу я в шахте...

И сам того не ожидая, Анатолий рассказал старичку о ребятах, о том, как они боролись с фашистами и как попались по глупости, а может, и по предательству. Как дан был приказ всем членам организации уходить из города, а он его не выполнил – хотел спасти ребят – организовать побег из тюрьмы. Как зашёл домой, а кто-то из соседей донёс на него, и немцы его арестовали. Как пытали его и друзей в тюрьме и как убивали друзей у шахты №5, а он убежал. Как прятался у знакомых в деревне, дожидаясь наших. И как бежал по степи от полицаев и чудом спрятался в копанке. Старик слушал, не перебивая, а когда Анатолий закончил, спросил:

- А кто же вас так мучил и убивал? Немцы?
- Если бы немцы, дедушка, свои. Я с некоторыми учился, а другие соседи, знакомые.
- Никакие они не свои. Предатели не могут быть своими.
- Да, не могут, – согласился Анатолий.
- Значит, не зря я тебя от смерти спас и лечил. Я чувствовал, что человек ты хороший.
- Дедушка, а немцы уже ушли?
- Ушли, давно ушли.

– И наши в городе?
– Наши в городе, только опять наступают на город фашисты. Предатели и полицаи.

– Значит, мне в город нужно. Помогать нашим. Только как я пойду? Одежда моя где?

Одежды на Анатолии действительно было мало: трусы семейные и майка.

– Одежда, говоришь? Нет её. Посекло осколками гранаты. Не одежда, а ветошь. Но ты не расстраивайся. Есть у меня шахтёрская роба и кирзачи. Тебе будет в самый раз. Много их бесхозных осталось после закрытия шахт.

Полез дед в скрыню и достал обещанное. И действительно всё подошло Анатолию, будто ему на складе по его размерам выдавали. А дедушка его и спрашивает:

– Мечта есть у тебя, Толя?

– Была у меня мечта ребят освободить и спасти, но не смог. Убили их всех. Теперь я мечтаю за них отомстить.

Дедушка полез в карман своих штанов и достал бутылочку из темно-зелёного бутылочного стекла. Старинная бутылочка.

– Ну, тогда выпей со мной на прощание моей настойки. На всех Донбасских травах настаивал. Даже на той, что и ботаники не знают. Я её в честь себя Шубинкой назвал. Сила в ней огромная. Воля к жизни. Динозавры вымерли, а она живёт. Если сердце честное и доброе, то все желания настойка исполнит. Всё сбудется.

Глотнул Анатолий из бутылочки. Ох, и хороша настойка! Глоточек маленький, а ощущение, будто идёт он по степи, пряный запах полевых цветов и трав, и сила во всём теле, кажется, и гору свернуть готов. Повёл его дедушка Шубин по выработкам и штольням. Долго шли, да и вышли как раз там, где спрятался Анатолий от полицаев. А вокруг лето. Бежал зимой, а вышел летом.

– Сколько же я болел?

– Долго, очень долго. Зато вовремя проснулся. Как раз тогда, когда ты Родине нужен.

Попрощался с дедушкой Шубиным Анатолий и зашагал по степи. Где идёт, а где и пробежит. Сила так и прёт из Анатолия. А возле лесополосы на повороте на Краснодон его остановили парни, одетые по гражданке с винтовками в руках. На одном была пилотка со звёздочкой. Значит, свои. Хозяин пилотки и был командиром в группе. Посмотрел он на Анатолия и спрашивает:

– Откуда идёшь, парень?

– Из шахты, – ответил Анатолий.

– А я думал, что на танцах был, – пошутил командир. И все ребята засмеялись шутке. Какие танцы в робе и кирзачах?

– Куда идёшь? – продолжил командир.

– Нашим помогать с фашистами драться.

– А сколько тебе лет?

– Двадцать один, – соврал Анатолий прибавив себе 2 года.

– Врёшь ты, парень. Тебе лет девятнадцать. Не больше. Ну, да ладно. Если в шахте работаешь, то и воевать можешь. Правда, оружие у нас дедовское, но ничего, добудем себе новое.

Так Анатолий стал бойцом краснодонского ополченческого батальона. Шло лето 2014 года.

Как он попал из 1943 года в 2014 год, Анатолий старался не задумываться. Читал он когда-то рассказ про Рипа Ван Винкля, тоже заснул и проснулся через сто лет. И он лёг и заснул на 70 с хвостиком лет. Зато как вовремя проснулся – время бить фашистов. А может, его просто контузило, и он забыл своё настоящее имя и взял себе имя героя молодого гвардейца? Но если это так, то он как минимум доктор наук, специализирующийся на Молодой гвардии. Молодой, никому не известный доктор наук. Или после контузии он впал в кому, а когда человек в коме, то он не стареет.

А дедушка Шубин? Да, кто же не знает Шубина? Шахтный домовый. Плохих людей наказывает, хорошим помогает. Хотя, если разобраться, никакой здесь мистики и нет. И Шубин не домовый, а старый шахтёр, оставшийся на старости лет без собственного дома и близких. Живёт он в шахте? Так там же тепло, и платить за жильё не надо. Уголька мешок нарубит. Отнесёт в посёлок. И есть деньги на хлеб и кашу.

Воюет Анатолий с июня 2014 года. Хорошо воюет – родителям за него не было бы стыдно. Жаль, они не дожили до его возвращения. И девушка его не дождала. Шутка ли, столько лет прошло. Говорят, долго его ждала. Надеялась, что он вернётся...

А сегодня утром он получил осколочное ранение в правую ногу. Дотащили его братья до временного санитарного пункта. Здесь и оказали ему первую медицинскую помощь.

Ногу, в которую вколола обезболивающее медсестричка Ниночка, он уже не чувствовал. Хотя понимал – если её не ампутируют, то он всё равно останется на всю оставшуюся жизнь калеккой. Хотя нет. Не останется. Ведь жить ему не больше 5 минут. Ему, медсестре и всем раненым, лежавшим вокруг него. Временный санитарный пункт находился в низине, прикрытый с 3-х сторон от врагов холмами. А вот с 4-й стороны к ним пришла смерть в виде новенького ВСУ-шного танка. Танк стоял, выжидая. Видно, ещё не верил в своё счастье – раненые ополченцы без прикрытия... Наконец, решились – танк заревел мотором и поехал на них. Пули бережёт. Давить будет. Танк не каждое оружие остановит. Эх, сюда бы ручной противотанковый гранатомёт. Ручная граната не спасёт. Хотя нет. Если сделать связку из нескольких гранат и рвануть их под траком танка, то он остановится. А гранаты у него есть. Анатолий рванул из сумки три гранаты. Сорвал с себя бинт и не обращая внимания на то, что из раны струйкой побежала кровь, связал бинтом гранаты – сделал связку. Сделал и пополз навстречу своей смерти...

– Тут такое дело, товарищ командир. Танк ВСУ-шный на наш лазарет наскочил, а он без прикрытия. Медсестра и 70 раненных. Танк по ним даже и не стрелял. Решил давить «вату». А один раненный в ногу боец лёг с гранатами под танк. Взорвал танку гусеницу. Сам погиб, но танк остановил. А тут наши подоспели. Сожгли танк вместе с экипажем. Таких в плен не берут.

– Откуда солдат? Надо родным сообщить.

– В том то и дело. Никто не знает, кто он и откуда. Прибился он к ополченцам летом 2014 года под Краснодоном. Бился за Новосветловку и Хря-

щеватое, на Иловайском направлении. Хорошо бился – за спины товарищей не прятался. Говорил всем, что он из Краснодона, молодогвардеец и зовут его Анатолий Ковалёв. Смотрел по соцсетям в интернете – нет такого. Вернее, есть такой молодогвардеец. Бежал с места казни в 1943 году и пропал без вести. И фотография есть в виртуальном музее. Правда, эта фотография не его, а его двоюродного брата. Но те, кто знал Анатолия, говорили, что они были похожи. Да и наш Анатолий очень похож на музейное фото. Так что мы не знаем, где его родственники живут, и кто они.

– Не мог он, видимо, назвать своё настоящее имя. Наверное, его близкие под нациками – боялся их подвести. Говорил, что он молодогвардеец? Все мы здесь молодогвардейцы. И ты, и я. Будет Победа, узнаем имя героя, и будет его имя золотыми буквами сиять на обелиске. И его, и других... Герой – себя не пожалел, а товарищей спас. Погиб за други своя...

Андрей МЕДВЕДЕНКО

2014

Мой Донбасс

И вновь настал суровый час.
Сильней, чем мощь брони,
прикрыл собою мой Донбасс
Россию от войны.

Как сталь, упорен и силён,
все честное любя,
огонь жестокий вызвал он
достойно на себя.

Отраву вспенивала ложь,
как курево, мела.
Но доброта святая всё ж
над злобой верх взяла.

И каждый помни это, знай:
Донбасса нет сильней!
Ведь он не просто угля край,
а часть России всей!

Зоя

(Баллада 2022 года)

Остервенев в звериной злобе
и обминая яркий свет,
они подкрались ночью к ЗОЕ
и стали рушить монумент.

Кривили, скаля тупо, морды,
грызя бесилья удила.
Но девушка стояла гордо –
её кувалда не брала!

Стояла, ран полна и ссадин
и непреклонная, как сталь.
Она была в фашистском аде,
потом – взошла на пьедестал.

Вандалов лоб от пота взмокнул.
Катил по скулам, как ручей.
Дед-фронтовик в могиле вздрогнул
у одного из палачей.

Стояла. В сброд бросала чётко:
«Вам всем от мщения – сдыхать!»
Но чтобы справиться с девчонкой,
пришлось бульдозер подогнать.

Мотор ревел без остановки.
А где-то взрывы сыпал «Град».
...Фашист использовал верёвку,
а эти изверги – канат!

Мгновение войны

Стороной прошёл жестокий бой.
Но я вижу...

как это ни странно:
баянист оторванной рукой
судорожно сжал басы баяна.
Превратилось сердце парня в прах.
Только слышат... слышат мои уши,
как хрипит в разорванных мехах:
«Выходила на берег Катюша!..»

Лето 2014 года

Кажется, от горя воздух звонок.
Польмя окутало мой край.
Над убитой женщиной ребёнок
горько плачет: «Мамочка, вставай!»

Но она совсем его не слышит.
Больше ей кровинку не обнять.
Только ветер волосы колышет.
Будто тоже просит её встать.

Эх ты, укр-наводчик!..
Семя злое!
С кем же ты собрался воевать?!
Смерть навёл на самое святое –
МАТЬ!

Берёза

Несгибаем воли монолит.
Смело, восхитительно и броско
забралась на террикон берёзка,
весело листочками шумит.

Я гляжу, и оторопь берёт.
Вместе с ней душа в полёт стремится.
Средь бездушных вздыбленных пород,
как за жизнь смогла она вцепиться?!

Превратить в могучий ствол росток
и сломать ветров степных упрямяство,
да ещё увлечь и тополёк
в высоты заоблачное царство!

Рвут подошву «Град» и «Ураган»,
но недосыгаема вершина!
У берёзы дух ведь россиян,
воля к жизни чья – несокрушима!

Потому, торя заветный путь,
ей дано, усталости не зная,
всей душой вращать в родимый грунт,
музыку Вселенной обретая.

Опять с уродливым лицом
эпоха новой ищет правды.
И как когда-то над отцом,
так надо мной свистят снаряды.

И где погуще толчея,
там люди падают, как злаки.
И по убитым плачу я,
как мой отец когда-то плакал.

И фронтовых хватив «сто грамм»,
он вспоминал бои в Карпатах.
Казался воином я сам,
надев пиджак в его наградах.

Ничто не ново под луной.
Опять бои – стена на стену.
И ордена отца со мной,
Но им теперь я знаю цену.

Баллада о красном знамени

Возгордились отщепенцы.
В этот раз им повезло.
Отступили ополченцы
с жарким боем за село.

На краю села – избышка.
И беды на всём печать.
С Красным Знаменем старушка
вышла ворога встречать.

Ворог вздыбился:
– Не с нами!..
Всю готовый растерзать.
У согбенной вырвал знамя,
стал в безумии топтать.

Разожгла старушку сила –
так рванула из-под ног,
что нацист, хоть и верзила,
а на спину рухнуть смог.

– Красной армии бойцами
взят рейхстаг!
Пора бы знать:
Знамя, взвитое отцами,
невозможно растоптать!

Восторгаться сердцу не прикажешь.
Увидал – и бросила в тоску:
девушка в зелёном камуфляже
с пистолетом грозным на боку.

Вся она, что взрывчатая сила.
С БэТээРа спрыгнула, пошла.
Что-то у прохожего спросила,
откровенным взглядом обожгла.

Мысли потекли совсем иные –
не о страшной битве впереди.
Ведь со всей Вселенной позывные
у неё сомкнулись на груди.

Не разрушат дух упорный беды.
Будут мир, и радость, и покой.
Я кричу: «Да здравствует победа
красоты над яростью людской!»

Мечта не пресеклась

*Памяти командира бригады
«Призрак» Алексея Мозгового*

За ним охотились не раз.
А это значимости признак.
Мгновенно исчезал из глаз
и появлялся, словно призрак.

Певец – решился воевать.
Всегда он там был, где труднее.
Нет, не за тем, чтоб убивать,
а чтобы сделать жизнь честнее.

Не уберётся.

Диверсант
исподтишка ударил в спину.
И помутился зоркий взгляд.
С дороги сбросило машину.

И всё ж мечта не пресеклась.
Над ним пустое – власть могилы.
Хоть жизнь его оборвалась,
но песня – набирает силу!

От осколков на ясене срезы.
Сквер шумит, о костыль опершись.
Возвращаются снова протезы
в нашу скудную, скорбную жизнь.

И волнует меня до угробы
мир, который позиции сдал.
Век двадцатый войну не угробил –
ещё пуще её разнуздал.

Гарь и копоть в дыханье рассвета.
Всюду распрей воинственный прах.
Чувство родины с бизнес-проектом
перепуталось в наших сердцах.

Лариса БЕКРЕШЕВА

2014

Моя земля над тихою Луганью
Укутана в предутреннюю грусть.
Не раз меняла жизнь твои названья,
Но как ни назови – ты та же Русь!
Мой Северский Донец – он брат по крови
Седому Дону испокон веков,
И в ночь Купалы, сотканный любовью,
Плывёт венок вдоль русских берегов.
И пусть любовь сердца соединяет
Всех, кто пришёл к нам в гости без меча.
Степной орёл парит, границ не зная,
Свободе чувства братства нас уча.

В день Победы

Победный май, но слёз глаза полны
У тех, над кем наш мирный свод искрится,
Но кто родных всё ждёт ещё с войны,
Чтоб с ними сокровенным поделиться,
Услышать, как они к плечу плечом
Собой закрыли Родину от пули,
И как желали жизни горячо,
Когда в глаза бессмертья заглянули.
Их имена над толпами текут
В полку бессмертном вновь единым строем!
В них снова жизнь! А в небо голубое
В их честь взлетает праздничный салют.

Георгиевская лента

Смешной, веснушек золотых разлив,
В руке тюльпан, сам – ниже постамента,
Но, свой тюльпан на мрамор положив,
Георгиевскую расправил ленту –
Победы знак на маленькой груди,
И снова к маме – гордый и серьёзный!
Давай, малыш! Смелей вперёд иди!
Хоть на глаза совсем некстати слёзы...
Мы помним всех, кто подарил нам тишь
И мирную лазоревость рассвета!
С георгиевской ленточкой малыш –
Он от фашизма защитит планету!

Олеся КАЗМЕРЧУК

2014

Пара глаз, увидевших войну,
Стёкла их не однотонны – витражи.
Между тонких линий сплава, как в плену,
Расколота на кусочки жизнь.
Разбросанная мною по полям,
Расписана кому-то между строк,
На крыле раскрытом журавля
Унесённая отсюда прочь.
Но я остался.
И пока стою,
Будет город за спиной стоять.
Будет сердце колоколить в грудь,
Отдавая звоном в рукоять,
Дыблящейся из вражеской груди –
Я кроил и штопал, как сукно
Тех, кто смел мой город оградить
До выходов, размерами с окно.
До выходов, размерами с прицел,
И яблочки созрели и висят
В центре каждого из выживших сердец,
Ствол к стволу – невырубленный сад.
И дрожит, и рдеет на ветру,
Играя музыку на струнах диких лир.
Знаю точно, я здесь не умру,
Ведь мои глаза видели... мир.
В котором воздух обжигал нутро,
В котором небо плакало навзрыд,
И клубилось, как бурливый рой,
Над теми, кто за мир, на грех, убит.
Солнце, как в воронку засосёт,
Беззубый багровеющий закат,
Не лишь одной молитвой был спасён
Город, что ни в чём не виноват.
Пара глаз, увидевших войну,
Стёкла их не однотонны, витражи.
Между тонких линий сплава, как в плену,
Склеенная из кусочков жизнь.

Железнодорожникам

И снова о войне, и снова о войне.
О бесчисленной боли, уплаченной за отсрочки.
Простые люди знают, как снаряд выглядит извне.
Каждый вышедший за порог – потенциальный срочник.
Сотня железнодорожников, уцелела всего лишь треть...
Под Попасной: кто ранен, а кто навсегда остался
Из сводок, из новостей, из заплаканных глаз смотреть
На нас, смевших выжить, ещё пока костных, страстных.
Похоронку не парят – просто оставят в двери,
Как будто грёбанный счёт за коммунальные услуги.
А ты клетку свою грудную сердцем ревушим вспори,
А ты стань для земли миротворческим плугом.
И паши её градом, кинжалом, тюльпанами, точкой у.
Засевая бетоном, металлом, человеческой плотью –
Вместо хлеба, да и нужен он будет кому?
Если ляжем все мы в эту землю частями, плотно.
У матери день рождения, а она тихо слёзы льёт.
И плач её снегом безостановочно сыплет...
Летят птицы весны. Из железа. Прицелен их перелёт
И дома от дыхания птиц этих чёрные, злые.
Рассвет как точка опоры для всех, кто остался жив.
А все, кто остался жив, – нерушимая точка отпора.
Красно-белый март бесконечной войной упорот,
Утопленный в ненависти и перекрестной лжи.

2014

М. Некрасовскому и его «Кровавой пыли»

Душа поэта – сильная душа,
Каждый снаряд сквозь сердце пропуская,
В родном краю – хождение по краю,
За мир стояла, правдою дыша,
За мир стояла, правдою дрожа,
Но стояла, как крепчайший камень.
Чтоб умылись кровью все враги,
Которые по городу стреляли,
Жителей безбожно истребляя,
Истины не смогут истребить.
За смерть содеянную совесть не простит,
За каждый выдох, ставший вмиг прощальным...
Мы здесь свидетели смертей, смертоубийств,
И смерть так часто проходила рядом...
Шальным осколком, миной и снарядом,
И слышав её звонкий плотный свист,
Ты оставался верою остист!
Но кто сказал, что легче в душе раны?..
Душа поэта... сильная. Твоя,
Как тетрадь, исписанная болью,
За страну, за мать, за дух свободы,
Пусть прочтут её потомки, сыновья.
Слова того, кто выбирал «стрелять»
Точными стихами в ближнем бое.

Мне снова твердят: «Что ты высидишь там, давай,
Я вывезу тебя за несколько поясов часовых.
Где будет мир и море – твой персональный рай».
Я отключаюсь от связи, перехожу на вы.
Сажусь в троллейбус и сквозь персональный ад
До конечной города, вспоротого по швам,
Еду молча, зрачками впившись в оконный квадрат.
И во рту ощущаю солёный привкус родства
С этим «днищем», «смертью», «безвыходом» – как ещё
Называют в три голоса бывший некогда дом.
Я принимаю каждое слово на личный счёт,
И в горле встаёт несогласия плотный ком.
В разрушенной перспективе город не так уж мил,
Здесь давно за мир не пенился кислый брют.
Меня в здешнюю землю прилетевший снаряд вколотил,
Вы представляете то, о чём я говорю?
Поздно спасать, вывозить, наконец, отрывать
Я проросла в бетоне – сорное семя.
Вся состою из города, он состоит из меня.
Прикрываюсь городом, он прикроется мной.
Как хитиновый панцирь, прочная скорлупа,
Я несу город на спине, и он становится крест.
Городу снится война, хоть он восьмой год не спал.
А зевает сырой пастью каждый его подъезд.
Ноздреватый асфальт вдыхает воздух тяжело,
Вот и конечная. Обогнутое кольцо.
Как просто издали бросаются дробинки слов,
Осмелитесь ли повторить хоть слово в лицо?
Вы не поверите, но я... здесь... просто... живу.
Может быть полнее, чем где-либо еще жила...
Несу свет в несусветную, беспросветную тьму,
И чтоб ярче было, мосты до пепла сожгла.

2015

Тишина наступила желанная –
Впору выспаться от души.
Но не засыпаю отчаянно,
Хоть звёзды слезами туши.
Не могу ни молчать, ни высказать,
Вижу Родину в алом огне.
Идёт операция высадки,
Я живу на окне.
Ничего не будет по-прежнему,
Человек человеку волк.
Противник изрядно разреженный –
Батальоном становится полк.
Разреженный или разрезанный
Осколками братских мин,
Всё сложнее оставаться трезвыми,
Ещё сложнее людьми.
Летят во все стороны новости,
Похоронные справки летят,
На земле множатся неровности –
Гряды для безымянных солдат.
Никого не забудет Родина,
Будет грозами в мае цвести.
Позасеется огорожина
Из стариковой горсти.
Режим тишины – это главное,
Все усваивают урок:
Не разживаться планами,
Запасаться провизией впрок.
Былые проблемы отсрочены,
Ждёшь от сына звонка.
Война что-то вроде пощёчины
(Живого места нет на щеках).

2015

Такой неповторимый закат,
Проснёмся ли завтра – не знаю.
За раскатом ударит раскат,
Атака по Родине очередная.
На улицы вышла неспешно голодная смерть.
Молочными бельмами смотрит из впалых глаз.
Шагает и шаг её каждый длиною с метр.
Под стопою сталь плавится, как смола.
Смерть идёт мимо старика, в переходе он рвёт баян.
Смерть смотрит вслед парочке, не разнимающей рук.
Обходит отца на перроне – он проводил, не боясь,
Жену с маленьким сыном (здесь скоро адовый круг
Замкнётся). Оттого и стылая на пир кровавый пришла,
Пожалев по пути бездомного, стаю псов,
И меня не накрыла её беспросветная мгла,
Но от поступи её близкой нутро зашибал озноб.
Идёт смерть как смерд и за ней нестерпимый смрад,
Вот она – личина святой войны.
Вот он мир, омытый кровью, которому должен быть рад,
Однако хочется от боли потерей выть.
Видит смерть раненого бойца с оружием на плече,
Смерть простирает лапы в объятья и обнажает оскал.
И всё равно ей чей сын он, любимый чей,
Не от смерти ли этой он Родину защищал.
А где-то вдали не спит мать, бесконечно молясь:
«Не тронь, пожалуйста, ему в мире пожить еще б...»
А солдат встречает смерть, пустившись в неистовый пляс,
И улыбка не сходит с запавших скуластых щёк.
Смерть обнимает его и говорит – пора,
Солдат смотрит в небо, светлее которого нет.
Ни боль в глазах его, ни ненависть и ни страх.
И смерть понимает, что так побеждают смерть...
Он откроет глаза на носилках, вокруг него
Медсестры слышен шёпот – всё страшное позади.
Крик друга слышен – здесь раненый, но живой!!!
И молитва матери – обойди их, смерть, всех до одного
Обойди...

2016

Людмила ГОНТАРЕВА

2014

Боже, раскрой над домом моим синий зонт небосвода
и слезы смахни с окон-глаз радуги полотенцем.
Тот материк, где я есмь, открыто встречает восходы
и провожает беспечно составы со станции детства.
А писем не стоит ждать: листовками листопада
кружится моя печаль, чтобы заполнить сцену.
Есть вечера светлый час – и ничего не надо.
В мире царит покой – тих, одинок, бесценен...
До Вечности только миг. Качаются занавески.
Негромкий огонь свечи ещё вдыхает мой голос.
И беспокоит лишь взгляд мальчика с древней фрески,
что под прессом времён морщинами раскололась.

Подворотня слепа, как выстрел, –
оседаю бескрыло в снег:
меня из мгновения выстриг
безжалостный стрелок бег.
 Теряю воздух руками,
 простуда в моей крови.
 Уже расплескалось знамя
 небес над лицом земли.
Уже недоступны крыши:
на лезвие забытья
я падаю медленной тишью,
над пеплом воды летя.
 Но океаном звуков
 взрежу угрюмость туч,
 чтоб украшением луга
 вызрел пшеничный луч,
Чтобы забиться птицей
в глобуса пёстрой груди
(пусть не дано проститься
с теми, кто впереди),
 Чтоб превратить в осколки
 серого быта объём,
 где вечер на вечной полке
 ютится с квадратным днём.
...Но падаю призрачной датой
на лезвие забытья,
и безымянность солдата
заключает в объятья меня.

Остаётся всего лишь молиться и ждать,
что метель не собьёт нас с дороги.
Опускается снег на зеркальную гладь,
словно конь на усталые ноги.

Расколосось стекло, и растрескались дни –
ни к чему фолианты столетий.
Снова цирк «Шапито» зажигает огни,
за столом наливают по третьей...

А в мышинной стране в шесть-пятнадцать подъём.
Бутерброд, сонный чай – и на службу.
...За отвагу и смелость шестую нальём,
а седьмую, восьмую – за дружбу...

Всё метель и метель – прячь под шапкой глаза,
прячь улыбку, и чувства, и муку.
Заметает зима запредельное «за»,
колыбеля печаль и разлуку.

Остаётся искать эту тонкую грань.
Сумасшествие... Сумрак... Расплата...
Снова Книгу всех книг не спеша пролистай
от эпиграфа – и до заката.

Сердце бьётся о лёд – значит, будет весна,
хлынут ливни из скважин замочных.
И полковник дождётся из дома письма,
чтоб читать его вслух между строчек.

Остаётся всего лишь молиться и жить,
свято веруя – время излечит...
Но пульсирует Вечности тонкая нить
неподкупно, бесстрастно, беспечно...

Мы войну объявим только завтра
на рассвете, когда солнце всходит.
...На муку талоны, спички, сахар
и моя записка на комодe.

Добровольцем ухажу – смотрите –
в регулярные войска санчасти.
Занимай места в партере, зритель:
я спасаю раненое счастье,

извлекаю день из-под обломков.
...Красный мак и белые одежды...
Бинтовать разлуку так неловко,
так туга повязка – струны режет.

Кто-то новые с радостью носит ботинки,
кто-то упорно копит на пальто...
У Донбасса в сердце сегодня льдинки,
наш Донбасс уютный уже не тот.

От ночного бденья устали веки.
Мы теряем в спорах своих друзей.
Если это истории новой вехи,
значит, каждое утро – большой музей,

где еще находим по телефону
самые близкие голоса,
где молиться нужно родному дому,
что от слез вытирает тебе глаза...

Приручив дыханье тёплых пальцев,
ощущаю боль как неизбежность.
В организме убывает кальций.
В перестрелке убивают нежность.

После взрыва – гулкое затишье,
крика своего уже не слышу.
Вспоминаю лето: вишни, вишни,
и закат багровым соком вышит.

Пусть зима забьёт крест-накрест ставни,
осень взглядом мой состав проводит.
Я уйду внезапно, но оставлю
для тебя записку на комодe.

Кто-то очень жестоко размазал кашу
по тарелке времени и в умах.
Наш донбасский уголь – это не сажа.
Здесь – суров характер и велик размах!

Здесь степное поле и свободный ветер.
Здесь крепка и водка, и надежды нить...
Мы с тобой, товарищ, за беду в ответе,
и за счастье тоже по счетам платить...

Только будет утро, и наступит вечер.
Сосчитает небо всех своих бойцов.
Но уже не верим фразе «время лечит»,
ведь над степью радуга ранена свинцом...

Нас расстреляют уже на рассвете.
Волосы треплет слепящий ветер.
День будет тих и пронзительно светел
в этом квадрате, на этой планете.

Вдруг на осколки порвутся струны,
на серых скалах проступят руны,
и поспешим мы по рельсам чугунным
в край, где ацтеки, древляне, гунны.

Алые маки покроют футболки.
Холод почуяв, завоют волки.
Киллер ружьё зачехлит втихомолку
и поспешит на свою остановку.

Эти мгновенья взорвут экраны.
Мы растревожим квартиры, как раны,
где-то меж роликами рекламы
в рамках программы, не очень рано.

Зритель безмолвный за всё в ответе
крика молчанья, увы, не заметит,
качество съёмки, сюжет отметит,
сетуя вслух – у экранов дети.

И не поверив, что всё случилось,
что бесконечность в зрачок просочилась,
примем объятья листвы, словно милость,
падая в осень, что детству снилась.

Крылья к вискам тишиной прикоснутся,
звоном тяжёлым разбитого блюда.
... Надо успеть на шаги обернуться,
чтобы проснуться, проснуться, проснуться...

Мне всё равно погибнуть суждено.
Минутой позже – веком раньше:
Я слишком слабое звено
Для лицемерия и фальши.

Измена источает яд,
Пульсирует победы рана.
И стрелы вряд ли пощадят
Прикованного Себастьяна.

Всё повторится вновь и вновь!
И снова сил смотреть не хватит
На землю, втопанную в кровь,
На наготу в объятьях платья.

Всё повторится. Вновь сгорю
От темноты слепящей света.
Опять великому царю
Судить опального поэта.

Всё повторится. Даже грех,
Что время излечить не может,
Хоть мир давно не стар, но ветх,
С младенчески невинной кожей.

Это словно кино, как в больном сне –
опоили дурманом нас по весне.
Ну, а летом кровавые звезды в ряд
в карауле над городом нашим стоят.

А в полях окопы – шрамом на лицо...
Не послать любимому письмецо.
Сколько километров путь из рая в ад?..
Во степи солдаты без имен лежат.

Танки в Интернете, танки за окном.
Как конструктор «Лего», вдруг сложился дом.
По подвалу ходит старый мудрый кот:
в самом безопасном месте он живет.

Город мой контужен, город мой устал...
Кто бы нам страницы эти пролистал...
Но писать сквозь годы мы обречены
хронику ненужной непростой войны.

Молитва

Услышь нас, Господи, мы – живы,
пошли на землю свой конвой
гуманитарный. Тянет жилы
сирены вой и ветра вой...

Прости нас, Господи, мы серы
и сиры в глупости своей.
В родной земле греша без меры,
мы просим процветанья ей...

Поверь нам, Господи, мы – люди.
В братоубийственной войне
за всех солдат молиться будем,
на той и этой стороне.

Спаси нас, Господи, мы слабы:
от минометного огня,
стрельбы и ненасытных «Градов»,
мы сами не спасем себя...

Мне снился сон: зима, босые ноги,
расхристанный ветрами Петербург;
там вечный снег разлегся на дороге...
Дом, лестница, перила, небо... Вдруг –
я вниз смотрю. А там – двory-колодцы;
и стук копыт, и Невский – за углом...
Который год – январь, и нету солнца.
И в битве столько наших полегло
за золото сентябрьского разлива,
за звонкую весеннюю капель...
Я календарь листаю торопливо:
зима, зима, зима... забыт апрель –
расстрелян был в октябрьском переулке.
Я вниз смотрю. Я вижу сон: разбит
весь механизм часов. И только гулкий
на колокольне звон... Спас – на крови...
Легчайшим перышком на землю – время...
Морозный воздух чист и невесом...
Слова молитвы снегопад прогрели –
возможно, будет март... Мне снился сон.

Лечь в траву и закрыть глаза.
Вжаться раной открытой в почву.
Снились алые паруса.
Оказалось – земля кровоточит.

Тих Господь... Только он с креста
видел мир без прикрас и фальши.
Ветер уксусом жёг уста,
шли иуды победным маршем.

Сквозь меня прорастёт трава.
Мир с войною в хмельном застолье.
Мы теряем в бою слова,
чтоб разлиться немую болью...

Нас и для круглого стола
уже остались единицы.
В корзине времени – страна.
На кон поставлены столицы,
станции и страницы книг –
успеть бы написать... Кто знает,
что впереди: минута – миг –
час – выдох – вдох – морозы в мае –
дожди январские – печаль –
закат – рассвет – портрет на полке?..
И как ни вглядывайся вдаль –
лишь контролер и остановки...
Знакомый, но чужой маршрут.
Привычна боль из ниоткуда.
В который раз куранты бьют.
Растут герои и иуды.
Кругами память по воде
расходится. Дрожат ресницы.
Успеть посеять рожь к среде,
чтоб осенью тебе присниться.
Успеть вскопать весь огород –
с картошкой мы перезимуем...
А там и время подойдет
твоим февральским поцелуям.

Ветер рвет провода,
с крыш летит черепица,
и скрывает вода
наших улиц границы.

Над степным городком
собирается лихо.
В зазеркалье окон
напряженно и тихо.

Надвигается сушь,
невзирая на грозы.
Мясорубка из душ
на пределе угрозы.

На прицеле – покой,
не задавшийся, в общем.
Мы уходим в запой,
не куем и не ропщем,

и не мелем зерно,
не читаем молитвы...
Мы попали в сезон
мировой шоу-битвы.

...Пройдет два месяца еще, пройдет два года,
Я стану старше от забот и непогоды.
Крутись, Сансары колесо, юлою вечной.
Путь в поднебесье невесом и бесконечен.
Так редко путник уж томим духовной жаждой,
Но в персональный новый мир стремится каждый.
Доверив радости свои реке Забвенья,
С тоской вселенскую смотрю на поколенья.
Теперь нет времени решить – злодей иль гений?
Раздаст мальчишкам «калаши» новейший Ленин.
Торговка-жизнь счастливый код подальше прячет.
Корабль истории плывет, как Танин мячик.

Наталия МАВРОДИ

2014

Фантомная боль

Фантомная боль
таилась до срока:
Вновь кровью – за кровь
и око – за око.
Мы, люди-цари,
подобные Богу,
Что с жизнью творим?
Мостим ЧЕМ дорогу?
Не видим ни зги,
черны злобой вены –
КАК наши мозги
очистить от скверны?
Ни троп, ни моста –
к ответам искомым.
В молчанье уста
на ликах иконных...
Бесовская хворь
вселилась когда-то...
Вновь кровью за кровь... –
потомкам расплата.

Луганское лето 2014 года

Мы – заключённые войны,
Дома, квартиры – казематы.
Не знаем за собой вины –
Лишь тем, что живы, виноваты.
Вновь – росчерк залпов за окном
И в щели воздух жарко дышит.
И страшной жатвы дальний гром
Поля багровые колыхнет.
Осколки, пули всех мастей
Жужжат и жалят наши души,
И сводки лживых новостей
Нелепостью мозги нам сущат.
А где-то там за горизонт
Всё также облака стремятся
И разноцветный пляжный зонт
Беседует с журнала гляncем.
Решают тысячи проблем –
Жизнь так сложна и непонятна!
У нас же главная из тем:
Чем смыть с асфальта крови пятна.

О коте и о войне

Кот умер на рассвете –
Отмаялась душа.
Стонал чуть слышно ветер,
Снег падал не спеша.
Он мамой-кошкой Соней
Обласкан был всегда –
Пусть не был сын тихоней –
Была им мать горда.
Котом он слыл бойцовым –
Драчун и хулиган,
Для местных кошек – «клёвым»,
Котам – что ураган.
Нередко доставалось –
Он вечно рвался в бой:
Нос «в кровь» – какая малость,
Но хвост, зато, трубой.
И надо же случиться –
Средь мира – вдруг война.
От взрывов жизнь дробится –
И Соне не до сна.
Три дня не покидает
Она свой пост-дозор –
Всё сына ожидает,
Сверлит зрачком забор.
Притихший и ослабший
Кот из последних сил,
Всю лють войны познавший,
Кровавый след чертил.
Задать ему бы трёпку:
Где неслух пропадал?
Но... тут не до упрёков,
Тут ни к чему скандал.
Мурлычет с болью Соня
И лижет сына шерсть –
Как жаль, что не тихоня,
Да уж такой, как есть...
Кот умер на рассвете –
Отмаялась душа...

Умолкли орудийные раскаты,
И над Луганском воцарилась тишина,
Вновь мирной жизни выстроились даты,
Но крепко держит цепкая война.

Наверно, долго позабыть не сможем
Гарь чёрных дней и зарево ночей,
И боль за тех, чью жизнь войной итожа,
Уносит в небо стая журавлей.

И будем вздрагивать, и долго будет страшен
Звук канонадный фейерверков и петард,
И в идиллических картинках вешних пашен
Нам будет видеться боёв крошечный ад.

Границы, границы, границы...

Границы, границы, границы...
Заборы, заборы, заборы...
Рассечены сёла, столицы,
Рассечены реки и горы.

Рассечены судьбы и души,
Сердца размежёваны грубо,
Сковала и море, и сушу
Болезни смертельной остуда.

Планета Земля на закланье:
Сады, перелески и пашни –
Мы прокляты непониманьем
У стен Вавилоновой башни.

Когда ж разорвём эти сети
И Землю любовью согреем? –
Единого семени дети.
Но... делим всё, делим и делим.

Виктор ПЛЕСКУН

2014

Бетонное солнце... бетонные лица...
Бетонные люди... бетонные птицы...
Бетонные мысли, сжаты тисками...
Бетонные тучи сгустились над нами.
Откуда всё это? Где жизни источник?
Вместо ответов – множество точек.
Куда всё живое исчезло, свернулось?
Неужто бетонное небо прогнулось?
Нависло над нами, давит бетоном,
Чистые чувства откликнулись стоном.
Слёз не видать – ледяной конденсат,
Даже слова здесь летят невпопад.
Неужто росток не пробьёт монолит?
И мысль в поднебесье уже не взлетит?
И солнечный луч не разрежет бетон?
А радостный смех не заглушит вновь стон?
Вера с Надеждой живут ещё в нас,
Станет цветущим родной наш Донбасс,
Мирное время настанет здесь вновь,
И воцарится святая Любовь!

Весенний день, но нет ещё тепла,
И солнце светит, но мороз крепчает.
Казалось мне: душа сгорит дотла,
Надежды искра в небе замирает.

Коль не угасла, значит, я живу,
И буду жить я ради вас, родные.
И что любил, по-прежнему люблю,
Мне чужды чувства новые, иные.

Застыла вдруг, не падает она,
А это значит, что не угасает.
И, слава Богу, что она видна,
И веры дух она в меня вселяет.

В свою я душу злобу не впускаю,
И ненависти нет в ней тоже места.
Я оптимист и жизни луч ищу,
Минора нет, звучит мажор оркестра.

Мороз отступил, ярче дни теперь стали,
Все оживает, и веет весной.
Весело птицы уже засвистали,
С дальних краев потянулись домой.

Зелени нет, лес ещё не укрылся,
И не оделись сады в белый цвет.
Лишь первоцвет из-под снега пробился,
Жизни грядущей принес он привет.

Знают они, что их ждёт край родимый,
Гнезда родные, леса и луга.
Только не знают, что край их любимый
Пепел войны застелил, не снега.

Этот цветок – символ чистой природы,
Он украшает весенний пейзаж.
Пепельный снег смоют талые воды,
Чище и ярче весь мир станет наш.

Апрельский день. Цветам бы расцветать,
Но нет тепла в сердцах и нет в природе.
Душе бы петь, но хочется кричать,
Всё потому, что силы на исходе.
 Вы скажете, что слаб. Возможно, да.
 Я не стыжусь, друзья, признаться в этом.
 Был помоложе б, может быть, тогда
 Я б обратился к старшим за советом.
А вот сейчас приходится терпеть,
Собрать все нервы, силы воедино.
И как не хочется – приходится стареть,
Но лишь желание одно непобедимо:
 Перетерпеть, чтоб выжить, дальше жить,
 И с юмором уже не расставаться.
 Солдатским братством буду дорожить,
 Оно сейчас мне не даёт сдаваться.
Где лёгкий мат порою в три ряда,
Где прибаутки, анекдот иль байка,
Где при общении стираются года,
Где делится на всех консервы пайка.
 Где вместо Вы – все перешли на Ты,
 Где у костра чай вкусней, чем в баре,
 Где бороды не ради красоты,
 Где дрожь берёт при каждом артурдаре.
И пули свист, почти что как в кино
О той войне, где воевали деды.
Мне это в братстве пережить дано,
В окопе сон иль у костра беседы...

Жизни радостные минуты,
Когда слышу я голос твой.
Мои нервы в кулак сомкнуты,
За высотку идёт вновь бой.

Струны эти не отпускаю,
Не должны расслабляться они.
Это понял теперь я, знаю
И до встречи считаю дни.

Жду тот день, когда дверь откроешь,
Спросишь тихо: «Где долго был?»
Своих слез в этот миг не скроешь.
Взгляд твой, милая, я не забыл.

Твои руки, улыбку, укоры
И морщинки у краешка глаз.
О проблемах детей разговоры,
Что, увы, возникали не раз.

В миг затишья о доме мысли,
Но вот залп напрягает опять.
Тучи дыма над нами нависли,
Не воротись тут время вспять.

Закрываю глаза – вновь дома,
Здесь уютно и тишина...
Вещь здесь каждая мне знакома,
Лишь открою глаза – война...

2016

Их было три. Но с интервалом
Они летели напролом.
Тогда, за автоматным шквалом,
Не слышен даже был и гром.

Он громыхал – они летели –
Три пули – быстрою стрелой.
Быть может, вовсе не хотели,
Их жизнь диктуется войной.

Их было три последних пули,
Все остальные вдалеке.
И вот они туда шагнули,
Где смерть иль жизнь на волоске.

Одна, войдя с трудом в твердыню,
Пронзила сотни две колец.
И дуба тихую гордыню
Нарушил холода свинец.

Вторая вдаль шагнула, в вечность,
Лишь слышен тихий перезвон.
О ней времен-то быстротечность
Забудет, будто страшный сон.

Но где же третья? Третья – в сердце!
Она вошла легко в него.
Но не в распахнутую дверцу,
А напролом за миг всего.

Оборвала любовь и счастье,
Большую радость иль успех
И принесла с собой несчастье,
Взвалив на душу чью-то грех.

Их было три... Возможно где-то
Утонут две в небытие.
А третья станет амулетом,
Как горький знак о той войне.

2016

Век за веком, года за годами
Пролетают, возврата им нет.
И плывут снова тучи над нами,
Средь армад меркнет солнечный свет.

Опускаются вновь над землею,
Превращаясь в химеры порой.
То вздымаются снежной горою,
То плывут они грозной ордой.

То сливаются все воедино,
Застилая небесную гладь.
И пророчат беду иль ненастье,
Будто время застыло опять.

Но вот ветер вмиг тучи раздвинул,
И сквозь брешь солнца луч прошмыгнул.
Взором робким он землю окинул,
А потом полной грудью вздохнул.

Тучи он разорвал на осколки,
Возвестив, что кончается тьма.
Осветил он дороги, проселки,
Отступила небес кутерьма.

Старый город оделся в наряд,
Не в зеленый, а огненно-красный.
Приближается вновь листопад,
До чего же Луганск наш прекрасный.

Вот трамвайчик спокойно бежит,
Стук колес четко ритм отбивает.
Лист осенний от ветра дрожит,
Он ключи журавлей провожает.

Жаль, конечно, что время ушло...
Не стучит наш трамвай, не грохочет.
Всё, что было былое, прошло,
С этим сердце смириться не хочет.

Вновь «шестёрка» пройдет под окном,
До кольца – и обратно промчится.
Мы жалеем порой об одном,
Время вспять, увы, не помчится.

Мамам, ушедшим навсегда

Рано нас покинули вы, мамы,
Рано улетели в небеса.
Вот теперь без вас, теперь мы сами,
Мы не верим больше в чудеса...

Не вернётесь вы, мы это знаем,
В детстве верили, не верим мы сейчас.
Грустными всё чаще мы бываем,
Мама, где вы? Обнимите нас!

Нас, как в детстве, в юности, согрейте
И укройте нас своим крылом.
Взглядом нежным души отогрейте,
Мы теперь жалеем об одном.

Что не часто вас мы согревали
Теплым словом в холода деньки.
Что, порой, звонить мы забывали
Иль зайти нам было не с руки.

Но теперь вас нет, мы осознали,
Что вы не вернетесь в отчий дом.
Что вот также, вы всегда нас ждали
И грустили тихо под окном.

Люди-люди мои!
Как вы выжить смогли?
Средь крошечных потерь
Как нашли слово «ВЕРЬ»?
Слово краткое «ВЕРЬ» –
Ко спасению дверь,
Вера в то, что в злой час
Бог помилует нас!

Люди-люди мои!
Оглушают бои,
И помочь может там
Только вера в Христа.
Он придёт и спасёт,
Смолкнут взрывы гранат,
Замолчит пулемёт,
«Хаймерс» сгинет и «Град».

Люди-люди мои!
Верьте, Бог не предаст,
Смолкнут злые бои,
Сохраняя солдат.
Сын вернётся домой,
Мать обнимет его,
Скажет: «Родненький мой,
Слава Богу, живой...».

Слово краткое «ВЕРЬ» –
Ко спасению дверь,
Вера в то, что в злой час
Бог помилует нас!

О, наши женщины-кухарки!
Все с государственным мышлением...
А ты не смейся. То не байки.
Они умны на удивленье.

Сошлись в них простота и мудрость,
Краса и прозорливость в деле,
Что делать – знают. Даже в смутах
Решенье принимают смело.

Вот только хочется порою
Поплакаться в жилетку мужа.
Жалея, станет он горою
И сам всё сделает, что нужно.

*С 12 марта 2022 года Свято-Успенский
Николо-Васильевский монастырь на Донбассе находится
на линии фронта под постоянными обстрелами.*

Снаряд не знал, где были дети...
Артиллерист не знал об этом,
В подворье бил монастыря
Шестью зарядами подряд...

В пекарне, в подполе сидели,
Кто за столом, а кто в постели,
От мала до велика... те,
Кого спасали в полутьме.

Монахи, беженцы и дети...
Как можно было не задеть их,
Когда снаряд влетел в подвал
И всё, что мог там разорвал?

Господь их спас... все были живы,
Бежали в храм, что было силы,
Чтоб между выстрелов успеть,
Творя молитвы, уцелеть.

И благодарственный молебен
Звучал особенно священно,
И детских голосов хрусталь
Блаженно воспевал Христа.

Снаряд не знал, где были дети...
Артиллерист не знал об этом,
Но знал, что совершает грех,
Паля из пушек без помех.

Бог поругаем не бывает,
Нацист, об этом забывая,
Святую Церковь жжёт огнём
Себе на гибель чёрным днём...

Когда нет веры никому,
Сомнений много,
Не уходи душой во тьму,
Доверься Богу!

Иди на свет Его шагов
Его дорогой,
Гони взашей Его врагов
Его же догмой.

Умей понять, зачем в бою
С тобой пребудут,
Твою ли душу иль свою
Враждой погубят.

Сам у себя не будь в долгу,
Живи БОГато,
Стяжанный дух даруй врагу,
Вернётся братом.

– Раздели со мной тревогу.
Не звонит – погасла жизнь.
Я прошу совсем немного...
Чтобы жив был, помолись,
На душе моей затменье,
Всё стучусь в сердца людей.
На полях идёт сражение –
В душах тоже... Пожалей!

– Я жалею, всех жалею,
Помоги, Господь, кричу!
Прекрати войну скорее,
Пожалей нас хоть чуть-чуть!
Есть предел усталым нервам,
Смилуйся, – помилуй Бог!
Позвонят пусть жёнам верным
Их мужья – спаси Любовь!
Пусть поздравят «декабристок»
С этим светским Женским днём,
Над полями пусть игристо
Лишь Любовь горит огнём!

2018

Среди слёз возрастают в мир дети,
Солнце с неба нечасто им светит,
Чувства в горе скрывать – это выбор.
Душу Богу открыть... не забыть бы.
Льётся кровь, цепенеет твой разум,
Жизнь идёт в гору бабой несправдливой.

Причитая, всё гладит живот свой:
– Сохраню тебя, милый, не бойся.
Не дожил твой батяня до счастья...
Душат слёзы, но ты улыбайся...
Ты остался во мне. Ты – остался!
В детях, внуках теперь продолжайся.

Вот такое у нас с тобой счастье...
Несмотря ни на что – улыбаться.

Александр СИГИДА

(публикуется с авторской редакцией)

2014

ЦИКЛ «ВМЕСТО РЕПОРТАЖА»

*светлой памяти А.А. Гизая,
погибшего 2 июня 2014*

там – на картинках – красивые горы
гордые профили дремлющих скал
(тут – бесконечное личное горе
и бесконечный смертельный оскал)
головы молча склоняя над гробом
нам остается продолжить борьбу
(звонкий салют отзывается громом
сопровождая жизнь и судьбу)
вот и дожили до грозного часа –
к нам возвращается время потерь...
(горы Афгана и степи Донбасса
соединились навеки теперь)

натуральная околесица
надоела в конце концов
(повзрослевшие за три месяца
пополняют ряды бойцов)

тучи тянутся вереницами...
(возвращаясь на год назад –
надо справиться с небылицами –
надо все, как есть, рассказать)

как мы вовремя успокоились
почивая в богатырях...
(как полгода они готовились
в тренировочных лагерях –

и послушные указаниям
руки тянутся на восток...)
мракобесие – в наказание –
попадет-таки под каток

(получается – эти <пальчики>
отпечатались в том году...)
наступают русские мальчики
повзрослевшие на ходу

(вместо репортажа)

будем рыть землянки и стараться жить –
миром в Атаманке надо дорожить

открываем лица – тянем провода
(появились птицы и пошла вода)

холода всё ближе что ни говори...
(залатали крыши – сушим сухари)

выясним кто круче через телефон
и на всякий случай варим самогон

гречку да овсянку дали на паек
(не согрев хозяйку тает огонек...)

(ласточке)

тают наши города
накануне долгой осени –
наступают холода –
(в роковом многоголосии)

догорает огород –
перелетные снимаются...)
разбегается народ...
телезрители свыкаются

с монотонной чехардой –
канонада да рыдания
(жить с технической водой
можно долго...)
до свидания!

далеко видать с горы –
(как ни вспомнить здесь про Воланда);

из-за жажды и жары
притушилось чувство голода

Вместо репортажа

месяц не было связи –
ни грошей, ни воды
(выбирались из грязи,
как Москва из Орды)

ни к чему разговоры –
ложь ловили на слух...
(узаконить поборы
за войну и испуг?!)

оправдавшие напад –
снова точат клинок
(ляжет Солнце на Запад,
если встанет Восток)

здесь не сено а манна
застилая лиман
солнце в сети заманит
серебристый туман

утро тянет волынку
но блеснули лучи
и прохладную дымку
закljučают в ночи

так приветствуя просинь
переливами рос
входит в раннюю осень
золотой сенокос

(по словам очевидца)

нет ни <Варяга>, ни <Грека>
<Ялта> убит разрывной
(чтобы <достать> человека
нужен тебе позывной?)

<милая> девушка-снайпер,
ты же невеста и мать...
(хитросплетения найма
нам никогда не понять)

черно-белое движение

I

двери закройте – чёрная масса –
дети Одессы и дети Донбасса –
новую расу выдал халдей

бьемся и курим с первого класса –
нам не досталось зрелищ и мяса –
нам не хватает светлых идей

II

вам не понятны наши заботы? –
без перспективы и без работы –
шахты закроют – заводы стоят;

взвейтесь кострами, чёрные ночи!
мы – добровольцы – дети рабочих –
братья таких же точно ребят

III

тонны добычи – метры проходки...
те, кто постарше и одногодки,
те понимают важную речь

что-то неладно в товарищах, если
мы забываем старые песни
и остывает русская речь

IV

юмор – отдельно – в сторону шутки;
жить в этом городе попросту жутко –
годы лихие всё ещё тут

нам не хватает надежды и веры –
полусвятые и полузвери –
все мы готовы на подвиг и труд

V

вольному – воля! Землю – народу!
нам наплевать на вашу свободу
на радиацию, раду и дым

деньги и злато где-то в столицах
а в подворотнях хмурые лица

в этой державе жить молодым?

Избранное

открыты Веды и Авеста
как дар небесного Отца;
земля – Господняя невеста
лежит в излучине Донца.

равнина потеряла стыд!
светя холмами и курганами,
весной раздетая лежит,
прикрывшись рваными туманами.

на краеведческом пути
не прозябала недотрогой;
и с <чёрным золотом> в груди
она идёт своей дорогою

<минуя Индию... Иран...>
в рассветном сумраке увидели:
горит огнями Русский СТАН
источником святой обители.

Сон при солнце

Целый месяц снится серп
и осиновая лестница;
я сейчас боснийский серб
под османским полумесяцем.

Я решительный и злой,
(чтобы ничего не думали),
я сегодня сам не свой
и не кланяюсь под пулями.

Прошибает пот седьмой,
несмотря на ветер с Севера.
Я сердитый и седой,
чувствую себя уверенно.

Забываю о добре.
Беды чувствую брюшиною.
...чтобы есть на серебре
и командовать дружиною...

его ворота сожжены.
я был печален и постился,
нет ни младенца, ни жены,
и пруд владыки испарился,

увёл торгующих за ров,
и запретил труды в субботу;
осуществил доставку дров
и проявил о вас заботу.

по приказанию вождей
они на площади сидели,
дрожа за жён и от дождей,
так уходили дни, недели.

я запретил субботний труд,
увёл торгующих за башню,
очистил ров и вырыл пруд,
послал крестьянина на пашню.

а ныне, Господи, ты прав,
мы стали царскими рабами;
за наш простой и тихий нрав
поставь правителя над нами.

Литературная хроника

Декабрь

В Тюмени прошла презентация 10 аудиокниг тюменских писателей.

Уникальность этого проекта в том, что впервые в России аудиокниги профессионально созданы региональной библиотекой для слепых и слабовидящих в собственной студии звукозаписи.

Авторы и произведения для аудиокниг отбирались на основе опроса читателей. В итоге были отобраны основатели областной писательской организации: Константин Лагунов, Иван Ермаков, ямальский писатель Иван Истомин, поэт Николай Денисов, молодым ушедший из жизни Владимир Белов, а также ныне здравствующие прозаики Сергей Козлов, Леонид Иванов, Ирина Андреева, краевед Аркадий Захаров.

В Тюмени состоялось награждение победителей Межрегионального конкурса «Книга года – 2023», на который нынче поступило более 200 изданных в регионе книг. Конкурс реализуется в рамках регионального проекта «Творческие люди» национального проекта «Культура» при поддержке департамента культуры Тюменской области.

Книгой года признан графический роман члена Союза писателей России Анны Неркаги «Анико из рода Ного» (художник Полина Сайфуллина). Анна Неркаги живёт в ямальской тундре, но на учёте остаётся в тюменской организации, где в 1978 году была принята в Союз писателей. Её роман «Молчащий» переведён на многие языки, в том числе на китайский, английский, испанский, немецкий. Анна Неркаги несколько раз была номинирована на Нобелевскую премию по литературе.

Январь

Тюменские писатели встретились с Героем России, участником СВО, заместителем начальника ТВВИКУ полковником Рустамом Сайфуллиным.

Помимо членов Союза писателей России, во встрече принимали участие несколько десятков человек, это члены литературных объединений Тюмени и Тобольска, молодые авторы и простые любители литературы. Рустам Галиевич вырос в простой деревенской семье одного из дальних районов Тюменской области, дед – участник Великой Отечественной войны, строго следил, чтобы с раннего детства у каждого в семье были свои обязанности по дому и по хозяйству, и, как отметил гость встречи, эта ответственность за тех, кто от тебя зависит, стала нормой жизни в армии.

Тюменские писатели начали новый уникальный проект – видеовстречи с земляками – бойцами СВО отряда «Ермак», сформированного год назад в Тюменской области из добровольцев и мобилизованных. Замполитом отряда был назначен боевой офицер, член Союза писателей России, тюмонец Валерий Мурзин с позывным Augusto. Он служил в пограничных войсках России на Дальнем Востоке, Средней Азии, Кавказе и на западной границе.

Валерий Мурзин, организовавший по согласованию с политуправлением армии встречу с земляками, обозначил главные трудности, в которых значительную помощь могут оказать общественные организации и государственные структуры. Это и патриотическое воспитание, и просвещение будущих защит-

ников Родины, моральная, культурная поддержка бойцов и даже работа с семьями воюющих.

Работа Тюменского регионального отделения СПР отмечена Благодарностью воинской части «Ермак», сформированной в Тюмени и дислоцированной в зоне СВО.

Шефство над земляками-добровольцами и призванными по мобилизации началось ещё во время формирования части на учебном полигоне в окрестностях Тюмени. Тогда писатели передали более 500 книг, собранных из личных библиотек.

Связь с земляками не прерывалась все полтора года с момента формирования подразделения ещё и благодаря тому, что замполитом части служит член Союза писателей России Валерий Мурзин.

В Тюменской области широко отметили 100-летие князя сибирской литературы Ивана Ермакова.

Участник Великой Отечественной войны, отмеченный за подвиги орденами и медалями, тюменский писатель Иван Ермаков прославился своими сибирскими сказами. У него не было высшего образования, да и о среднем специальном данные расходятся, однако не было и уже не будет писателя, равного ему по образности языка, что впитал в себя всё богатство фольклора и исконно русских диалектов. Все его двадцать книг написаны бесподобно и в полной мере отражают русский характер жителей Сибири, вне зависимости от национальности.

Февраль

В Государственной Думе России прошло межфракционное заседание на тему: «Социальный статус и меры государственной поддержки российских писателей».

С обстоятельными докладами, глубоко отражающими сложившуюся ситуацию с современной литературой, книгоизданием, ролью и местом писателя, выступили руководитель фракции ЛДПР Леонид Слуцкий, председатель комитета по культуре Госдумы, народная артистка России Елена Драпеко, депутаты от других фракций, руководство Союза писателей России, руководители региональных писательских организаций, редакторы ведущих литературных изданий. Тюменское региональное отделение Союза писателей России на четырёхчасовом форуме представляли вошедшие в состав Совета писателей председатель правления ТРО СПР Леонид Иванов и лауреат Большой литературной премии СПР, Почётный гражданин Тюменской области Анатолий Омельчук.

Озвученные на заседании предложения лягут в основу законопроекта, который ещё до выборов президента страны будет предложен депутатам для обсуждения.

В День воинской славы стало известно о подписанном президентом РФ В.В. Путиным Указа о награждении группы участников СВО правительственными орденами и медалями.

Медали ордена «За заслуги перед Отечеством II степени» удостоен тюменский прозаик, член Союза писателей России, заместитель командира отряда «Ермак» по военно-политической работе Валерий Мурзин, который несёт службу в составе подразделений, занятых в СВО.

Член Союза писателей России Екатерина Володина награждена медалью «За активную работу по военно-патриотическому воспитанию».

Екатерина Володина накануне Дня защитника Отечества принята в Союз писателей России по фронтовому призыву вместе с военкорами за плодотворную деятельность по оказанию гуманитарной помощи жителям и бойцам Донбасса и многолетнюю работу по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Март

75-летний юбилей отметил детский писатель Василий Михайлов. Торжества прошли с участием юных читателей областной детской библиотеки им. Константина Лагунова, открытой в начале года после капитального ремонта.

Василий Михайлов – автор нескольких книг для самых маленьких читателей. Его охотно приглашают в городские библиотеки, школы Тюмени и Тюменской области. Писатель награждён медалью «За заслуги перед литературой», а в 2022 году стал лауреатом Международной премии им. П.П. Ершова – одной из самых престижных литературных премий за произведения для детей и юношества.

Апрель

В Объединенном музее писателей Урала прошла встреча с тюменскими писателями Анатолием Омельчуком и Леонидом Ивановым.

Анатолий Омельчук презентовал екатеринбуржцам свою новую книгу «Родина твоего счастья». Она представляет из себя настоящую машину времени, которая доставит читателя в любую точку континента Сибирь. Константинов камень Полярного Урала, нефтяная платформа «Сахалин-1» в Тихом океане, Саянская вершина Мунку-Сардык, озеро Виви на плато Путорано, Байкал, алтайский Уймон, хребет Бырранга, Аржаан тувинской степи, Могочинский бор, мыс Челюскина, урочище Диринг-Юрях, Денисова пещера...

Май

В Тюменском ДК «Нефтяник» прошла 47-я научно-практическая конференция, посвящённая Дню славянской письменности и культуры. В числе её учредителей традиционный выступило и Тюменское региональное отделение Союза писателей России.

Конференция посвящена Году семьи в России, 80-летию Тюменской области, 10-летию присоединения Крыма к России и другим значимым в общественном пространстве России и нашем сибирском регионе событиям и личностям, памятные даты которых приходятся на 2024 год. В числе значимых личностей названы писатели-земляки Иван Ермаков, Константин Лагунов, Леонид Иванов и Вячеслав Софронов.

Июнь

На Красной площади Москвы прошла традиционная Международная книжная выставка. В фестивале книг приняла участие и делегация тюменских книгоиздателей и писателей. В числе представленных произведений москвичам и гостям города были названная Книгой года – 2023 «Анико из рода Того» Анны Неркаги, новые книги Анатолия Омельчука, Леонида Иванова и Сергея Козлова.

Коротко об авторах

АНАНЬЕВ Евгений Григорьевич (настоящая фамилия Шерман, 19 октября 1923 – 9 апреля 1992). Очеркист, публицист. Детство прошло в Одессе. В 1935 году переехал с родителями в г. Свердловск. Окончил Горьковское училище зенитной артиллерии (1942). Участник Великой Отечественной войны, командир взвода, батареи, начальник разведки артполка. В боях за Варшаву был тяжело ранен и в 1944 году демобилизован. Награждён двумя орденами Красной звезды (1944 и 1947), орденом Отечественной войны I степени (1985), медалью «За победу над Германией».

В 1945–1948 годах работал корреспондентом газеты «Труд», затем в газетах «Красный боец», «Красный Курган», «Тюменская правда», «Тюменский комсомолец». Экстерном окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (1947). С 1983 по 1987 год возглавлял Тюменское отделение Союза писателей РСФСР. По сценариям Шермана-Ананьева снято тридцать три документальных фильма о Западной Сибири. Автор нескольких книг очерков о первооткрывателях недр Западной Сибири, о коренных народах Севера: «Хозяева тундры» (Тюмень, 1953), «Остров нефтяных робинзонов» (Свердловск, 1961), «Под стальным парусом» (Тюмень, 1963), «Цвет тундры – голубой» (Свердловск, 1973). Член Союза журналистов СССР (1957), Союза писателей СССР (1965).

АНАШКИН Эдуард Константинович. Член Союза писателей России, прозаик и эссеист, литературный критик. Родился в 1946 году в Читинской области. Автор книг «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплет», «Под крылом Пегаса», вышедших в Самаре и Москве. Лауреат Самарской региональной премии им. Гарина-Михайловского. Лауреат Всероссийской премии «Имперская культура». Живет в Самарской области.

БЕКРЕШЕВА Лариса Алексеевна. Родилась в с. Макарово Станично-Луганского р-на Луганской обл. Автор книг стихов «Сентябринки», «Островок Любви», «Симфония тишины». Публиковалась в ряде коллективных сборников и периодических изданиях Украины и России. Автор более 50 научных публикаций, в том числе об искусстве перевода. Лауреат многих поэтических конкурсов. Председатель Республиканского союза писателей (Луганского отделения Межрегионального СП). Лауреат литературной премии имени Владимира Гринчукова. В настоящее время – старший преподаватель кафедры иностранных языков Луганского национального университета имени Владимира Дала.

БЕЛКИН Сергей Васильевич. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал журналистом, редактором Уватской районной газеты, затем долгое время – заместителем директора департамента информационной политики Тюменской области. В настоящее время на пенсии. Член Союза журналистов РФ. Живёт в Тюмени.

ВЬЮГИНА Светлана Васильевна. Родилась в Московской области. Окончила факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Печаталась в журналах «Мурзилка», «Весёлые картинки», «Юный натуралист», «Балтика», «Дон»,

«Дон новый», «Огни Кузбасса», «О, русская земля!», «Омск литературный», «Север», «Сура», «Подъём». Автор книг для детей: «Конопастик», «Солнечные краски», «Рыжий снег», «Облака-забияки», «Сибирский валенок», «Волшебное словечко», «Черёмуховое крылечко», «Вьюнок» и др. Лауреат Международной премии им. П.П. Ершова. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ЕРМАКОВ Иван Михайлович (27 января 1924 – 20 июня 1974). Родился в многодетной крестьянской семье. В 1939 году окончил в родной деревне семилетку и поехал в Омск. Там поступил в творческую студию при областном драматическом театре и одновременно начал работать актером-кукловодом в Омском кукольном театре. В марте 1943 года был направлен на фронт командиром стрелкового взвода. Воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, дважды был ранен. Награжден орденом Красной Звезды. В 1951 году возвратился в родные места. Учился в Тобольской культпросветшколе, окончил ее в 1953 году. Заведовал сельским клубом, потом Домом культуры.

Получил известность как автор сибирских сказов, работал в жанрах очерка, рассказа, повести, но творческий успех к нему пришел именно в жанре сказа, трудном и довольно редком, который утвердился в нашей литературе после выхода в 1939 году книги П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка».

Наиболее полным изданием сказов И.М. Ермакова стал вышедший в 1984 году в Свердловске том «Учите меня, кузнецъ» (серия «Уральская библиотека»).

Член Союза писателей СССР с 1962 года.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Иванович (16 мая 1958 – 1 ноября 2020) Родился в с. Суерка Упоровского района Тюменской области. В 1980 году окончил Тюменский государственный университет. Служил в армии. Работал учителем военного дела, русского языка и литературы.

С 2002 по 2014 гг. – ответственный секретарь альманаха «Врата Сибири».

Первая книга стихов «Поколение покоя» (три автора: В. Белов, В. Захарченко, С. Комаров) издана в Тюмени в 1996 году. В том же году – книга стихов «Русская душа». В 1998 году опубликован в сборнике выпускников университета «Сад сокровенный». Книга стихов «Сны возвращения» издана в Тюмени в 2001 году. На страницах периодической печати выступает как литературный критик и публицист.

Член Союза писателей России с 1997 года.

КАЗМЕРЧУК Олеся Владимировна (7 июня 1989 г., город Луганск). Поэзией занялась в студенческое время. Публиковалась в журналах «Молодой луг», «Александръ», в альманахе «Территория слова», в сборнике «Любимый город над Луганью». Автор сборников «Мечта на подушках пальцев» (2019 г.), «Столица сердца» (2021 г.), соавтор сборника «Мирное поле поэзии» (2021 г.). Лауреат фестиваля «Муза Новороссии» (2018 г.). С 2021 г. занимается версткой и оформлением книг. Любит природу, животных, литературу, творчество в любом его положительном проявлении и свою Родину.

КОНОВСКОЙ Николай Иванович. Родился в 1955 году в Белгородской области. Служил в армии. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького.

Печатался в журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Дон новый», «Лад Вологодский»; газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы» и других центральных и региональных изданиях.

Автор поэтических книг, среди которых «Равнина», «Твердь», «Зрак», «Врата вечности», «Тростник», «В отблеске горнем», «Келья», «Лирика», «Божья коровка», «Кровь граната». Лауреат Всероссийской православной литературной премии им. Александра Невского Александро-Невской лавры, лауреат Всероссийского поэтического конкурса им. С.А. Есенина, премии Союза писателей России «Слово», «Ладога». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ЛУЦКИЙ Сергей Артёмович. Родился в 1945 году в с. Дзыговка Ямпольского района Винницкой области Украинской ССР. Окончил Черновицкий индустриальный техникум и Литературный институт имени А.М. Горького. Работал в Госкомиздате РСФСР, литературной консультации правления СП СССР, Министерстве печати РФ. Публиковался в журналах «Юность», «Октябрь» и других. Автор более десятка книг прозы. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка. Лауреат премии губернатора ХМАО-Югры.

Член Союза писателей России. Долгие годы проживал в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. Член Союза писателей России. В настоящее время живет в Московской области.

МАВРОДИ Наталия Владимировна. Родилась в Мариуполе Донецкой области. С детских лет живет в Луганске. Образование высшее. По профессии – инженер-литейщик. Автор книг стихов «Две стороны», «Времена не выбирают», «Голос времени», книги сказок «Снежка», соавтор краеведческой книги «Гостиница «Украина» («Октябрь»). Ул. Пушкина, 3». Стихи, рассказы и сказки напечатаны во многих альманахах, коллективных сборниках и периодических изданиях Украины, России, Беларуси, Германии, Греции, Великобритании. Председатель Правления Межрегионального союза писателей, член Исполкома Международного сообщества писательских союзов (МСПС), шеф-редактор альманаха и сайта МСП «Свой вариант». Лауреат литературных премий имени Олега Бишарева, имени Михаила Матусовского и имени Владимира Даля.

МАНАЕВА Галина Петровна. Публицист, литературовед. Член Союза журналистов России. Окончила Уральский государственный университет имени А.М. Горького, факультет журналистики. Свою творческую деятельность начинала в Нижнетавдинской районной газете «Светлый путь». Основатель и редактор ряда региональных изданий ХМАО-Югры, в которых проработала 35 лет.

Многочисленные публикации, исследования и изыскания опубликованы в научных, литературно-художественных, краеведческих изданиях Крыма, Тюмени, Одессы, Приднестровья.

Дипломант XII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь – 2021» в номинациях «Литературоведение» и «Публицистика».

Автор документальных книг «Жизнь как многообразие опыта» (2016), «Феодосия Серебряного века» (2017). Награждена общественной медалью РФ «За заслуги в культуре и искусстве».

МАРКИЯНОВ Андрей Александрович. Родился в г. Тюмени 30 июня 1959 г. Стихи начал писать в 12 лет, прозу – во время прохождения военной службы. В 80-х гг. продолжал писать стихи и прозу, публиковался в периодике. Печатался в журналах «Сибирские огни», «Сибирское богатство», «Врата Сибири», «День поэзии» (Санкт-Петербург), «Александръ», «Светоч», «Жемчужина» (г. Брисбен, Австралия), в Германии в альманахе «Эдита» (Unzensiert № 11). Член Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

МЕДВЕДЕНКО Андрей Ефимович. Родился 22 февраля 1951 года в Богородицком районе Тульской области в семье шахтера. Детство прошло в городе Кировске, что на Луганщине. Трудовую биографию начал горняком на шахте № 77. Работал на Волгоградском тракторном заводе, на шахтах Донбасса. Закончил Харьковский медицинский техникум.

В апреле 1977 года в издательстве «Донбасс» был напечатан первый сборник стихотворений поэта «Уголь и вишни». В том же году был принят в Союз писателей СССР. В 1982 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Андрей Медведенко более десяти лет руководил областным литературным объединением им. В.М. Сосюра. С 1996 года – директор областного издательства «Світлиця».

Автор полутора десятков сборников.

МИЛОВАНОВА Ольга Эдуардовна. Родилась в 1969 году в Асбесте Свердловской области. Получила высшее музыкальное образование в Уральской государственной консерватории и 30 лет преподавала в системе дополнительного образования.

Занимается научной деятельностью по искусствоведению. В 2017 году выпустила сборник «Раннее творчество Н.Я. Мясковского. Взгляд современников. Материалы, статьи, персоналии». Публиковалась в научном вестнике уральской консерватории «Музыка в системе культуры».

Писать прозу начала в 2018 году. Новеллы Ольги Миловановой – это лирические истории о людях, живущих сегодня рядом с нами. Они такие разные, но их объединяет одно – все они ищут и находят свой путь в жизни, обретая гармонию. Живёт в Ханты-Мансийске.

НЕКРАСОВСКИЙ Марк Викторович. Публикует стихи, прозу и детскую литературу с 2005 года. Председатель Луганского Республиканского отделения СПР им. В. Даля. Авторские книги: «Мы Одиссеи в жизни и любви» (2006), «Мы всё же достигаем высоты» (2007), «Танго смерти» (2016), «Кровавая пыль. Летопись войны» (2022).

Публиковался в коллективных сборниках, альманахах, литературных журналах. Лауреат литературной премии имени Михаила Матусовского, «Молодой гвардии», Олега Герасимова, Владимира Гринчукова, «Гранатовый браслет» (СПР).

По мотивам поэмы «Танго смерти» была создана постановка в Ханты-Мансийске, на сцене Югра Классик – «Последнее танго», режиссёр Инна Голикова. Живёт в Луганске.

ОГОРОДНИКОВ Виталий Петрович (1956 – 2024). Родился в Тюмени. Окончил Тюменский инженерно-строительный институт и с тех пор работал геодезистом. Бывал в многомесячных экспедициях за Полярным

кругом и в пустыне, увлекался велосипедным спортом, готовился совершить кругосветное путешествие на велосипеде, но финансы пенсионера позволили добраться только до Мадрида. С детства увлекался поэзией, музыкой и изобразительным искусством. Автор нескольких персональных художественных выставок и трёх поэтических сборников. Публиковался во многих газетах и журналах. Член Союза писателей России.

ОМЕЛЬЧУК Анатолий Константинович. Родился 27 февраля 1946 г. в п. Могочино Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета. До 1987 г. – радиорепортёр «Ямалрадио» в г. Салехарде. 33 года (до 2019 г.) возглавлял Тюменское областное телевидение – президент телерадиокомпании «Регион-Тюмень». Автор около 200 документальных телефильмов о Ямале, Югре, Сибири, Севере и Арктике. Первая книга «Салехард» издана в Свердловске в 1978 г. В настоящее время их издано уже 58.

В Союз писателей СССР принят в 1990 г. Переводился на английский, французский, испанский, немецкий, китайский, хантыйский и ненецкий языки.

Заслуженный работник культуры РФ, Почетный гражданин Тюменской области, почетный нефтяник, награжден орденом Дружбы. Литературные премии П. Ершова, П. Бажова, В. Маяковского, Д. Мамина-Сибиряка, И. Ермакова, В. Шишкова, «Слово», литературная премия губернатора Ямала, «Югра», орден «Звезда Достоевского», Большая литературная премия России.

ПЛЕСКУН Виктор Иванович. Родился в 1964 г. в городе Житомире. Окончил естественно-географический факультет Ворошиловградского педагогического института и филологический факультет Луганского государственного педагогического института Восточноукраинского университета. Работал учителем украинского языка и литературы, в феврале 2022 г. мобилизован в ряды Народной милиции ЛНР. В апреле 2022 был ранен. Сейчас заведующий Историко-мемориального музея А.Я. Пархоменко – отдела Государственного учреждения культуры Луганской Народной Республики «Луганский краеведческий музей». Проживает в с. Пархоменко. Пишет на украинском и русском языках. Автор двух сборников поэзии: «Поэзия рождается весной», «Цвіт шипшини» (Луганск, 2021 г.).

СЕЗЕВА Наталья Ивановна. Доктор искусствоведения, член Союза художников РФ, председатель Тюменского отделения ассоциации искусствоведов РФ, была зав. отделом «Художественная культура и искусство края» Тюменского музея изобразительных искусств ГАУКТО «Музейный комплекс им. И.Я. Словцова». В настоящее время работает в Тюменской централизованной городской библиотечной системе. Живет в Тюмени.

СИГИДА Александр Александрович. Родился 26 мая 1986 года в г. Краснодоне. Окончил Луганский национальный педагогический институт им. Т.Г. Шевченко. Публикуется с 2001 года. Поэт, переводчик. Пишет на русском языке.

Публиковался в альманахах «Крылья» (Луганск), «Свой вариант» (Луганск), журналах «Москва», «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «ЛиФФт»

(Москва), «Роман-газета» (Москва), сборниках «СТАН», в газете «Здравствуй». Лауреат третьей литературной премии партии «Справедливая Россия» (2016). Награждён серебряной медалью Международного литературного фестиваля «ЛиФФт» (2016). Живёт в Луганске.

СОЛОДОВА Татьяна Ильинична. Писатель-краевед, основатель серии «Жизнь замечательных людей Тобольска» (ЖЗЛТ). Неоднократный лауреат регионального конкурса «Книга года».

Награждена медалью II степени «За вклад в развитие генеалогии и прочих специальных исторических дисциплин» и медалью «Н. Рубцов» за значительный вклад в развитие краеведения Сибири, литературно-краеведческие труды, развивающие «в назидание потомству» глубокое чувство патриотизма. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (Московское отделение). Член Союза писателей России. Живёт в Тобольске.

ТИШКИНА Светлана Эдвиговна. Поэт и прозаик, публицист и драматург, член Союза писателей России. В 2021 году принята в Национальную Ассоциацию Драматургов. Родилась в г. Энгельсе Саратовской области 15.02.1963 г. в семье военного. С 11 лет проживает в г. Луганске, ЛНР. Председатель Православного литературного объединения «Свете Тихий», лауреат Всероссийской премии СПР «Слово». Составитель Международного альманаха «Свете Тихий». Лауреат и дипломант нескольких литературных премий. Автор поэтических сборников, книг прозы и десятка пьес.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках:

рисунки детей, эвакуированных в Сибирь из блокадного Ленинграда.

На обложке:

рисунок 1941 года. Владимир Петров, 14 лет.

Произведения Виктора Захарченко, Евгения Ананьева и Ивана Ермакова перепечатаны с сайта «Электронная библиотека Тюменского писателя». Редакция благодарит Тюменскую ЦГБС за предоставленную возможность.

Альманах зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издается при финансовой поддержке Правительства Тюменской области. Выходит два раза в год. Издается с 1999 года.

Адрес редакции:

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
тел./факс: (3452) 49-00-18
e-mail: ivanovlk@yandex.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, оф. 410
Директор-главный редактор Шестаков Сергей Александрович
тел. (3452) 49-00-18, e-mail: editor@tumentoday.ru

Подписано в печать 05.06.2024 г.
Дата выхода номера в свет 28.06.2024 г.
Формат 70x108 1/16 Бумага ВХИ.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.
Тираж 2 000 экз. Заказ № 1048. Цена свободная.
Журнал отпечатан в типографии АО «ИИЦ «Красное знамя».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Верстка номера: Созонов Владислав Юрьевич.
Корректор: Александрова Александра Владимировна.

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если ее объем не менее: проза – 10 а.л., поэзия – 5 а.л., публицистика – 3 а.л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.

